E75
.21D

E75
210

ИСТПАРТ
ОТДЕЛ ЦК ВКП(б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВКП(б)

СОЛДАТСКИЕ ПИСЬМА 1917 ГОДА

★

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
М. Н. ПОКРОВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
★ 1927 ★

DB
H50
E75
210
60

ИСТПАРТ
ОТДЕЛ ЦК ВКП(б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВКП(б)

СОЛДАТСКИЕ ПИСЬМА
1917 ГОДА

★

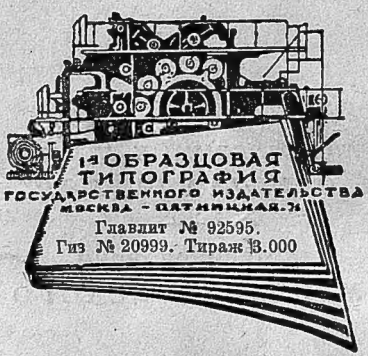
ПОДГОТОВЛЕНЫ К ПЕЧАТИ
О. Н. ЧААДАЕВОЙ

—

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
М. Н. ПОКРОВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1927 ★ ЛЕНИНГРАД

3С
175



Главлит № 92595.
Гиз № 20999. Тираж 3.000

Заказ № 3303.

БИБЛИОТЕКА
АКАДЕМИКА ПРОФЕССУРЫ
№ 3271 Ч

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
489098
Историческая

М

~~Сф-12310~~

ПРЕДИСЛОВИЕ ИСТПАРТА

Публикуемые «солдатские письма» представляют большой исторический интерес. По ним можно судить о том, как изменялось настроение солдатских масс, как нарастали революционные события, как большевизировались массы в результате политики керенщины. Солдатские письма адресованы частью в Петроградский Совет, частью во ВЦИК и охватывают период с марта по ноябрь 1917 г. Не все письма имеют подписи. Некоторые из публикуемых писем подписаны лишь инициалами. Истпарт воспроизводит подписи в том виде, в каком они имеются в подлинниках. Во всех письмах даты указаны по старому стилю. Всего публикуется 129 писем, из'ятых из фонда Секретариата ВЦИК'а и его Военного Отдела (АОР, XXX фонд).

Письма собраны, подготовлены к печати и прокомментированы т. О. Н. Чаадаевой.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

«Самым крупным, самым ярким проявлением мелко-буржуазной волны, захлестнувшей «почти все», надо признать революционное оборончество, — писал Ленин в апреле 1917 года. «Именно оно злейший враг дальнейшего движения и успеха русской революции»... «Лозунг «долой войну» верен, конечно, но он не учитывает своеобразия задач момента, необходимости иначе подойти к широкой массе. Он похож, по-моему, на лозунг «долой царя», с которым неумелый агитатор «доброго старого времени» шел просто и прямо в деревню и получал побои. Массовые представители революционного оборончества добросовестны не в личном смысле, а в классовом, т.-е. они принадлежат к таким классам (рабочие и беднейшие крестьяне), которые действительно от аннексий и от удушения чужих народов не выигрывают».

Мы теперь знаем, что лозунг «долой царя» звучал кое-где в русской деревне 1905 года независимо от каких-либо агитаторов, звучал устами самих крестьян, особенно там, где крестьяне были «удельные», некогда принадлежали царской фамилии, где, значит, царь и помещик сливались в одном лице. Тысячу раз прав был Ленин, что соваться в каждую деревню с лозунгом «долой царя» значило в девяти случаях на десять получить побои. Но десять тысяч раз неправы были кадеты, сладко певшие о «стихийном монархизме» крестьянской массы. На самом деле 99% этой массы просто отно-

сились к этому вопросу совершенно бессознательно, а один процент, начавший самоопределяться в политическом отношении, самоопределялся в антимонархическом направлении. Надо было терпеливо и медленно помогать этому самоопределению, «раз'яснять и раз'яснять» и успех был несомненен, «не очень быстрый, но верный и прочный» [1]).

Было ли то же с «добросовестным оборончеством»? Было ли это подлинное массовое стихийное настроение или же массы только пассивно усваивали бросаемые сверху лозунги, пока они, массы, просто еще ни в чем не разбирались, а как только начинали разбираться, переставали быть оборонцами? У нас для ответа на этот вопрос есть материал, подлинный не менее, а даже более, чем те губернаторские и жандармские донесения, по которым мы могли составить себе близкое к истине представление о настоящем настроении крестьянских масс в 1905 г. Это, во-первых, наблюдение над массовыми настроениями армий царской охранки и ее секретные донесения кому следовало. Документ, совершенно аналогичный губернаторским и жандармским донесениям 1905 года. И там и тут из чисто деловых соображений не только незачем было, но и невозможно было скрывать истину. Если бы охранники стали просто повторять ту «патриотическую» чепуху, которая печаталась в газетах, их бы прогнали к чорту, как никуда негодных информаторов.

Но по отношению к солдатской массе 1917 года у нас есть нечто еще лучшее. Все письма с фронта аккуратно читались военной цензурой, и она представляла по начальству обстоятельные сводки обо всем, что она в этих письмах находила интересного. Правда, тут приходится сделать две оговорки: во-первых, военное начальство, а цензура была ему подчинена, не в пример охранке имело весь интерес представить настроение на фронте в благоприятном свете; стре-

---

[1]) Ленин, т. XIV, ч. 1-я, стр. 45.

мление показать, что «все обстоит благополучно» весьма явственно сквозит во всех цензорских сводках. Но тем ценнее то, что даже в них прорывалось. Во-вторых, прекрасно зная о цензуре, солдаты, конечно, в письмах, как общее правило, не откровенничали. Этого не могли не понимать и сами цензоры. «Сравнительная бесцветность корреспонденции — замечает одна из сводок — отчасти (!) об'ясняется наличием цензуры, и наиболее верно отражающая истинный характер настроения переписка происходит помимо цензуры». Но это лишнее доказательство того, как ценны те немногие образчики неказенных настроений, что попадались даже в просмотренной цензурой переписке. Эти настроения отразились в последней не больше, чем в одном проценте, если даже еще ни в меньшей доле. Словом, это лишь маленький уголок истины, но самой истинной истины, более подлинной, чем все донесения «наблюдателей» из департамента полиции. Этот последний уже в октябре 1916 г. мог констатировать полное отсутствие на фронте казенного благополучия. К этому времени относится доклад петербургской охранки, напечатанной недавно в «Красном Архиве». «В армии настроение стало очень и очень неспокойным, если не сказать революционным» — говорится там. «Дороговизна жизни и недостаток продуктов, переносимые с трудом солдатами, очень хорошо известны армии через самих солдат, разновременно приезжающих сюда на «побывку». Циркулирующие в армии слухи о голоде в Петрограде достигли невероятных размеров и сейчас определенно граничат с областью чистой фантазии: по словам самих солдат, в армии имеются сведения, что в столице «фунт хлеба теперь стоит рубль», «что мясо дают только дворянам и помещикам», что уже будто бы открыто новое кладбище для умерших от голода и т. д. Беспокойство солдат за оставленные на родине семьи более чем понятно и законно, но скверно то, что оно с каждым днем все более и более увеличивается и является весьма благоприятной почвой для

успеха пропаганды не только революционной, но при известных условиях и «германской».

Нет надобности пояснять, что под «германской» пропагандой разумелось именно пропаганда антивоенная: кто ж будет кричать «долой войну», ежели не немецкий шпион? И как раз эта именно пропаганда делала большие успехи. По мнению одного «уполномоченного земского союза», доклад которого попал в руки охранки, «всякий, побывавший вблизи армии, должен вынести полное и убежденное впечатление о безусловном моральном разложении войск. Солдаты указывают на необходимость мира уже давно, но никогда это не делалось так открыто и с такой силой, как сейчас. Офицеры часто даже отказываются вести команды в бой, ввиду опасности быть убитыми своими же людьми». Предвидя, что многое здесь может быть отнесено ее читателями на счет индивидуальных настроений «уполномоченного», охранка сейчас же прибавляет, что о том же рассказывает и «ряд врачей», вернувшихся из действующей армии. О том же рассказывают, — могла бы прибавить охранка, и это было бы во много раз более убедительно, — военные цензоры, читавшие солдатские письма. Цензуре одной только 5-й армии уже к 15 января 1917 г. удалось поймать 443 «антивоенных» письма, составлявших, повторяем, конечно, ничтожнейшую долю «антивоенного», что могли бы сказать солдаты, если бы заговорили откровенно. С 15 по 23 января в той же армии «падение числа бодрых писем продолжается и возрастает число угнетенных. Процент бодрых писем доходит до 7,6 при 2,5 писем угнетенного содержания»: на три «ура» слышалось уже одно «долой войну», хотя и приглушенным голосом.

Разумеется, цензура уверяла, что в общем «настроение бодрое» и «поднимается». Но любопытно, что даже в серии «бодрых» цитат попадается такая: «Надоела до невозможности эта неразбериха. Желанный мир, говорят, еще долго не наступит, — пора бы одуматься и приступить к мирным

переговорам. Хотя здесь и всего хватает, но в тылу творится ужасное безобразие». Цензору, очевидно, понравилось, что на фронте «всего хватает»: среди града жалоб на скверную пищу (особенно ненавистна была солдатам чечевица: «раньше кормить боялись ею даже лошадей, — писал один солдат, — потому это от нее шерсть вылазит, а теперь и людей кормят») уже и это было «лучом света». Но лучей света становилось все меньше. В феврале уже казаки писали: «Войне краю не видно. Бог знает, когда кончится это убийство несчастного люда. Надоело смотреть на эту губительницу народа. Бог знает, за что три года войны. А убийства все увеличиваются. Сколько сирот, вдов и калек, умирающих с голоду, а конца все нет, да нет». Если так казаки писали, чего же было ждать от пехоты и артиллерии? «Какие новости у вас, что пишут газеты, пишут ли они насчет мира?» спрашивало одно пехотное письмо. «Господи, как хотелось бы мира и скорее домой». «Уж слишком затянулось это грязное дело и, несмотря на то, что истекает три года, конца не видно» — говорило другое «пехотное» же письмо. «У нас усиленно тарахтят о мире, да не знаю, будет ли дело...» Но и артиллеристам «уж надоело» таскаться по чужим странам. «Когда только всему придет конец...» Тоскливую фразу «хотя бы поскорее был конец» мы встречаем даже в офицерском письме. И оно прибавляло: «Здесь, между прочим, об этом говорят очень много». Говорили даже несомненные «добросовестные оборонцы». «Буду проситься опять на позицию, — писал солдат 1-го Кавказского стрелкового артиллерийского дивизиона, — пойду бить врага, чтобы поскорее был мир». О том же говорили, нужно прибавить, и ответные письма из дому к солдатам. «Наносим на всех и каждого проклятия, кто только поставил людей в такое положение» — писали в одном письме, говорившем о «страшном голоде» на родине. «Неужели они (!) лучше не придумали, как эту войну». Между фронтом и тылом здесь была полная гармония. Всего интереснее и по вполне об'яснимым

причинам всего реже — те указания в этих письмах сплошь дореволюционного периода, которые говорят о начинавшемся братании: «Так как наши и германские окопы очень близко одни к другим, то мы часто сходимся с немцами» — писали в Москву в начале февраля. «Мы даем им хлеба, а они нам папирос, и если наши и германские офицеры не видят, то расходимся благополучно». «Стою на позиции 40—50 шагов от немцев, — писали в другом письме, — немец, сволочь, жрать хочет, по утрам кричит: «дай хлеба и цукру!» А как они бегут, когда увидят, что наши несут хлеб — видно, что голодают». Автору письма и в голову не приходило, до чего с точки зрения «обороны отечества» это ненормальная картина: снабжения хлебом голодающего неприятеля.

Все это было до революции, — цитируемая сводка, написанная уже в марте, кончается словами: «что касается последних событий, то февральскими отчетами они еще не отмечены». А на полях пренебрежительная отметка военного начальства: «это уже устарелые сведения». Военные люди не только старались уверить других, но и сами наивно верили, что раз Николаю всенародно дали по шапке, всякие кислые письма с фронта сразу как рукой снимет. Составляя мартовскую сводку, цензор 5-й армии писал: «За первый период (когда еще сведения о перевороте не до всех дошли) настроение в общем бодрое и характер писем ничем не отличается от изложенного в предыдущем отчете за февраль месяц». Мы уже видели только что, какое это было «бодрое» настроение. «За второй период настроение повышенно бодрое, с преобладающим желанием продолжать войну до победного конца». Увы! Разочарование было близко. Уже статистика показывала, что если что изменилось, то с точки зрения «победного конца» — к худшему. За март месяц, против 11% писем о необходимости войны до победного конца, 8% писем говорили о «немедленном мире и прекращении войны». В январе было одно «пораженческое»

письмо на три «оборонческих»: теперь на 4 «оборонческих», «пораженческих» приходилось три. А из писем приходилось цитировать такие: «Война нам уже надоела. Мы думаем сделать сами мир, потому что за нас никто не хочет стараться». «Наше начальство говорит, что мира не будет, пока не разобьем германца, но с нашим начальством ничего не сделаешь. У нас хабарство, и они за деньги предались, а хотят, чтобы мы трудью отбили. Нет, мы в наступление не пойдем без нашего начальства. Довольно уже обманывать нас за 75 копеек в месяц. Хлеба нехватает, мясо через день, а то рыба порченая, сахару мало; для пузана хватает всего, а нам ничего нет». Это было в марте. К апрелю цензорский оптимизм уже начал сдавать. «За апрель месяц настроение в общем бодрое» (уже не повышенно бодрое) — гласила сводка. «В частности, в некоторых письмах попрежнему замечено желание мира, недовольство пищей, братание с немцами». Это было в 5-й армии. Цензор 1-й армии смотрел на вещи еще мрачнее. «Настроение войск по данным военной цензуры в настоящее время производит крайне смешанное впечатление. Непонимание сущности совершившегося переворота, сумбурность представлений, моральная расшатанность продолжают преобладать». В 1-й армии действительно были люди сознательные. «Вы ни в коем случае не уступайте буржуазному классу — писали из 538-го полка — ведь они могут быть в овечьей шкуре. Всецело контролировать их и просить комитеты итти рука об руку с Советом Солдатских и Рабочих Депутатов. Милюковым и Гучковым нет доверия. Это тот же капитализм, они на своем рубеже, а им охота остаться на нем, т. е. довести войну до победного конца в честь своей поживы. Мы хотим освободить все народы от позорного рабства. Довольно нам проливать море невинной крови на жизнь капиталистов. Ведь у одного Николая 60 миллионов десятин, больше, как вся Германия; на содержание дома Романовых, в год 80 миллионов, вот за это мы клали свою жизнь. Мы все, как один,

хотим мира без аннексий и контрибуций, а не как хотят Милюковы. Им нужен Константинополь и проливы, чтобы набить свои карманы золотом, но мы этого не хотим, мы не хотим больше проливать кровь. В наших руках ружья и наша свобода». От чтения этого письма цензора окончательно взяло уныние, и у него прорвалось: «Желание мира — общее». А передохнув слегка, он продолжает цитировать уже 537-й полк: «Если война эта скоро не кончится, то, кажется, будет плохая история. Когда же досыта напьются наши кровожадные толстопузые буржуазы? И только пусть они посмеют еще войну затянуть на несколько времени, то мы уже пойдем на них с оружием в руках и тогда уже никому не дадим пощады. У нас вся армия просит и ждет мира, но вся проклятая буржуазия не хочет его нам дать и ждет того, чтобы мы их поголовно вырезали...» Из 539-го полка писали: «Так что у нас про мир говорят, у нас миру не хотят офицеры и генералы, ну, нехай еще побудем до 15 мая, если не буде, то мы пойдем самоправно». И всему подвел итог украинец 717-го полка: «Немец усю правду знае, что у нас робится везде, он знае в городах, а также и про нас он так говорит, что мы не враги, а те враги, которые нас заставили драться».

Когда совещание главнокомандующих в начале мая констатировало единодушное настроение солдат против войны, оно не преувеличивало. За май по одной 5-й армии «пораженческих» писем цензура насчитала 12 413; «оборонческие» цензор уже не стал считать, так что соотношения их мы не знаем. Соотношение же «пораженческих» писем с января к маю будет как 350 : 12 413. Революция не спасла войны, как надеялась буржуазия. И когда петербургские рабочие выступали в феврале с двойным лозунгом: «долой монархию!», «долой войну!» [1]), они отражали настроение не

[1]) Из донесения охранки о первых днях февральского движения. См. „Февральская революция и охранное отделение", „Былое", 1918 г., 1, стр. 167 и 174.

только пролетариата, а и солдатской массы. Спайку между рабочим и крестьянином в 1917 году впервые нащупал именно лозунг «долой войну»—лозунг земли выдвинулся лишь позже. Сначала нужно было кончить войну, потом делить землю.

Но не следует думать, чтобы эта логическая последовательность вопросов была таковой же и исторически. На самом деле — и это чрезвычайно любопытное явление — вопрос о земле встал тотчас же после падения самодержавия и в непосредственной связи с этим падением: изумительный образчик необыкновенной чуткости к л а с с а. Уже в цензорских сводках за апрель месяц (а известия о революции, искусственно задерживаемые, дошли до фронта, во многих местах, лишь в половине марта) мы читаем такие выдержки: «Вы, дорогие родители, не думайте, что будет хуже без царя, нет, наоборот, будет лучше. Вот нам известно, что эта земля, которая была у разных министров и князей, а т а к ж е и п о м е щ и к о в, то она скоро п е р е й д е т в с я к к р е с т ь я н а м, так что вы не беспокойтесь, что государя нет...».

В других письмах эта политическая связь не так бьет в глаза, но зато конкретность получается местами прямо ужасающая — для помещиков, само собою разумеется. Из Лихвинского полка писали: «Прошу, скотину безо всяких пущайте по помещиков земле и пашите землю, не спрашивайте их, собак толстопузых — довольно им теперь пить нашу кровь. Смотрите, берите в руки сейчас, и мы здесь не бросим оружия, пока все не установим, и д о м о й п р и д е м с в и н т о в к а м и». «Землю, где есть свободная, пашите, но денег не платите, — писал солдат Боровского полка, — и за огород денег не платите, потому что проект опубликован. Это будет разбираться в учредительном собрании, аренды уничтожены будут и от наличной собственности отчуждается весь живой и мертвый инвентарь, а также хоромы разные, машины, плуги, сохи, бороны и живой инвентарь, скот

напр. Много в России конских заводов, есть заводы волов, все должно быть общенародным. Ныне всякая собственность рухнула — будет все общее». «Не платите ни копейки более помещикам, — писали из 154-го запасного полка, — «не слушайте их более, потому что теперь у всякого жизнь свободная, будь он нищий или барин. У всякого своя воля. И помещик отбирает землю и разделяет между крестьянами. Ждем только конца войны, тогда уж расправимся с помещиками».

В 70-х годах тогдашние помещики, типа Чичерина, много распространялись на ту тему, что аграрные проекты народников суть начало социалистической революции: начнут с земли, а там доберутся и до всякой другой собственности 17-й год показал, что эта классовая логика отлично чувствовалась и на другом полюсе. «Землю пашите, денег не платите — ныне всякая собственность рухнула». И с этого конца, несколько неожиданно для тех людей, которые считали национализацию земли зловредной выдумкой большевиков, Февральская революция начинала собою Октябрьскую.

М. Покровский.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ.

ДОВЕРИЕ К СОВЕТУ Р. и С. Д. и БОРЬБА С ОФИЦЕРСТВОМ.

(Март — апрель).

В начале этого периода представление о деятелях Государственной думы и Совета Р. и С. Д. у некоторых солдат сливается в общее представление о них, как «о борцах революции». Солдаты в этот период пишут письма и Совету и Родзянко и заявляют последнему: «Дорогие наши представители, мы вам доверяем и готовы за вас жизнь отдать». Это — период доверия новому строю авансом. Постольку, поскольку солдат остается еще изолированным от тыла и поскольку главными «осведомителями» о целях и задачах революции являются меньшевики и эсеры, и даже члены Гос. думы, голоса о скорейшем заключении мира звучат еще одиноко. Солдат еще живет в плену представлений, навеянных шовинистической агитацией царизма. Упоенный торжеством революции он боится обострения классовой розни в тылу. Он недоволен требованиями рабочих о введении 8-часового рабочего дня, он недоволен тем, что Петроградский Совет требует контроля над деятельностью временного правительства. Не время, мол, для классовой борьбы и розни. Однако, вопреки своим заявлениям, сам солдат с жаром принимается за искоренение наиболее злостных классовых врагов у себя на фронте путем удаления старого реакционного офицерства. Точно так же с первых же дней революции он

возвышает свой голос за улучшение в материальном отношении положения солдат и семей призванных в армию. Прежде всего он требует увеличения солдатского жалования и улучшения пищи, выдачи сапог, увеличения пайка солдаткам и т. д. и т. п. Не смея еще прямо высказать свое нежелание быть на фронте и жажду мира, солдат высказывает это обиняками. То он требует освобождения от дальнейшей службы солдат, раненых несколько раз, то тех солдат, которые были под ружьем в 1904—1905 гг., то замены сидящих на фронте с начала войны теми, кто еще не был на фронте и кто «окопался» в тылу. Одновременно с этим он требует присылки на фронт жандармов и полицейских и сообщает время от времени фамилии уклоняющихся, по его мнению, от военной службы. Однако, что хорошо и ярко выступает в письмах,—это огромная ненависть к старому строю. Генералу Алексееву солдат, например, не доверяет, потому что он «друг нашего Николая»; по тем же причинам он против назначения на ответственные посты кого бы то ни было из дома Романовых. Он уже поговаривает о республике и всех ее преимуществах. Побывав в отпуску, солдат требует высылки попа, поминавшего за обедней Николая и его семью после свержения Романовых с престола, и отправления на фронт монахов, которые, мол, ничего не делают, а только наживаются от темного люда. Целиком и полностью стоит он за передачу земли крестьянству. Отдает солдат некоторую дань своей отсталости и косности. Он, например, боится еврейского засилия. Как казус, надо отметить, что за наибольшим количеством подписей был прислан протест против женского равноправия. «Как это вы хотите ввести равноправие, — говорит солдат,— да ведь баба выйдет из повиновения мужа и всю власть заберет в свои руки». А другой заявляет: «Если вы всерьез хотите дать женщине равноправие, то сравняйте ее с нами, т. е. пусть она идет на фронт». Однако кое над чем солдат начинает уже задумываться. Генералы говорят о наступлении, а как же, мол, дело обстоит с воззванием к народам всего мира?

Говорят, нет дворян и князей, а как же это мы видим, что каждый день министр-председатель подписывается князем Львовым? Уроки борьбы вокруг приказов отдельных генералов, уроки борьбы революционных рабочих Петрограда против политики Милюкова и прочих министров временного правительства, проникновение большевистской прессы на фронт не проходят даром для солдат.

К концу апреля голоса солдат о мире начинают звучать более настойчиво. Так, в письме от 25 апреля мы читаем:

«Наше требование — немедленное прекращение войны на таких условиях: без аннексий и контрибуций».

Солдат начинает прекрасно разбираться в том, какие «борцы революции» заседают во временном правительстве. В том же письме мы читаем:

«Товарищи, просим вас, смотрите хорошенько за всем, что делает правительство временное; они ведь капиталисты, не будут только наши интересы отстаивать, а и свои не забудут. Мы читали, что временное правительство назначило пенсию по 7 000 руб. старым министрам, а про солдата забыли, что он в окопах босый сидит по колено в грязи. Смотрите, дорогие товарищи солдаты и рабочие, мы тоже такие солдаты из рабочих и крестьян, здесь среди нас помещиков и фабрикантов нет, — так они об нас не помнят».

И солдаты кончают свое письмо весьма характерной фразой:

«Пущай делают то, что угодно народу рабочему и крестьянскому». Словом, солдат хочет, чтобы жизнь пошла так, как этого хочется рабочему и крестьянину, надеется, что добиться этого сумеет при содействии Совета рабочих и солдатских депутатов, так высоко еще чтимого солдатской массой.

Письма с 1-го по 19-е марта 1917 г.*).

№ 1.

Собрание Совета Солдатских Делегатов 617-го Зборовского полка, состоявшееся 1917 года 8 марта, выработало постановление, которое было обсуждено на полковом собрании и одобрено.

Приветствуем новое временное правительство, всех рабочих, офицерских и солдатских делегатов и борцов за свободу. Все мы, солдаты фронта, об'единившись в одном общем стремлении, всеми силами решили поддерживать народное правительство и решили созвать в полку офицерских и солдатских делегатов, которые должны улаживать трения между офицерами и солдатами. Внимательное и сознательное отношение к вещам и службе. Возложить на совет офицерских и солдатских делегатов, как лучше устроить жизнь солдата. Обращение офицеров с солдатами и обратно должно соответствовать достоинству гражданина. Поддерживать связь с дивизионным собранием делегатов. Выписать газеты демократического направления в роты и команды на полковые средства.

Приветствуем и присоединяемся к лозунгу верховного главнокомандующего «Война до победы и все для победы» и присоединяемся к «Воззванию Совета Рабочих Депутатов гор. Петрограда к пролетариату всего мира» и жмем им руку. Мы, солдаты, порицаем празднование солдатами и рабочими тыла. Это не время. Нужно заботиться о победе над внешним врагом. Пора. Пора рабочему и солдату тыла кончить это празднование. Должны рабочие работать, солдаты на занятия, и призываем рабочих к усиленной работе для победы, только после которой откроется для России светлая, радостная жизнь гражданина. Мы же, солдаты фронта, не просим празднования, а стараемся всеми силами победить врага. Праздно-

---

*) См. примечания в конце книги.

вание для нас в это трудное время считаем преступным, а просим дождаться нас, когда победим врага и вместе будем праздновать Великий Русский Праздник Свободы. Да здравствуют Россия и новый демократический строй!

Воззвание Совета Рабочих и Солдатских Депутатов просим напечатать и прислать к нам в окопы для передачи пролетариату Германии и Австрии.

Время обновить армию в окопах. Сколько в тылу людей, еще ни разу не бывших в них. Мы требуем тех, кто не был еще в окопах, — того туда. Надо проревизовать заводы, фабрики, лазареты, канцелярии, учреждения и проч. Не-специалистов отправить в окопы. К нам присылают убогих, старцев и по три раза раненых, а в тылу сидят сторожами на заводах и проч., не бывшие в окопах. Это преступно и не по-товарищески. Одни истрепались, а другие прикрылись законом старого режима и капиталом. Они сидят и блаженствуют. Немедленно таковых вместе с жандармами, стражниками и полицейскими в окопы, а кто много страдал, того в Россию на их места. Только можно оставить специалистов и людей незаменимых. Созвать учредительное собрание, и в выборах [чтобы] участвовали окопные солдаты.

Установить демократическую республику.

Не вести завоевательной политики.

Дать свободу всем народам, населяющим Россию.

Председатель собрания ефр. Г. Самсонов-Двойников.

Секретарь ряд. Ефремов.

На обороте написано: «Просим напечатать в печати и, если возможно, прислать нам «Известия Совета Рабочих и Солдатских Депутатов». Сообщите нам, куда мы можем направить людей, придерживающихся старого режима. Желательно иметь постоянное сношение с Советом.

Председатель солдатских депутатов».

№ 2.

Петроградскому Совету Рабочих и Солдатских Депутатов.

Товарищи, быть может, своим вопросом я буду вас беспокоить (прошу извинить меня), но для свободного гражданина, о чем я хочу спросить вас, — больно и обидно. Я служу на военной службе в 35-м пех. зап. полку. 6 марта, проходя по улице, я встретил своего полкового командира, которому, не становясь во фронт, приложил руку к головному убору, прошел дальше. Командир грубым криком остановил меня. Назвал мерзавцем, стал грозит арестом и в конце концов отдал в приказе арестовать меня строгим арестом на 20 суток, с заменой по ст. 19-й дисципл. постановкой под ружье. Мне было известно, в частности, что отдание чести и ставание во фронт новым правительством по Петроградскому округу сделано было распоряжение «отменить» вне службы *). Хотя в приказе по феодосийскому гарнизону этого нет, но я думаю, изданному закону в столице всякий гражданин, осведомленный о нем, подчиниться должен беспрекословно; да и довольно уже терпеть насилие, которое существовало при старых правителях-деспотах, и пора бы взяться высшим чинам за новые, достойные человечества порядки. Кажется ясным: всякий человек — свободный гражданин, и каждый солдат вне службы равен тому офицеру, полковнику и т. п.; следовательно, называть мерзавцем и отдавать под суд за какую-то кукольную комедию, я думаю, командир не имел никакого нравственного права. Не так тяжело это снести, как тяжело, что старое не искореняется. Товарищи, если я не прав, — укажите мне, и я успокоюсь. Прошу вас, раз'ясните, ибо весьма не хочется вернуться к старому режиму свободному гражданину. Некоторые говорят: подожди, об этом еще рано. — Как же рано? Если будем так говорить и ожидать от начальства, когда оно нам скажет, что мы все равны, то еще не раз

*) См. примечания.

придется посидеть на гауптвахте, или стоять невинно под винтовкой, а то и хуже поплатишься. В настоящее время много солдат сидят на гауптвахте, и все за неотдание чести при встрече на улице с прапорщиками. Неужели в отдании чести заключается строгость дисциплины? Закон нового правительства должен быть исполнен свято и ненарушимо, и каждый свободный гражданин должен стараться поддерживать его, смело и твердо указывая на несправедливость начальства, дабы не дать возврата к старому, гнилому, не человеческому, а скотскому строю. Итак, еще раз прошу вас, товарищи, скажите, справедливо ли я и другие несем наказания и брошенное мне в лицо оскорбление.

Солдат Ефим Романенко.

1917 года 10 марта.

Прошу вас поместить это письмо в одном из №№ газеты или «Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов», если таковые будут вами рассылаться, и один из № прислать мне по следующему адресу: г. Феодосия, Караимская улица, Соборный дом, Ефиму Романенко, предварительно раз'яснив мою просьбу.

Е. Романенко.

№ 3.

Комитет Солдатских Депутатов.

Товарищи, доношу до вашего сведения: наши товарищи на фронте, сидящие в окопах, ничего не знают о происшедших событиях и о свержении старой власти, потому что офицеры ниженазванного полка, начиная с прапорщика и кончая полковником, ничего о происшедшем событии не об'ясняли солдатам и даже распространяют слухи, противоречащие даже действительности *). Об'ясняют солдатам, что го-

*) См. примечания.

сударь уехал, как будто на отдых, навремя, и за него оставлен Михаил, и говорят, что все будет по-старому. И тем более командир полка полковник Иванов запрещает солдатам, узнавшим из какого-нибудь источника, распространять слухи о деятельности нового правительства и его комитета. Мы же, нижеподписавшиеся, группа солдат тронуты чувством свободы и равноправия, спешим и не смеем оставаться равнодушными и хладнокровными сообщить вам своевременно, чтобы вы дали знать, кому это нужно, для того, чтобы своевременно можно было прекратить всю эту пропаганду и провокаторскую работу нашего офицерства и приверженцев старой власти. Мы же, группа, тронуты вашим чувством, остаемся верны, как и раньше верили в победу народа.

Солдаты 13-го Финляндского стрелкового полка.

Ст. унт.-офиц. И. Парфенов, ефрейт. И. Ткачев, стрелок Н. Пратасов.

11 марта 1917 года. Действующая армия.

№ 4.

Дорогие товарищи.

Опишу я вам, что вот мы лежим в лазарете ранеными и получили письма из действующей армии в таком содержании, что там не слышно ничего, что здесь новое правительство и что переменивши старые порядки. Получили в лазарет письма четыре из действующей армии, собрались все больные и раненые и стали разбираться в этих в письмах, эти письма нас очень опечалили, а именно потому, что пишут наши товарищи и просят, что больше такого не пишите, а то за это нам попадет, а мы прописали им, своим товарищам, что произошло в Петрограде. Но еще более мы имеем беспокойствие, что нам пишут товарищи; пишут они так, что на фронте тихо, в передних в окопах совсем мало солдат, а то все в резерве, и пишут товарищи, не знаем почему такое

переднюю линию так ослабевают это на Рижском фронте. Просим, товарищи, разобраться в этом письме; если потребуется, в каких частях, то мы можем прислать.

Адрес наш: II городской лазарет, Песочная улица, дом № 2. Писали раненые солдаты.

А. Ласточкин.

№ 5.

Г-ну Председателю Сов. С. и Р. Д.

Мы, группа дезертиров города Петрограда, просим вас сделать внеочередной доклад в Сов. С. и Р. Д. по поводу нашего положения. Находясь на военной службе и видя несправедливость старого правительства, мы бежали из рядов армии с тем, чтобы умереть здесь за свободу народа, а не подчиняться старому режиму. Теперь, когда старый режим пал, настала народная свобода, мы готовы служить времен. правит. и Совету С. и Р. Д., но в настоящее время о нас совсем забыли, и мы не знаем, куда обратиться, чтобы служить на пользу свободной России.

По рассмотрении нашей просьбы Советом С. и Р. Д. резолюцию просим пропечатать в газетах.

Группа дезертиров.

19—14/III—17 года.

№ 6.

1917 года 16 марта.

От имени всех солдат 729-го пехотного полка.

Здравствуйте, дорогие наши товарищи. Все товарищи. Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. И у нас к вам, товарищи, есть одна просьба. Но первым долгом шлем вам искреннюю благодарность за ваши к нам полезные советы, искренно, от души вас благодарим, все воины, защитники свободной

России. И вот теперь, друзья товарищи, мы об'ясним вам нашу просьбу. Да удержим свободную Россию, не дадим в руки врагу, да здравствует свободная Россия. Так вот в чем дело нашей просьбы к вам, товарищи. Да, помогите нам. У нас в действующей армии, в 729-м полку, командир полка полковник Шлегер, он не русский, но, как мы узнали, что он— немец, и он может много нам принести вреда и погубить много людей, но, товарищи, мы не в силах его сменить или арестовать, но просим вас, чтобы вы вызвали его в Петроград и там арестовали бы *). Чтобы не было у нас немцев, — долой немцев! И еще у нас есть один немец, тот настоящий шпион, начальник 17-й дивизии пехотный генерал-майор Шрейдер. Друзья товарищи, мы уже за этим начальством замечали и раньше измену и шпионство. Товарищи, да не будет немцев, помогите нам, а мы вам. И вот, как мы замечаем, он, наш полковник, стал еще суровее глядеть на нас. Прощайте, товарищи, помогите.

№ 7.

16 марта. Да здравствует демократическая республика! Мы, уланы 4-й дивизии, шлем вам товарищеский дружеский привет. Об'являем вам, что мы, окопные жители, обращаемся, почему никаких результатов мы не видим: во-первых, нас опять наше высшее начальство задушило нас своими приказами и указами, — мы вроде как бы, по их мнению, бросаем позицию или еще что такое подобное, но мы 32 месяца были лицом к лицу с немцами и еще будем стоять; сколько потребует на это, — будущее покажет. Мы ни разу не слыхали от Львовых и Гучковых, Милюковых, что нам дадут земли и сколько, на каких основаниях, какое солдату жалованье, чем будут обеспечены мещане; они нам дают только приказы, чтобы мы несли службу ихним капи-

*) См. примечания.

талам и охраняли ихние имения и ихние земли, так как у нас одни полоски, одного человека не прокормить этой полоской, а у них целые уезды заняты — ихние имения. Требуем, просим, чтобы были в полсве наши интересы, были опубликованы, а не железная дисциплина: мы ее и не бросали, и пишите насчет мира. Если вы требуете мира, то сделайте, чтобы и в Германии сделали то же, что сделали и мы в России, и тревожите умы наши. Есть еще слух, что Германия просит Японию, чтобы она пособила восстановить на Руси Николая окаянного. Этого не быть. Дайте нам об'яснения на все эти требования, и вы не беспокойтесь насчет нас и не пишите приказов, мы и без них постоим за правое дело всем, что в нашем распоряжении есть, мы за вас, как один, все.

Адрес: 4-й уланский Харьковский полк, 1 эскадрон:

Е. Скородумов.

Действующая армия.

Унт.-оф. П. Костенко. Мл. унт.-оф. Кузьменко. Улан С. Николаев, О. Юрочкин.

Письма с 20-го по 25-е марта 1917 г.

№ 8.

1917 года март 20 день.

Пишу в окопах в нескольких шагах от противника, каждую минуту опасаясь за жизнь, и день — ночь работая в сырых до колена, а местами и больше, окопах. Конечно, никак нельзя описать подробно всю жизнь солдата-пехотинца, находящегося в окопах, далеко от родины, как бы заброшенного на произвол судьбы, который уже забыл, что могут жить люди, не спасаясь каждую минуту быть убитыми или забросанными землей или на куски разорванными,

и даже забыли все свое прежнее существование и им никак не представляется картина, что все это может кончиться, и что они опять могут зажить по-старому. Они думают, что эта война должна быть без конца и говорят: Наверно, мы здесь обречены на вечно, и верной смертью рано ли, поздно ли мы должны погибнуть; и нам уже не удастся увидать той воли и той радости, которую пишут в газетах. Нам, конечно, все это дорого, что сделали наши братья внутри России, мы их от души благодарим и будем благодарить и детям своим передадим, чтобы они, в случае нас не будет, тоже прославляли имя тех, которые завоевали свободу своей кровью. И пусть те люди, которые дали нам свободно вздохнуть, пусть они же и дадут увидеть это, — это от вас зависит, славные завоеватели свободы. Вы можете сделать, чтобы лишние сотни тысяч увидали эту радость и использовали ее. Если есть среди вас люди, которые были в этих грязных окопах и переносили всю тягость пехотинца, то они, наверно, скажут, что на самом деле это страдальцы, которые, как кроты, живут в земле и боятся поднять голову, рискуя быть убитым, они еще скажут, что надо и даже необходимо постараться для них, чтобы они увидели волю и использовали ее на деле. Тогда мы все крикнем громкое ура, которое раскатится от Кавказа и до Балтийского моря; это будет настоящее, во всех смыслах, «ура», которого Россия никогда не слыхала. Все эти миллионы, которые находятся в окопах, могут сказать только одно: скорее мир. Только это нас может обрадовать, и мы тогда только почувствуем ту волю и свободу, которую дали наши братья, а до этого момента мы ее только слышим и больше ничего. В действующей армии ничего не изменено, кроме обращения к офицерам, называя их господин поручик или г-н прапорщик и т. д., да еще тыкание. Но армия ждет все нового. Солдаты говорят: назвали нас гражданами, но какие же мы граждане, когда жалование наше 75 копеек, и мы много сидим без табаку? Это наше развлечение, и его здесь взять

непде. Пусть нам наперед жалованья прибавят, а остальное потом дадут. Неужели мы, защитники родины, не заслужили бесплатного проезда по железным дорогам? Да и откуда нам взять, чтобы заплатить за проезд 1/3 копейки, когда нашего жалованья хватает на одни сутки купить что необходимое? Ведь не у всех же родители в состоянии послать денег своему сыну или кому другому, да и должны ли они посылать, когда он служит уже не им, они даже в лице его потеряли надежную опору. Конечно, некоторые получают за своих сыновей и мужей пособие, но все это ничтожно, да и не все получают, которым следует получать. Солдаты требуют, чтобы отпуск их был никем не задерживан, так [как] в это время им каждый час дорог, они едут на каких-нибудь 20—25 суток, из которых 7-8 суток езды, да еще разные на дороге препятствия, как то требуют за проезд, да нужно ходить к комендантам разным, да еще не на тот вагон сядешь, и т. д.

В солдатах еще растет подозрение, говорят: почему ясно не пишут, что именно полицию высылают на позицию. Мы все, солдаты, хотим, чтобы полицию немедленно выслали на позицию и посадили бы в окопы, — пусть они узнают и познакомятся с окопной жизнью; они, кровопийцы, не любили нашего брата, — так пусть они получат должное от нас вознаграждение. Также еще пусть с ними явятся сюда и пулеметы, которым здесь нуждаются. Еще хотим, чтобы отпуск не прерывался во всю войну, а в отпуск что [бы] пускали, по крайней мере, (5) пять человек с сотни. Ведь пять человек с сотни не имет никакого значения, здесь есть люди, которые при одной и той же части находятся больше года и все время в окопах, неужели эти люди не заслужили отпуску, неужели они должны погибнуть и не повидаться с родными? Еще просим, чтобы люди в комитеты выбирались именно с позиции, но с позиции те, которые находились и находятся в окопах, а не те, которые находятся при разных штабах или вообще нестроевыми, которые во всю войну

не видали, что такое окопы и как в них живут, и эти г-да всегда в состоянии сказать, что надо войну вести до конца, — ведь они от этого не страдают, и им нисколько не страшно, когда противник открывает ураганный огонь. Если бы этих нестроевых и штабных посадить в окопы, то они все бы сказали и даже явно закричали: долой войну.

Теперь мы все, солдаты, надеемся только на вас, только вы можете представить нашу жизнь и улучшить ее, вы должны держаться армии. Армия есть могущество, которое все в состоянии сломить.

Остаемся в ожидании улучшения. Писал с Юго-Западного фронта А. Р.

Может быть, бессмысленно, так прошу извинить, — со смыслом здесь написать нельзя.

№ 9.

1917 года 24 марта

Совет Солдатских Рабочих Депутатов.

Товарищи. Покорнейше просим вас обратить внимание на приказ № 8, который издал главнокомандующий Алексеев *). Как только мы узнали о приказе № 8, так все великолепное настроение солдат тут же пало. Товарищи, мы находимся на позиции, нам ежеминутно грозит смерть, мы готовы были итти на нее с великим удовольствием, но сейчас все пало, как приказы стали издаваться старого режима. Товарищи, вы отлично знаете, как господа офицеры в свою очередь относились к солдатам, а самое главное — требовали отдания чести, сколько нашего брата они под суд отдавали, сколько разов морду нам разбивали. Очень много переносили мы наказания, а именно за что? За то, что не

*) См. примечания.

отдал честь! Товарищи, вся сила в наших руках, что мы захотим, то и сделаем.

С богом за дело, мы с вами, да поможет вам бог.

Писал член комитета Кр.

№ 10.

Совет Солдатских Депутатов кокандского гарнизона.

24 марта 1917 г., — 30. Г. Коканд, Ферганской области.

Петроградскому Совету Солдатских Депутатов в Петрограде.

Сердечно приветствуя вас, дорогие товарищи, Совет Солдатских Депутатов кокандского гарнизона в заседании своем от 23 марта с. г. решил обратиться к вам с предложением внести на подлежащее рассмотрение вопрос об увеличении денежного довольствия солдатам, каковой вопрос, мы полагаем, в числе прочих не должен быть забытым в связи с общей реорганизацией армии.

Председатель Совета (подпись).
Секретарь (подпись).

Письма с 9-го февраля по 31-е марта 1917 г.

№ 11.

Милостивый государь

председатель Совета Рабочих и Солдатских Депутатов г. Чхеидзе.

Передаем мы вам из действующей армии свое горячее «спасибо» за ваше о нас ходатайство...

Мы все хорошо чувствуем и понимаем, что нам нужно. Подай бог только победить нам внешнего врага, а потом

мы возьмемся за внутренних, т. е. за «помещиков». Представьте, что для крестьянина-хлебопашца первое необходима некоторая часть земли для своего существования. Многие из нас ничего таковой не имеют. А потому просим вас: если возможно, то не замедляйте разработкой таковых планов, т. е. отобрания земли у помещиков.

Уважающие вас защитники родины. 7/3—1917 г.

Д. армия.

№ 12.

7 марта 1917 г.

Товарищи рабочие солдаты. Шлем мы вам сердечный привет и самые наилучшие пожелания в вашей плодотворной работе в обновленной матушке России. Желаем вам полного успеха в делах на благо родного края. Знайте, что каждый солдат не знает границ своей радости по поводу случившегося.

Каждый подходит друг к другу со словами: «Здравствуй свободный гражданин русской земли». Да, мы вчера еще были псимистами [1]), а сегодня рассвет, который в душу вливается, — бодрость духа и энергия к работе и желание увидеть родную отчизну свободною. Так, товарищи, примемся за дружную работу для благоденствия нашей матушки России. Нам, находящимся на фронте, весьма желательно иметь самые подробные сведения о вашей работе. Просим высылать мне «Известия Совета Рабочих Депутатов», доставлять самым удобным путем, который найдется у вас.

Товарищи, примите все меры к тому, чтобы из Уголовн. кодекса была вычеркнута смертная казнь. Немедленно было бы уничтожено распоряжение о телесных наказаних роз-

---

[1]) Вероятно, пессимистами.

гами, которые применяются в действующей армии *), и чтобы военно-полевому суду предавались исключительно лица, которые явно приносят вред нашей родине.

Товарищи, мы здесь на фронте охраняем нашу родину от внешнего врага, а вы старайтесь уничтожить всех внутренних врагов, которые привели родину в такое состояние. Держите тверже в руках взятое у деспота.

Солдаты с фронта.

№ 13.

В Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

Нижние чины 23-го броневого автомобильного отделения 3-го дивизиона послали 7 сего марта на имя Исполнительного Комитета и Совета Рабочих Депутатов телеграмму, выразившую полную солидарность с действиями временного правительства. Казалось бы, что особенного ничего в этом не произошло. Каждый гражданин, любящий свою родину и желающий ей спасения от гибели, до которой довел деспотизм старой власти, должен бы сделать это. Но не так посмотрели на это гг. офицеры 3-го дивизиона, какими-то окольными путями узнавшие об этом. Был выстроен весь дивизион и опрошен. Сибирские нижние чины были ранее предупреждены о цели сбора. Возмущенные, с приподнятым настроением, запасаясь револьверами, стали собираться. Вначале я, пишущий эти строки, хотели было сознаться в подаче телеграммы, и на мне действительно лежала обязанность сказать правду, как на уполномоченном подать телеграмму, но, видя это настроение своих товарищей и зная взгляды на все происходящее офицеров, решил скрыть правду и таким образом избежать могущего произойти кровопролития.

---

*) См. примечания.

При опросе подача телеграммы была скрыта, и дивизион после речи временного командующего дивизионом капитана Курочкина, в которой была высказана надежда на возвращение старой власти, так как, мол, нет еще 8 полков старой гвардии, и вот ее нужно подождать, что она скажет, когда придет в Петроград, дивизион был распущен. Комментарии излишни. Но этим не кончилось. Офицеры отделения поехали на телеграф и, видимо, хотя и непонятно, как это чины телеграфа могли сообщить им, но, видимо, узнали истину. Вновь были собраны нижние чины, но только уже 23-го отделения. Командир отделения штабс-капитан Абрамов опять задал вопрос: была ли послана телеграмма. Я сознался. О, бог мой, что было. И где взялось столько помой и грязи, обрушившихся на меня. Я уже не был человеком, я уже не был солдатом, как они привыкли смотреть, а я был мерзавец, подлец, сукин сын, баран без мозгов и многое другое в том же духе витиеватое. Я не остановил, а дал возможность извергнуть это сквернословие. Когда эта горячка прошла, мною было сказано ему, что теперь начинается новое время, а следовательно, и новые песни. Он стал поспокойнее и кончил просьбой, обращенной к собравшимся, чтобы они не слушали моих советов, а обращались бы к офицерам, которые желают добра своим нижним чинам. И это говорил нам тот, к рукам которого немало прилипло солдатских копеек, который заставлял солдат воровать дрова, а сам составлял подложные счета и деньги оставлял у себя, и многое другое. Он за два года, которые мы были в действующей армии, ни разу не был с своим отделением в бою. Правда, может быть, это происходило и не по его вине. Он, за все время войны ничего абсолютно не сделавший пользы для родины, сделал массу убытка. Раскатывая сестер милосердия, что было запрещено приказом, на автомобилях, совсем поломал машину Гупмобиль; сколько было без всякой надобности порвано покрышек, камер, сколько сожжено бензина, потрачено масла и многого другого, и это в то время, когда родине дорога каждая ко-

пейка. И для чего? Он, да и все офицеры отделения, смотрели на машины, как на свои собственные, предназначенные для их прихотей, а мы думали иначе. Машины предназначены для военных целей и только для этого могли быть употребляемы. После всего описанного может ли такой человек быть начальником? Прямой ответ: «нет, не может». И от имени нижних чинов 23-го броневого автомобильного отделения 3-го дивизиона передаю надежду, что временным правительством будут приняты соответствующие меры; при этом считаю нелишним сообщить, что за подачу телеграммы обещано какое-то наказание, когда вернется командир дивизиона подполковник Лаврентьев.

Уполномоченный от нижних чинов 23-го броневого автомобильного отделения на подачу этого заявления и телеграммы н. чин. Фальковский.

1917 г., 8/III.

№ 14.

В борьбе мы обрели право свое.

Да здравствует временное правительство.

Долой самодержавие, да здравствует республика, да здравствует свободный гражданин! Гражданин, — как приятно и гордо звучит. Да будет это гордое слово трепетом наших врагов, приверженцев старого режима. Бог помощь, труженики, создатели из раба самодержавия гордого гражданина!.. Да поможет вам господь бог, защитники, построить на развалинах монархии прочный фундамент демократической республики! Челом вам бьем, защитники угнетенных и просим вас: вышлите на фронт полицейских героев мирной толпы, бессердечно расстрелянной палачами протопоповского режима Николаевской эпохи. На фронте у нас ликование, дух бодрый среди солдат, не найдется приверженцев навсегда погибшего самодержавия. И мы, верные сыны свободного гражданина, стоим на-страже и зорко будем следить за каж-

дым шагом тоскующих о старой власти. Да здравствует возрожденная Россия!

1917 года 8 марта. Действующая армия.

Подписуются солдаты парка л.-гв. тяжелого артиллерийского дивизиона.

Мл. фейерверкер Василий Смолин, старш. фейрверк. Иван Кабанов, Б. Яков Москаль, И. Разув, Потапов Александр и другие, в числе 160 человек.

№ 15.

1917 года марта 9 ч. дня.

Г-да граждане, просим вас об свободе: скорее делайте свои дела и нас на фронтах не забудьте, друзья граждане. У нас офицеры не очень рады этому скорому успеху, они тянут нас о чести, что мы не даем. Просим вас об этом деле уставить порядки и от помещиков отобрать землю.

Г-да граждане, подсобите нам, освободите нас от этой старой жизни. Мы бьемся за свободу и защиту своей матушки России.

Конец.

И. Т.

Ждем вашей свободы.

№ 16.

В Петроградский Совет Рабочих Солдатских Депутатов.

По случаю изменения приказа № 1 *) по Петроградскому военному округу, что нас и приводит в заблуждение, как может так скоро меняться закон. Ведь ни в одном конституционном государстве честь не отдается: как теперь поставлено

*) См. примечания.

у нас; видно нет чего делать нашим офицерам: нужно заботиться, чтобы солдаты были накормлены, напоены, тепло одеты, — нет кому позаботиться, а все время идет дело только об отдании чести. Для нас, солдат, почти никакой перемены нет. Нам не будет возможности нигде пройти, сесть, пообедать и отдохнуть: всегда надо настороже быть, ведь мало ли было скандалов из-за чести еще до этого.

Насколько мы было обрадовались, настолько теперь заскучали, со временем будет все старое, как видно из теперешнего. С почтением и уважением к вам А. (подпись).

10 марта 1917 г.

№ 17.

Товарищи.

Выслушайте меня. Вы не допустили Николая Николаевича до верховного командования за расстрелы нашего брата. Вы привлекли Ренненкампфа за кровавые расправы в прошлую революцию. За что же вы оставляете на свободе главного виновника кровавых дел — Редигера *). Ведь он был военным министром с 1905 г. по 1909 г. Это он подсовывал драконовские постановления о военных судах и карательных экспедициях скудоумному и невменяемому Николаю II. Это он при посредстве своего ближайшего подчиненного главн. военн. прокурора Павлова учинил великий террор расстрелов и виселиц, укрываясь за спиной генерал-губернаторов и военных губернаторов, как непосредственных исполнителей проведенных им постановлений. Разберитесь в делах военного министерства за время его правления, и вы ужаснетесь кровавой деятельности этого жестокого немца. Недаром на него было сделано покушение, а его креатура Павлов убит. Если вы не хотите арестовать Редигера, то во всяком случае нельзя же

*) См. примечания.

ему оказывать такие милости, как 20 тысяч содержания и генеральское звание, чем он пользуется как член Государственного Совета и по назначению Николая II. Прогоните этого изверга из России, пусть не сгрызет этот людоед нам родную, а ему чуждую отчизну.

Это вопль израненного сердца вашего товарища

14 марта 1917 г. Петра Зазулина.

№ 18.

Товарищи солдаты.

Получили мы радостную весть здесь в холодных и сырых окопах о смене гонимых [1]) для нас и нашей родины правителей, во главе которых был жадный кровопийца Николай.

По случаю такового давно жданного переворота мы, все солдаты, были так рады, что и не могу вам описать, но нашлись и такие люди, которые очень-очень жалеют старую гонительную для родины власть, а главное по бывшему венценосцу Николаю. Кто это был? Я вам, товарищи солдаты, напишу. Это был наш командир, который стоял среди нас и долго-долго плакал о старой власти, который еще подчеркнул, что, может, придется и нам бороться за прошлое, но, товарищи, дружно все заодно, не дадим нашим врагам опомниться, а нужно стирать их с лица земли. Вот этот-то командир и не уйдет от правосудия: ждем голоса для солдат, — тогда и представим этого врага и грабителя солдатских денег которых он поглотил уже не одну тысячу.

Солдаты-артиллеристы 0 бригады X батареи.

Написал бы и адрес, но еще думаю, что враги наши внутренние, старой власти, нас преследуют.

Гр. В.

---

[1]) Вероятно, гонительских.

Письма с 1-го по 30-е апреля 1917 г.

№ 19 [1]).

Христос воскрес и с ним свобода!

Дорогой Миша!

На-днях получил твои письма, но в связи с этими событиями не имел времени ответить. Очень извиняюсь за свое молчание и весьма благодарен, что нас не забываешь. Газеты также получаю и по прочтении направляю на передовые линии. У нас еще до сего времени компания Сахаровых, Лечицких и т. п. гоняются за отданием чести и принудительным путем хотят ввести старый порядок *). Солдатики хотя и слушают подобный приказ, но больше внимания обращают на деятельность офицерства по отношению военной техники. Вполне все допускают, что эти скоты могут испортить ход событий, так как они клялись между собой в первые дни об'явления свободы перестрелять и подвести на фронте все войска, находящиеся в их ведении, а также много говорилось, что солдатам не видать гражданства, как свинье неба, и т. д. В общем масса еще осталась негодяев, которые по каким-то причинам не подчинены никакому контролю со стороны временного министерства и Совета Солд. и Раб. Депутатов. Вновь все офицеры стремятся застращать солдат тем, что дисциплина нового правления еще хуже, продуктов давать будут мало, и снарядов не будет, и неизбежно усаживают под арест за неотдание чести, а одного солдата подполк. Виниченко избил за то, что у него солдат попросил разрешения войти в комнату и назвал господин подполковник и посадил под арест на 15 суток.

Произвол ужасный!

---

[1]) Письмо, переданное в Совет частным лицом.

*) См. примечания.

Стремятся навязать конституционное правление и ограждают от влияния со стороны, чтобы солдат попрежнему был в темноте и рабстве. Устраивают массу гадостей умышленно, напр. Виниченко не выдавал два дня продуктов на передовые позиции, и вообще человек свежий из России поражается выходками офицерства. Установить какой-либо суд у нас нет оснований, а направлять какое-либо расследование не знаем куда, да и слишком много было бы расследований.

Общее впечатление таково, как в прошлом были кровопийцами, так и остались теперь теми же, только накинув маску вежливости.

Странными какими-то кажутся свободы в преломлении через наш штаб армии?

Пока, дорогой Миша, желаю всего лучшего. Пиши. Ужасно рады получить от тебя письмо. Прежние письма читались на биваке, как манифест, во всеуслышание.

Н. Киселев.

№ 20.

Письмо из действующей армии господам солдатским депутатам.

Господа депутаты, просим мы вас, все солдаты, которые находимся в действии: 1-м долгом постарайтесь прибавить жалованья. А потом, кто был из вас на позиции, знает, что нужно солдатам: обязательно нужно пищу улучшить, обувку, одевку. Вам там теперича, братцы, хорошо: вы не видите грязи, не видите воды. Вы сухие и чистые. Вы выработали только для себя хорошо, но для нас мало... Хотя есть немного хорошего. Наших кровопийцев всех позасажали. Ну, мы это сочувствуем. Только это ваше и улучшение для нашего брата. А больше ничего нету. Еще мы, братцы, рады новому правительству. Не думайте, что мы не рады, ежели

бы мы не были рады, то бы присягу не стали бы принимать. А то, нам как только сказали, все мы со всей радостью пошли присягу принимать. Ну только одно вот. Мы стоим уже 7 месяцев на одном месте, и смены нету. Для нас мы опять же ничего на это не имеем. У вас там вольные депутаты захотели по 8 часов в сутки работать *). Нет, чтобы 16 часов работать, — больше пользы для нас сделать. Раз хотите воевать до победного конца, то, братцы, надо всем стараться, а не за спиной своего товарища защищать родину. Равноправие — так для всех равноправие, а не так, чтобы я живу хорошо, за сутки 8 часов работаю, а другой пусть пропадает. Притом же и деньги получают. Господа депутаты, просим вас: ежели кто только не знает нашу жизнь, то пусть приедет и посмотрит, как мы живем, и спросит нас, какие наши дела. Мы ведь только считаемся за солдат, но мы уже без ног и без спины. Мне двадцать третий год, но я не стою 60-летнего старика. Просим вас, пожалуйста, обратить внимание, еще скорее выгоните оттуда полицию. Пусть они посмотрят, как здесь матушка пехота страдает.

Ежели хотите найти того человека, кто писал, обратитесь в ту дивизию, где начальник дивизии кровопиец.

Затем ежели приедете посмотреть, как мы живем, то приходите на первую линию, тут все увидите.

№ 21.

1917 г. апреля 6-го.

Письмо от солдат с позиции 2-го армейского корпуса.

Как нам известно из газет, газета пишет, что тыловые депутаты-солдаты хотят вести войну, но им войну вести можно и надежно, что они не видали горя, такого, как мы на позиции за три года перенесли. Вам можно, господа, уже понять ясно, что сколько убили миллионов душ, сколько крови пролито; вы сами понимаете — все матушка сыра-

земля пропитана все человеческой кровью. Сколько горьких сирот и вдов — ужас! Сколько на Руси бедных и голых. Господа, подумайте, как вести войну? Уже ведь и солдатики все истомлены этими долгими годами войны же. А как бедные лошадки живут, еле свои ноги носят, но и немало падали, потому корму выдают 3 фунта да 5 ф. сена да 10 ф. овса да 8 фунтов, — разве можно на таком корму в сутки прожить лошади при такой тяжелой работе, как особенно в Карпатах. Господа, подумайте, что солдатики кушают, — это нужно ведь рассудить. Чем солдатики и живут. Но хорошо, мы поведем еще кровь проливать: нужно опять миллионы положить нового войска, еще поделать тысячи сирот, — ну какую пользу мы можем принести России? У нас земли и так много, богатства, мы думали, Урал весь целый, — была бы техника. Богатства хватит. За богатством в Германию не пойдем, я думаю. Господа, подумайте, как живут дома наши родные, семьи как страдают, как плачут, но все от этой кровопролитной от войны. Господа депутаты, просим мы вас, пожалуйста, прочитайте это наше письмо, может быть, по сему нашему многогласному совету. Мы очень рады все свободе, шибко ужасно умирать при таких открытых дверях в России; вы сами понимаете: каждому маломалыскому солдатику охота посмотреть на светлую, милую теперешнюю жизнь, которую ждали 307 лет, но и, наконец, господа, и доводится ясно увидеть. Но всему беда: это кровопролитие не умолкнет никак. Господа, мы надеемся на вас и просим пожалуйста, господа депутаты.

№ 22.

В Петроградское собрание Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Товарищи Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. Как видно из ваших газет «Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов», что только и одни разговоры, что заводы хорошо работают; просят: если, това-

рищи солдаты, вы не верите, то из ваших частей пусть приедут ваши делегаты и убедятся о наших заводах, а в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов ни одна речь не была внесена о том, что чего будет есть Россия, если мы об обсеменении полей и не думаем. Так и в настоящее время мы находимся в Финляндии в 12-й инженерной рабочей дружине и уже получаем хлеба по 2 фунта в сутки; с этим пайком трудно солдатам выполнять работы, потому что у солдат кроме казенного пайка, купить не на что, для того чтобы пополнить недостатки своего пропитания, так как вам солдатское жалование известно. И вот просим вас, чтобы нам не голодовать, обратите самое серьезное внимание, отпустите товарищей солдат со старых годов для обсеменения полей, и наши здесь работы могут итти как с нами, так и без нас, потому что в Финляндии рабочих рук очень много, так как у них мужский пол весь дома, а хлебопашеством они мало занимаются, — у них и не по чем много заниматься хлебопашеством, потому что больше лес и камень, и вот мы, комитет 1-й роты 12-й инженерной рабочей дружины просим вас, не откладывайте на завтра, а сейчас же обсудите это дело и немедленно посылайте эти старые годы для обсеменения полей, потому что время золотое настало, посевы по южных округам уже начались, а по северным только начинаются, так что пользы для России эти года очень много принесут, и мы с этим вопросом обращаемся в Выборгский гарнизонный солдатский комитет, который на это не обратил внимания, и просим вас, не откладывайте до другого дня, потому что этому дел настал час *).

Прошу вас, поместите это письмо в газету «Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов».

Председатель ротного комитета ст. ун.-оф. Бростилов.

Члены: Таратухин. Зверев. Неграм. Белоков.

*) См. примечания.

№ 23.

6 апреля 1917 года.

Здравствуйте, товарищи наши, шлем привет вам с позиции от 147-го Самарского полка, что такое у нас есть в полку, — много офицеров, которые желают вернуть старый режим, просим их убрать, полковника Лукоянова и подполковника Триницкого, и есть младшие, тоже вроде эвтих дураков. Не теряйте время, а то можем мы пострадать.

№ 24.

Из действующей армии.

Прошу прочесть это письмо в собрании Совета и довести это письмо к широкому ведению, и пусть ознакомится временное правительство, в лице вояки г-на Милюкова, который хочет завоевать весь земной шар. Во-первых, кто будет завоевывать, — солдаты голодают, едят такие продукты, от которых может заболеть самая нетребовательная скотина, а не то что человек; чем же: хотя бы орудий и снарядов и также других предметов снаряжения у нас было превышено против немецкого снаряжения, — и тогда мы ничего не могли бы сделать против воодушевленной немецкой армии, ведь солдаты вообще переутомлены этой бесполезной бойней, все жаждут мира. И вдруг этот г-н Милюков распространяется, что он раз министр иностранных дел, то он хочет воевать во что бы [то] ни стало и хочет завоевать весь земной шар, и мы, здесь сидящие в окопах, просим вас, как товарищей, осаждать этих господ, завоевателей всей вселенной, а еще лучше, раз они такие храбрые и самоуверенные в победе, то пусть они придут сменить нас хотя на короткое время, и мы тогда убедимся в ихней храбрости, и мы думаем, что у этих господ сразу отпадет охота воевать, как только они хотя бы не особенно в близком расстоянии покушают и узнают вкус немецких пилюль вроде окопных мин, да не то что мин или снарядов, а довольно будет с такого

храброго рыцаря разорвавшейся в двух шагах от него разрывной немецкой пули, и этот вояка сразу заговорит о мире. Может быть, он заключает по заявлению генерала Брусилова, что его армия жаждет наступления, вряд ли это правда, — мы здесь с уверенностью скажем, что это тоже самоуверенность генерала Брусилова, а вообще солдаты тоже, как и мы здесь, жаждут мира. Чем же на самом деле поднять дух солдата — освобождением от царизма? Но нет, эти разоблачения скорее понизили дух, чем подняли: ведь теперь солдаты знают, как их жестоко обмануло старое правительство, сколько легло костьми нас, солдат, в бесполезной бойне, и теперь уже, как бы красиво ни призывали нас эти господа Милюковы и Брусиловы, вряд ли им поверят. Неужели этих господ не уверит последняя наша неудача на Стоходе, пусть же эти господа знают, как армия хочет, как один человек, воевать до полной победы, и пусть эти господа принимают самые решительные меры к ликвидации этой ужасной и бесполезной бойни, и как можно скорее, а то будет поздно. Я, писавший, и многие, знающие про содержимое в письме, приходим в ужас перед наступающей весной, ведь что будет с Россией, когда немцы обрушатся на нас? Они ведь нас загонят за Москву, — и погибла Россия... Мы же этим письмом подаем предостерегающий голос во имя любви к родине, чувствуя ее близкую гибель от господ завоевателей вселенной.

№ 25 [1]).

Обращаюсь к Совету Рабочим и Солдатским Депутатам

Товарищи, прошу я вас обратить внимание на нижеска-занное мною. Так как по приезду мною в деревню, т. е. в Витебскую губернию, Себежского уезда, Каменецкой волости,

---

[1]) Письмо солдата петроградского гарнизона. Вскоре после начала революции, согласно постановлению Петрогр. С. Р. и С. Д.,

дер. Кривошапово, Ануфрий Яковлев, я прибыл 1 апреля из Петрограда и нашел таких людей, которые более воздерживаются старого режима, как видно, что с ними некому расправиться, как мы расправлялись в Петрограде, и все время ведут почти старый режим, а именно: помещики угрожают некоторым людям, что мы вам покажем все новые порядки, оказывается, что они все имеют большие запасы оружия, которые имеют при себе, и никто не осмеливается сделать обыск, так как мало осталось мужского пола в деревне. Хотя несколько и нашлось обыск сделать, но нет оружия.

Земство у нас как было, так и существует.

Волостные старшины и писаря были сменены, которые были на учетах, но земство снова приняло их на свою власть на учет.

Прошу вас, товарищи, дайте ответ, как с им поступить. Мы очень рады были бы, если вы поскорее распорядились свергнуть такое иго. Буду ждать скорого распоряжения и ответа. Товарищи, постарайтесь поскорее.

Товарищи, так как действующая армия нуждается хлебом, которым мы обязаны дать им помощь, но нам нечем, в виду того, что очень стеснены землею от помещиков, и хлеб находится в большом количестве в помещичих [имениях]. Что нам делать с их хлебом, они очень угрожают, хотя бы у нас один был бы вооружен крестьянин, тогда было бы дело лучше. Товарищи, я очень много вам необходимое написал бы, но меня не допущают в комитет, потому что не имею никаких бумаг. Прошу, товарищи, вышлите мне бумагу на присутствие в комитете. Простите, что плохо написал.

8 апреля 1917 года.

для осведомления деревни о перевороте были отпущены в краткосрочные отпуска солдаты полков, принимавших участие в событиях, в размере 5% общего состава рот.

№ 26.

В Собрание Солдатских Депутатов.

Заявление.

Доношу вам, г-да депутаты, в 241-м пех. Седлецком полку происходит от офицеров большое раздражение к солдатам против временного правительства, которых я и выясняю: 1) подполковник Десятов, 2) поручик Шаляпин, 3) штабс-капитан Чернявский, 4) прапорщик Литвин, 5) поручик Литвишка, 6) Стоцкий и 7) священник, которые желают вернуть старое правительство и восстановить старое право, называют временное правительство шайкой разбойников, возмущают, что будто бы внутри России заводы все стали, рабочий народ не хотят работать, с той целью, чтобы действующая армия не снабжалась боевыми припасами и продуктами и других приспособлений, которые необходимо нужны для действующей армии, и мы должны здесь все пропасть; затем на Рижском фронте, будто бы, противник гонит наших беспощадно, и офицеры, будто бы, отказались снять свои офицерские погоны и не хотят больше служить офицерами. Мы, солдаты, спросили, что же теперь будет, а они сказали вот что: у нас в тыле есть две азиатские дивизии, и нам нужно присоединиться к ним и ехать в Петроград и уничтожить всю ту сволочь, но мы, солдаты не хотим даже и слушать такие наглости, сказали, что мы не поедем бить своих братьев, жен, детей, отцов и матерей, которые за нас старались и стараются, клали жертвы, проливали кровь, добивались того, чего желал вес народ, которые сняли с нас то ярмо, которое висело на нашей шее и давило нас; и мы, солдаты, как забитые кулаком, розгой и плетью, не знаем, как с ними. Просим вас, господа, пока не заразили солдат, убрать отсюда всю эту сволочь.

№ 27.

Дума и желание братьев-солдат.

Из домов родины мы получаем, почти каждый солдат получает письма следующего содержания: что рабочих рук не осталось, яровые поля должны оставаться в половинном составе не засеянными, а второй вопрос, — нету и топлива у солдаток Казанской губернии, и третий вопрос — пособие следует выдавать ежемесячно, а не через три месяца, и следует увеличить солдатские пайки до 7 руб. на человека, а жена должна наравне с офицерскими женами получать состоящих семей воинов; четвертое — удовлетворить семьи воинов мануфактурным товаром, чтобы они в 10 раз дороже не переплачивали кулакам; пятое — чтобы всех бы старших возрастов и семейных следует распустить на посев полей, а то может случиться солдатская вспышка, самовольно придется раз'езжаться на посев; шестое — по окончании войны мы, солдаты, вернуться должны уже на опустелую родину и пустелые закромы и разоренные хозяйства, главное — должны пережить голод, — тогда что будет? Граждане тыла нашей Руси, не следует ли обратить внимание на все это заброшенное в глуши нашей, а армия все это отлично знает и понимает, но никто на это внимания не берет. Над. вн. обр. н. пр. *).

Покорнейше просим новое правительство обратить внимание на все вышеизложенные в сем листке слова, а также сим [1]) и не принять все это изложенное всерьез, господа временного правительства.

Военно-обязанные солдаты русской действующей армии.

1917 г., 9 апреля. Верно.

---

*) См. примечания.

[1]) Так в оригинале.

№ 28.

Вопрос 1900 годов ратников и запас всего фронта.

Мы нечто видим, солдаты ратники первого разряда, продлившие уже два года этой военной каторги, и уже осталось нас малое количество от боев 15 года, и на это не приняли никакого внимания. У них семьи уже дошли до такого состояния: ходят босы и наги и сидят без хлеба и без дров, и все хозяйства разорились, а они сами тоже уж почти каждый потеряли свое здоровье, едва ноги двигаются, — почему же распустили второй разряд, раз они еще не понюхали дыма порохового и за кашу еще они не заслужили новому правительству и уже едут по домам. А мы 900 годов солдаты, разве нету у нас семей, разве нету полей засевать, разве мы не заслужили за два года своей службы, что теперь заслужили 2-го разряда ратники? Почему на нас не обратит никто внимания, или же про нас новое правительство даже еще и не знает?

Выходим мы, солдаты, из терпения, приходится уж нам подчиниться своей свободной воле, а иначе ничего от вас получиться, повидимому не предвидится д. н. п. [1]).

Солдаты действующей армии, будем ожидать вашего удовлетворения.

1917 г., 11 апреля.

Эти дневники мы думаем почти каждый час, друзья наши н. п. вр.

№ 29.

10 апреля сего года.

Письмо от солдат восьмой пехотной дивизии, 51-го Алексеевского полка, товарищам Петрограда Солдатских и Рабочих Депутатов, заочно мы вас приветствуем и уведо-

---

[1]) Так в оригинале.

мляем вас, что мы собрали сведения и желания всех солдат, находящихся в первой линии окопов, что все солдаты, находящиеся в окопах, говорят такие слова, что если мы еще будем страдать до зимы, то мы лучше дадим запросы нашим депутатам, что если еще будут продолжать долго, то мы даем честное слово, что 15 мая бросим фронт, и тогда пусть погибают не только солдаты, находящиеся в первой линии, но и вся Россия. Не миновать и тем, которые продолжают это кровопролитие. Солдаты говорят, что мы уже три года страдаем, проливая свою кровь даром, поэтому нам уже остыло.

На каких бы то условиях ни было, а кончать войну.

Письмо от солдат с окопов первой линии 8-й пехотной дивизии 31-го Алексеевского полка.

Я, собравший сии сведения, рядового 31-го Алексеевского полка Иларион Бабич.

№ 30.

Гг. депутаты.

Вы обратите внимание на тех людей, которые страдают в окопах. Войдите в ихнее положение. Как им живется? И какие у них мысли? Да, у нас мысли такие, что уже в скором времени бросим все на свете и начнем громить тыл. Мы найдем и депутатов, — тех, которые только заседания производили по вопросам таким, где устроить театр, во сколько открыть, какие цены назначить на билеты. Мы всех их возьмем на кончики штыка, да еще тех, кто во время какого-нибудь митинга кричит «война до победы». Мы им дадим победу. Он кричит, но сам не выполняет, а хотит чужими плечами вести войну до победы; мы знаем, что вам в тылу не надоело воевать, что вам можно и кричать. Еще раз обращаюсь с просьбой, что возьмитесь за дело. Не спите, а делайте мир, не смотрите на союзников или укажите, почему союзники не хотят на таких условиях мир,

как мы. Ради бога, откройте эти заклятые договоры, которые сделал кровопивец Николашка с союзниками. Вы нам ответьте, за что и почему вы нас все гоните в наступление, а если вы хотите в наступление перейти, то пожалуйста на фронт, все толстопузые черти, а мы пойдем в тыл, и тогда увидим, как вы будете вести наступление. Вы там в тылу морды порастили да денег полные карманы награбили. А мы здесь все измучились, мы уже не знаем, какими болезнями страдаем. Врачи признают в больном разом сорок болезней, да все же не отпускают для поправления здоровья, говорят, что военный министр и рабочие и солдатские депутаты решили наступать *). Куда вас отправлять? А кто будет наступать? Идите вы, гнилые, хромые, вам все равно погибать, но мы, гнилые, ответили, что вернемся в скором времени в руках с оружием, и мы всех найдем, мы выделим ваши партии, поднимем на воздух ваши депутаты и ваши министры. Пока подумать об тех страдальцах, которые, сидя, гниют в окопах. Просим вас, постарайтесь. Солдаты 18-го п. В. п. 12-й роты, 20 человек Л. У. Д. Г. Д. О. Х. и т. д.

№ 31.

В Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

Дорогие товарищи. Извещаем вас, что подпоручик Бутусов 4-го легкого мортирного артиллерийского дивизиона вечером 1 апреля был арестован и отстранен от занимаемой им должности дивизионного ад'ютанта и препровожден под усиленным конвоем, сдаден в распоряжение коменданта 40-го корпуса по приказу инспектора артиллерии.

Подпоручика Бутусова арестовала дивизионная делегация за поступки:

1. Мародерство.
2. Мордобития.

---

*) См. примечания.

3. Площадная брань.

4. За реакционные слова.

Вот они: «А если те пушки — орудия, которые гремят на фронте, повернуть на Петроград и разбить ту новую...», — не могу выразить, ибо неуместно. Через три дня корпусный ад'ютант взял его на поруки. Мы считаем этот поступок очень мерзким для корпусного ад'ютанта и просим вашей директивы, что дальше будем делать, дабы избегнуть в настоящее время эксцессов. И просим вас предать гласности; когда будет отпечатана статья, то просим прислать нам несколько номеров газеты для распространения в 40-м корпусе. Факты строго проверены особой комиссией и найдены на месте точно, за что арестован подпоручик Бутусов. Ожидаем ответа. Для ответа наш адрес: управление Н легкого мортирн. артиллерийского дивизиона, Павлу Грузницеву, члену ПСР, Бакинской организации.

№ 32.

19/IV 1917 г.

В Комитет рабочих и солдатских депутатов от солдат ржевского гарнизона.

ПРОШЕНИЕ.

Всепокорнейше просим Комитет рабочих и солдатских депутатов облегчить тягости ржевского гарнизона, который находится и по сие время под тяжестью старого режима. Как со стороны нашего же брата — постоянного состава кадры, и высшего командования ржевского гарнизона; ротные комитеты поступают некорректно, затаив дух старого самолюбия, относясь также самолюбиво к тем, которые не желают одной сотой старого режима.

Солдаты ржевского гарнизона.

№ 33.

16 апреля 1917 г.

В Петроградский Совет Солдатских Депутатов.

15 апреля с. г. я получил письмо с датой 31/III с. г. от племянника моего, рядового солдата 189-го Измаильского полка, находящегося на фронте, — следующего содержания: «Христос воскрес, дорогой дядя. Я ваше письмо получил, за которое от души благодарю. Очень-очень я благодарен за высказанные вами слова и поднятие духа солдата. Знаете, дядя, мы хотя и слышим, что делается в России, но этого мало, так как это слухи, а официального мало нам известно. Офицеры наши много скрывают от нас. Воззвание к офицерам и солдатам было от временного нашего правительства, чтобы гг. офицеры и солдаты совокуплялись в одно, чтобы офицеры раз'ясняли и беседовали с солдатами, а выходит наоборот, они не стараются совокупляться, а отделяются, никогда не раз'ясняют и не беседуют, — одним словом, они почти что держатся старого режима.

Здесь в армии только отменено титулование и вставание во фронт *), а больше ничего не видно из свободы. Теперь свобода слова и печати, а у нас здесь проверяют письма, без подписи начальника нельзя пропускать, а офицерам можно все писать. Здесь в армии очень вздорные слухи ходят: мы принимали присягу новому временному правительству и подписывались новому временному правительству на списках, а вот ходят слухи, что эти списки с подписями будто бы начальство на заголовках надписало не новому временному правительству, а старому. И вот не дай бог, чтобы это сбылось, а слухи эти ходят все через офицеров, потому что они не раз'ясняют и не беседуют с солдатами. Мы выбрали из своей среды человека в депутаты, и он уехал в Петроград, а еще будем избирать с каждой роты и команды по человеку для полкового солдатского Совета».

---

*) См. примечания.

Ввиду вышеприведенного письма одного из наших защитников, рядового солдата, считаю долгом гражданина свободной России об этом довести до сведения Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов для надлежащего принятия мер к успокоению тревожных мыслей наших доблестных окопных защитников.

Рабочий гражданин Корнилий Сучак, проживающий на руднике Западно-Донецкого каменноугольного общества, п. о. Гришино-вокзал, Екатеринославской губ.

№ 34.

Мы солдаты, прибывшие 27 апреля с. г. из краткосрочного отпуска, Волынской губернии, Житомирского уезда, Бижевской волости, того же села, Степан Пилипчук и Артемий Кизюк, усмотрели, что помещик Адольф Туницкий, Волынской губ., Житомирск. уезда, Бижевской волости, собственного имения Туницкого, спешно распродает свою землю и прочее движимое и недвижимое имущество крестьянам прочих сел.

И следующий помещик вышеупомянутой губернии и уезда, той же волости деревни Головин, помещик Станислав Самс, спешно уничтожает свой молодой лес, скупщиками — местные евреи.

Считаем долгом донести до сведения Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, как мы, Степан Пилипчук и Артемий Кизюк и все наши крестьяне односельчане, просим воспретить выдачу купчих и рубку леса *).

В упомянутом месте Комитет пока не усовершенствован. (Степан Пилипчук и Артемий Кизюк состоим на военной службе, город Гатчина, 5-го дивизиона батарей «М» 1-й запасной тяжелой артиллерийской бригады.)

Просим немедленно принять надлежащие меры.

29 апреля 1917 г.

---

*) См. примечания.

№ 35.

Солдаты действующей армии.

Нам случайно пришлось прочесть газету «Русское Слово» от 28 апреля и были поражены, когда стали читать речи Гучкова, Родзянки, в которых описывалось их мнение вести войну до победного конца.

От лица всех нас просим передать им большое негодование за их пошлые речи. Конечно, если они твердо надеются на себя выполнить заданные им задачи, то смело пусть идут, а мы, граждане свободы, крепко решили на одном: держать единственно позицию, а вперед ни шагу, а вам, товарищи, всегда окажем содействие побороть всю буржуазию, да помоги-то бог вам и нам разобраться в делах и покончить кровавую бойню.

Остаемся всегда к вам с большим доверием — солдаты 1-й пех. дивизии.

Просим поместить в ваших газетах.

1917 года 30 дня.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ.

ВОПРОС О ВОЙНЕ И МИРЕ НА ФРОНТЕ И ПЕРВЫЕ ПРИЗНАКИ НЕДОВЕРИЯ СОЛДАТ К СОВЕТУ.

(После принятия последним решения о наступлении.)

(Май — июнь).

В этом периоде наряду с вопросами, отмеченными еще в марте — апреле месяцах, солдат значительно больше внимания и места начинает уделять вопросам политического характера. Толчок этому дает издание декларации прав солдата и агитация за наступление.

«Случилось что-то нехорошее», — так резюмирует солдат общее мнение об этой декларации, получившей в большевистской прессе название декларации бесправия солдата [1]).

Солдат, привыкший ожидать всего скверного от генералов, был весьма ошеломлен тем, что приказ этот последовал из самого центра революции — из Петрограда. Он не может примириться с тем, чтобы такой приказ был совместным с революционными правами солдата.

Так, в письме от 12 мая солдат пишет:

---

[1]) Пункт 14-й этой декларации давал право командному составу применять оружие против неповинующихся в условиях военной обстановки.

«Я получил большое разномнение... до настоящего времени не могу именно поверить правильному последованию вышеназванного приказа. Мой личный взгляд на последовавший 5 мая приказ, почти склонный к приказам бывшего нашего Коли Кровавого, и мое личное мнение, что приказ этот начинает постепенно уклоняться от центра революции, за которую так много жертвой пали наши отцы, братья и товарищи...».

И, обуреваемый тревогой и сомнениями, солдат пишет:

«Пришлите мне ответ, на каком основании он создан, есть ли он у вас в России, и издан ли он по вашему ведому или, быть может, одним Гучковым».

И солдат, все еще надеясь на Совет, обращается к нему, «имея в виду свою отдаленность от центра самой нашей правды, на которую все, мол, наши мечты возложены, — на ваши работы, и от кого мы от минуты в минуту ожидаем счастливого и сияющего правдой дня».

Такое же недовольство и негодование солдат вызывает издание приказа о дисциплинарных судах:

«Солдат совсем взглянул азартно, что и Керенский не в ту сторону пошел», — пишет солдат по этому поводу.

Солдатами в этот период горячо и страстно обсуждается вопрос о братании и особенно о наступлении. Его прежнее отношение к противнику на фронте претерпевает сильнейшее изменение. Солдат уж говорит (письмо от 3 мая): «Товарищи, которые сидели в окопах, не только друг-друга стрелять, но даже на немца не желают, потому что солдат ничем не виноват, хотя наших или немецкий». То-и-дело спрашивает солдат о том, «когда же окончится эта бойня», «не пора закончить войну» и «зачем идут лозунги «война до победного конца»? Свое мнение о войне и наступлении солдат выражает в следующих словах и выражениях: «не хочем воевать и не будем». В этом периоде солдат проявляет большой интерес к деятельности различных партий; впервые он начинает писать о Ленине и больше-

вистской партии. Солдаты прямо указывают, что слова и речи Ленина «очень волнуют солдат-защитников России». Отдают должное солдаты и партиям буржуазным. В письме от 11 июня солдат пишет: «Дорогие товарищи С. С. и Р. Д., мы надеемся на вас, что вы избавите нас от буржуазного ига, и мы все, солдаты, поддержим вас всеми своими силами для блага всего народа против буржуазных партий». Любопытны следующие строки этого же письма: «Еще вот напоминаем вам, что министр Турещенко [1]) — самый миллионер и сахарозаводчык, самый буржуй. Это наш — помещик, то просим устранить его с думы, из министерства — долой буржуев!»

Высказывая свои мысли о преимуществах «демократической республики», солдат дает очень любопытное толкование этому термину. Республика, по его мнению, «должна удовлетворить усех ровно». Как и в каком отношении? Солдат отвечает так: «Если нас усех уравняют как землею, так ее построение [2]) и всеми ее плодами, лесами, тогда только мы все знать будет, что мы одинаковые».

Однако, несмотря ни на что, вопрос о войне и наступлении является в этом периоде наиболее приковывающим внимание солдатской массы.

Солдат весьма настойчиво и упорно, несмотря на подготовку к наступлению, твердит Совету: «Избавьте от этой кровавой бойни, только на вас надеемся».

И голос солдата звучит уже предостерегающе: «Не слушайте тех речей, которые для нас могут быть очень вредными». «Терпение здесь на фронте изнашивается быстро, не забывайте, что мы уже 3 года мучаемся и не знаем за что» (письмо от 7 июня).

---

[1]) Терещенко. О. Ч.

[2]) Вероятно: постройками. О. Ч.

Письма с 1-го по 15-е мая 1917 г.

№ 36 *).

Многоуважаемый товарищ!

Михаил Филиппыч, скучно нам без вас, но мы надеемся, что вы и там нас не забудете. Новостей у нас сейчас нет, а 29-го выбрали из дивизии одного депутата туда к вам, в Совет Крестьянских Депутатов, — выбрали человека хорошего и бедного. Дивизия вся единогласно ответила, что свою землю отдаем без выкупа, и вся земля должна перейти в государство без выкупа, и наделится трудящему народу на земле.

Человек этот из 7-й батареи нашей бригады, фамилия его стар. фер. Игнатьев. Надеюсь, вы его увидите там и дадите еще и вы наставление; за это просим вас побеспокоиться. В парках настроение хорошее, верим только вам, товар., и временному правительству.

Выковыриваем все наружу и мы.

Шлем вам все 3-м парком душевный привет, пожелаем вам от души покорить врага правдой.

Отдельный привет от нас, ординарцев 3-го парка. Пожелаем вам от души здоровья, мужества и отваги на одоление врагов.

Уважающие вас: М. Н. Васильченко, Никулин, Сычев, Федоров, Шишкин и Федоровский. 2 мая.

№ 37.

Письмо от ваших товарищей и братии. Дорогие товарищи и братия наши, послушайте наших товарищей и братию доблестнейших войск, и от их, от товарищей и братии,

---

*) См. примечания.

горячий привет к вам, товарищи и братия наши, послушайте вы наших доблестнейших войск, что наши войска не хотят войны вести никак, а хотят давайте скорей мир. Вы знаете, что наши враги внутри России хотят войну вести до победного конца. Воны усе живы, как и вам известно то. Как наш брат что-нибудь сделал или сделает, то сейчас смертной казни и каторжной работы. Ну, как сделали, наших товарищей и братию попродали, то им нету ничего. Как наш прежний Николай, что сделал нашим товарищам, и так же главнокомандующий, и сейчас воны усе живи, воны усё ремизят, може, и вас, чтобы мы войну вели до победы. Наши даже полковники все говорят: надо это воевать, свободу защищать. А воны, генералы, хотят нас побить, и тогда чтобы нашу свободу взять в руки и поставить Николая на царство. Недопускаемо, товарищи, их никуда. Вы знаете, что наши товарищи желали, сделать свободу 1905 году, ну воны не дали нам развернуться, повешали и побили и в каторжную работу наших товарищей и братию, возмущались. А теперь не дайте им развернуться нами, что воны усе это хотят войну вести, чтобы в руки взять. Что воны говорят, что немец готовится удар нанести, — не верьте, товарищи, знаете, что если вы не кончите к 1 мая, то войско покинет фронт. Если вы не замирите, вы знаете, что сколько наших, товарищей наших попродали действительных хороших войск. А сейчас хотят старыми и калеками войну вести. Вы сами знаете, дорогие товарищи, что у нас у тыхих кутках враги сидят на нашей шее. От есть у нас генерал Драгомиров 5-й армии; он — первый враг наш; он говорит: надо отбить свою территорию; он говорит вам, что наши войска это хотят воевать. У нас, брат, никто не желает войны вести, потому что сделали свободу. Ну, воны, как известно хотят нас в руки взять, — не даваймось им у руки. А надо скорей кончать во что бы то ни стало войну, потому яка свобода, буде нас не будет живых. Мы усе теперь слава богу, что достигли свободы слова, то это давайте окончим

скорей мир, — во что бы то ни стало до первого мая. Пожалуйста, товарищи! Бо хуже сделаем, если не кончим, и войско бросит позицию. Товарищи, пока до свиданья, остаемся мы усе славу богу, пожалуйста, не обижайтесь.

№ 38.

1917 года, мая 6 дня.

Председателю Совета Рабочих и Солдатских Депутатов г-ну Чхеидзе.

Солдаты 46-й дивизии 183-го пех. Пултусского полка просят прочесть это письмо на общем собрании Сов. Раб. и Солд. Депутатов.

Товарищи рабочие и солдаты! Доводим вас до сведения, что в нашей 46-й дивизии очень много приверженцев старого строя, с которыми мы не в силах бороться, а главное — потому, что у нас мало солдат-организаторов, которые бы могли итти за молодую свободную Россию. Мы просим помочь в этом, т.-е. в организации наших г-д офицеров, но те уклоняются от этого и даже с презрением и ненавистью смотрят на тех организаторов-солдат, которые идут по правилам демократической России, и солдат тех, которые подходят за раз'яснением, что такое демократическая республика или учредительное собрание. Отговариваются они тем, что мы сами мало знаем политическую жизнь. Но, между прочим, ведут свою агитацию, программа которой нам неизвестна, но крайне нам подозрительна и может повести к полной дезорганизации и разрухе долгожданной дорогой свободы. Но нам, выразителям этого письма, является наша нежелательность допустить этого темного дела, которое устраивают они под руководством полковника Рыкова, как яростного защитника реакции, который тонко ведет свою провокацию и к которому с'езжается масса командиров за его советом, и он каждому дает свою популярную инструкцию, как держать солдат. А,

между прочим, у его, т.-е. у полк. Рыкова, выходят готовые агенты реакции, так как он находится преподавателем школы прапорщиков.

А, между прочим, и мы пултусцы, видим в своем начальстве одну измену революционного строя. Так, приведем такой пример: командир нашего полка, подполковник Ефимов, друг буржуазных целей полковника Рыкова, тоже держит своих младших офицеров под строгим контролем и не позволяет им открыто говорить об организации просвещения солдат и нисколько не заботится о поддержании позиции, которую мы занимаем. А это выясняется тем, что пултусцы просили о смене нашего полка, но нам не только смены, как уставшим от долговременной стоянки на позиции, но даже и добавления не дают, которое нам необходимо нужно, так как нас осталось по 60 и 70 человек в роте; поэтому мы не выходим из нарядов, т.-е. от непосильной, утомительной службы происходит масса заболеваний. Поэтому мы, защитники дорогой свободы, за которую готовы всегда умереть, всеми силами старались и стараемся прекратить их гнусное злонамерение, но мы беспомощны и просим вас обратить внимание на наше заявление, так как солдаты очень раздражены и близки к анархизму.

№ 39.

Действующая армия.

Бомбардир 3-й батареи 43-го мортирного артиллерийского дивизиона Тихон Гр. Комаров.

Прошение.

Господа товарищи Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, покорнейше прошу вас принять мою к вам просьбу. Я, Комаров, ездил в отпуск на родину на указанный мне срок. Местожительство мое — Орловской губ. Ливенского уезда Воловской волости деревня Натальевка, и нашел я

в деревне Натальевке большие беспорядки, так что наша Натальевка раз'единилась на две половины: одна половина — на новое правительство, друга половина идет по старым стопам, так что у нас в д. Натальевке есть один негодяй, который целиком волнует все общество и расстраивает их, так как он сам, этот негодяй одного общества, Евтропий Гаврилов Колобашкин, 12 лет ходил сельским старостой той же д. Натальевки. Состояния был бедного, после того влез старшиной в Воловскую волость, проходил он 18 лет, за этот срок его службы он приобрел большой капитал и, кроме того, 60 десятин вечной земли. Сына своего, Меркула Евтроповича, всадил церковным старостой, а внука Меркулова, сына Константина, произвел в священники, так что сам старшиной, сын Меркул церковный староста и внук Константин священником. Теперь скажу вам, как они нажили капитал: полным грабежом, — работали ему все общество без отказу без денег. Нельзя было отказаться. Дом строили рабочие без копейки, даже ели пищу дома; не поди, — так что захочет, то и делает. Нам было некуда деться, все было в его руках, имел и сейчас имеет тех лиц, которые защищают его интересы. Насколько напраслинных поели за его присяг! Подай в суд на него или его близких, — в волости судят в их пользу; пожалься земскому начальнику, — он защищает их интерес; подай в с'езд — там тоже все его; подай в губернское — там тоже все его; личные были дела к губернатору, — он защищал его, и все были им ударены, а нам с ним, мелкому классу, было трудно бороться; нигде наши справедливости не принимали. Были сборы в пользу больных и раненым на Красный Крест, — все заглотали как деньги, так и прочее — холсты, хлеб и так далее; все заглотали как в волости, так и в церкви. Были жалобы на него губернатору, он его скрывал, и сын его Меркул ограбил и разорил весь хитровский храм, куда мы, Натальевка, приходом. Священников смутил, судились годами, — все он был прав. Давали нашему обще-

ству казенную землю через банк, — он со всех скупал, брал и кому хотел тому давал. Он был допущен в это дело через его богатство и его подарки везде был волен, а после эту землю отбирал себе и близким своим от тех лиц, которые ему не шли в его рабство. Обижал крестьян всем, даже некоторые через него пошли на тот свет, и многих сажал в тюрьму, землю свою надельную, душевую — поил водкой некоторых к нему близких и даже дальних, чтоб выводили в собственное владение. Через этот вывод разбил общество на три группы; через этот вывод был сильный скандал и драки, и разорил всех. Теперь так он, Колобашкин, большоземельной, то, обратно возмущая, и близких своих подговаривает к старому режиму; и выбрали общественный комитет и милицию с его стороны, которой эти лица живут днями и ночами и слушают наставления; сельский староста с его стороны, и держали до моего приходу, одного фараона-стражника. Когда я был дома, то этот фараон скрылся, а сейчас, наверно, опять дома, защищает их интересы. Все время идут смуты в нашем обществе и даже прочих близких селах через одного негодяя, то посему покорнейше прошу вас, товарищи Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, исследовать это дело и сообщить мне, Комарову, иначе там будет сильный скандал. Выдворить этих негодяев, Евтропия и сына его Меркула Колобашкина, и его близких к нему. Это вам общество укажет всех, я вам описать все не могу, — надо составить цельную газету, — и прошу вас, товарищи, поместить в газету «Русское Слово»: пусть она раздерет глаза темному народу, быть может, все об'единятся и пропитаются одним духом, которым дышит сейчас вся Россия. Товарищи, поверьте моему прошению. Если это напрасно, то я отвечаю собой за все это, написанное мною, к чему и подписуюсь своей рукой: Бом. Тихон Григорьев Комаров.

Письма с 16-го по 31-е мая 1917 г.

№ 40.

Голос с фронта.

Товарищи, позаботьтесь о несчастных страдальцах, которые сидят в окопах на холоде, голоде и грязи, к тому еще переполненных вшами. Зачем идут такие лозунги: война до победоносного конца? Пусть тогда идут побеждать те, которые желают победоносного конца. Буржуазия и так набила себе карманы, а также Англия и Франция. Они набили себе карманы нашей кровью, при старом режиме недодавая нам деньги и продукты. Теперь же то же самое. Генералы, которые сидят в Каменцах да Кременцах, получают 12 тысяч в месяц, а несчастный солдат — 75 копеек в месяц. Да к тому еще не дают ни отопления и не освещения. Не буду настаивать на том, что не пользовались кашей 3 года и не получали денег за крупу. Это все очутилось в карманах генералов, которые пили с жадностью нашу кровь и сейчас хотят воспользоваться случаем. Но уверяю вас, что этого не достанется. В наступление мы больше не пойдем, но ежели будет наступать неприятель, то мы припятуем мяса для австрийской и германской буржуазии. Мы хотим миру без аннексий и контрибуций *), когда согласно на то Англия и Франция, Германия и Австрия, то-есть без всяких завоеваний; нам не нужно защищать богатство Англии и Франции и набивать карманы буржуазии. Постарайтесь вывести нас скорее из окопов. Мир укрепит завоеванную свободу. Вот что говорят те, которые сидят лицом к смерти.

Антон Делюкин.

---

*) См. примечания.

№ 41.

Письмо прошу принять и обратить внимание.

Да мы, солдаты, находящиеся в окопах и состоящие из крестьян, в молодых и старых летах, с 19 л. и до 39 л., а свыше сорока лет поехали домой, нам говорят, на обработку земли. Хорошо. Они будут зарабатывать хлеб своим детям, женам, отцам. Хлеб. А кто заработает нашим отцам, детям, женам, а тут же и нам? Да еще нас увещают все наступление да наступление. А хлеба дают только 2 фунта в сутки, а лошадям почти совсем ничего не дают, только жмыхи фунтов ?,—и чем же тут воевать? А конференцию *) откладывают все дальше и дальше, пока бросят все к чорту. А кто хочет воевать, пущай идет на наше место. Довольно на нас лить свинцовый дождь и довольно нам таскаться по грязным окопам. Довольно нашим родителям по нам горевать, а теперь с голоду помирать.

Просим скорейшего заключения мира, довольно буржуазию потешать.

Ряд. Илья Бахвалов, ряд. Иван Вуйчик 69-го пех. Рязанск. п.

№ 42.

Мая 27 дня 1917 года.

Постановление команды машинной школы.

Мы, матросы команды машинной школы, собравшиеся 12 сего мая в числе 700 человек возмущены тем, что георгиевские кресты раздаются гг. министрами явным контрреволюционерам, как-то: солдату Петроградского 1-го запасного автомобильного полка Гилевичу за то, что он,

---

*) См. примечания.

Гилевич, рвал у рабочих плакаты с надписью «Долой временное правительство», «Война войне» и «Да здравствует Совет Рабочих и Солдатских Депутатов». Мы требуем за рванье вышеупомянутых плакатов в свободной стране и за несправедливое вознаграждение георгиевским крестом: 1) отправить солдата Гилевича в тюрьму и того, кто вознаграждал его, т.-е. Гучкова, тоже туда же. 2) Мы, матросы, требуем, чтобы Николая Кровавого с его верными приспешниками представить в г. Кронштадт под бдительный надзор кронштадтского гарнизона. 3) Чтобы всероссийский фронтовый с'езд депутатов был созван в г. Кронштадте. 4) Все помещичьи, монастырские, удельные и частновладельческие земли немедленно конфисковать организованным путем и передать их в местные комитеты для обработки и запашки общими силами и конфисковать все земледельческие орудия и живой и мертвый инвентарь. 5) Требуем взять власть Совету Солдатских, Рабочих и Крестьянских депутатов, ибо они единственные выразители воли народа, и они только одни способны вывести страну из той разрухи, в которой она находится в настоящее время. 6) Немедленно конфисковать электротеатры в г. Кронштадте, как-то: Гигант-Стар и Нью-Стар, в пользу крестьянского союза города Кронштадта.

Просим товарищей матросов, солдат и рабочих присоединиться к нашей резолюции.

Председатель комитета команды машинной школы:
Громов.

Секретарь: Барашков.

Просим товарища председателя поместить в «Известиях Совета Рабочих и Солдатских депутатов города Петрограда».

№ 43.

Товарищи, шлем вам свой сердечный привет с одной вершины горы Карпат ваши товарищи солдаты. Эта у нас были ваши товарищи из города Харькова и говорили насчет братания на фронте и насчет того, что немец все силы нашего фронта убрал на союзников, и говорили, что оборонительная война не заключается в том, чтобы мы сидели и в своих окопах и не наступали. Насчет братания я скажу то, что это уже все прекращено, и теперь этого нет, а насчет наступления настроение такое (если говорить откровенно), чтобы не наступать, — не потому, что это мы поняли как оборону, а как из самосохранения. Не думайте, что мы не понимаем, что такое оборонительная война, — мы это хорошо понимаем, но ведь помирать-то теперь не охота больше чем когда-либо. Провоевавши почти три года и остаться живым и помереть в последних боях — это ужасно. Если кого-нибудь осужденного на смерть — заменяя это ему бессрочной каторгой, то и тогда он несказанно радуется тому, что ему оставляют жизнь, — у которого ничего нет впереди, а у нас впереди жизнь, да свободная жизнь. Это сказали бы не только мы, а все, кому только приходилось быть в бою и которого опять посылают в бой, хотя и для того, чтобы спасти свободу. Когда приходится итти на такое дело, то человек не считается ни с чем — ни с долгом, ни с обещанием, ни с присягой, которая почти никакого значения не имеет для нас. Мы все еще не перестали надеяться на то, что все обойдется мирным путем, на котором работаете вы. Мы только и надеемся на вас; если что и сделаете, то это только вы, которых мы любим и которым мы верим. Мы больше никому не верим так, как вам, потому что вы — это мы так понимаем — что это — мы, а мы себе плохого не хотим. Разве уж не верите больше в человечество, говорите, что если сейчас не победим полностью немца, то через несколько времени может быть опять война. Разве немцы не люди, разве они не поняли или

не поймут, что война — это бедствие народное, уничтожающее все — жизнь, силу, труд и здоровье; разве в Германии вечно будут царствовать Гогенцолерны или подобные им? Если они сейчас и не сделали так, как сделали мы, то это потому, что они опьянены победой, но после опьянения будет и отрезвление.

Солдат Аккерманского полка.

№ 44.

Голос из окопов.

Господин редактор, от имени всех моих товарищей с фронта поместите наше заявление.

Товарищи депутаты, настало жаркое время. А мы все ходим в папахах, у нас от жары болят головы. Как при старом режиме выдавали фуражки в октябре, а папахи в январе. Товарищи пришлите нам фуражек.

В. А. Булатов.

3-го Кавказского полка, саперн. команды.

Не оставьте нашей просьбы. 30 мая.

№ 45*.

Совету Солдатских и Рабочих Депутатов

Могилевской губернии, Горецкого уезда, местечка Романова им. Баева, их волостей, всех окрестных селений граждан.

Прошение.

Обращаемся мы к вам с покорнейшей просьбой к нашим братьям и борцам за свободу. Так как вы наши братья и отцы, вы завоевали свободу своей грудью и кровью своей.

*) См. примечания.

И мы здесь, в далекой и темной глуши, окруженные, затемненные и подавленные окрестными помещиками, не имеем возможности выйти из своего угнетенного положения. Ввиду того, братья товарищи, что мы несли и несем иго рабства от угнетателей наших помещиков, так как они обладают темной силой среди нас темных забитых людей. Они организуют за свои великие имеющиеся капиталы ту же самую полицию, которая защищала их, как земли, так и имущества, леса, земли, водочные заводы; в этих же заводах и в настоящее время, т.-е. и при нашей завоеванной свободе, находятся целые подвалы спирту, а также большие запасы хлеба. Хлеб этот тайно скрывается от нас всех окрестных жителей, среди которых большинство неимущих. И мы, бедные граждане, не имеем возможности себе достать пропитания и вам помочь. Весь хлеб держат в тайных местах и даже отправляют в ночное время неизвестно куда. А поля не засевают и нам не дают. А также и леса продают, т.-е. вырубают начисто весь молодой лес. С нас, бедных граждан, берут за сажень дров сто рублей. Что же нам остается бедным, в настоящее время обиженным, делать? Так как мы все и в настоящее время служим рабами этим же помещикам, потому что у наших помещиков сила и охрана. При них много находится старой полиции, которая только форму сменила, но оружие помещикам сдано под охрану. И вот эти же, т.-е. старого правительства, полицейские «крючки» — много есть переодетые даже в женскую одежду — ходят по нашим густым деревням и возмущают нас, т.-е. заставляют то делать, что не полагается. Говорят нам самовольно рубить дрова в помещичьих лесах, а также и вывозить спирту из заводов и заставляют пить, сколько кто желает. Хлеба нам нет, а водки сколько угодно. Хлеба за деньги не дают, а водку — даром. Но голод водкой не утолишь и в холодной избе не посидишь. Еще дорогие товарищи, братья наши, у нас много солдат бежавших, которые не идут служить и вам, братцы, не помогают, а

здесь, т.-е. у наших помещиков, пьют, гуляют и горя не знают. А наши помещики этому пьянству рады. Солдаты все молодые, которых уговаривают помещицкие защитники. Раньше вас, дорогие товарищи, нагайками гнали служить, а теперь говорят, что нужно дома жить. Много есть полицейских урядников и даже бежавших из Петрограда городовых. То все мы, граждане вышеозначенных волостей и селений Горецкого уезда, просим вас со слезами: приедьте к нам несколько солдат, которые здешние жители, т. е. нашего уезда. Они знают все наши густые населения и всех наших помещиков. Мы все, отцы и матери, братья и сестры, просим: возьмите наших сыновей на защиту свободной нашей земли русской, и они все, как один человек, пойдут служить. Мы все хорошо знаем, что теперь нужно служить всем до полной победы с нашим врагом. Надеемся и ожидаем вас и вашей помощи, что вы, наши товарищи и братья, не оставите нас и нашу просьбу без внимания.

В том и подписуюсь от имени всех граждан Горецкого уезда.

Солдат Федор Демьянович Якубовский Баевской волости.

№ 46.

Мы, солдаты 735-го Сенакского полка, 1-й роты (240 ч.) 4 мая на общем собрании приняли резолюцию.

Принимая во внимание, что война ведется не в пользу народа, а в пользу капиталистов, мы высказываемся против займа. В первый год войны мы отдали своих первых сыновей России и лучшие свои материальные средства и поспешно вывозили свои крестьянским трудом добытые. Принуждены мы были взять наших отцов и вместе с ними стать на защиту родины. Обращаемся мы к Совету Солдатских и Рабочих Депутатов, просим обратить внимание на наших оставшие[ся] в тылу беспридельных матерей, жен и детей. Нельзя ли обой-

ти ту пропасть, которая стоит перед нами. Мы требуем немедленно обратиться к союзным нам державам с предложением мира без аннексий и контрибуций. Мы требуем от временного правительства немедленного наложения немедленного налога на военную прибыль капиталистов.

Резолюция.

На общем собрании мы единогласно решили этот вопрос. Ввиду того, что временное правительство затягивает войну и оттягивает выборы в учредительное собрание, просим Совет Солдатских, Рабочих Депутатов сменить при первой возможности временное правительство, защищающее интересы буржуазного класса.

Председатель: Степанов
Секретарь: Афонин.

Письма с 1-го по 15-е июня 1917 г.

№ 47.

Товарищи рабочие и солдаты!

Нам по Одессе совестно ходить: 40 град. жары, а мы в зимних папахах и в зимних шароварах и в 12-фун. английских ботинках и т. д., а посмотришь на господ, которые ничего не делают, раз'езжают на автомобилях и одетые в шелк, и усыпаны бриллиантами и обвешаны золотом, сидят в ресторанах и кушают заморские кушания и так дальше. Это, товарищи, не сказка, а можете приехать в город Одессу и посмотреть. Я тоже бы не поверил, потому что я из самой глухой деревни — из Сибири, а теперь вижу и верю. Товарищи, за что же мы воюем и гнием в окопах? За то, чтобы богачи интересовались театром военных дей-

ствий, или Керенский достигнул цели Наполеона *), или еще что есть, другой секрет? Ну, товарищи, бог даст придем домой, и что же нам будет — земля и воля, а богачам что... рай...

Товарищи, рабочие и солдаты, время положить всему блаженству конец, нужно сделать, чтобы были равны все. Долой капитал и чины!

Да здравствует социализм!

Да здравствуют рабочий и крестьянин и все трудящие[ся]!

81-го Сиб. полка В. Егоров.

№ 48.

Уважаемый наш председатель г-н Чхеидзе

Все мы, солдаты русской армии, читаем газеты и воззвание, мы проникнуты одним чувством «спасать отечество», всю жизнь и достояние согласны положить на алтарь свободы, но «мы» малосильны в средствах к жизни. Нужно помогать всем, кто чем может. Для победы над врагом необходимы экономические средства, но откуда их взять? За границей мы и так уже много заняли, около 50 миллиардов руб. У нас в России есть свои богатейшие средства, но только они находятся в руках буржуазии. Представьте себе тяжелое время, все должны чувствовать одинаково на деле, а не на словах.

В России у нас есть много фабрик, заводов и т. д., все это должно поступить в народное пользование, т.-е. для блага всех, но не для эксплоатации буржуазии. «Они» настоящее время не только чувствуют или несут во всем убытки, но они берут громадные барыши на всем, что недопустимо в русской революционной стране. Я до войны жил на свои труды, затем меня забрали на войну спасать отечество от врагов внешних. Я не только лишился своего

*) См. примечания.

какого-либо барыша, но моя семья лишилась насущного куска хлеба. Теперь представьте себе, как жила у нас буржуазия до войны и как теперь дерет кожу и пьет из нас кровь. Фабриканты, заводчики, коммерсанты имеют больший перевес в барышах, чем до войны. Все это необходимо отобрать для народного пользования. Нужно организовать «Кооперативы — правит.» и учредить над всем строгий постоянный контроль; тогда только свободная русская революционная армия будет готова на всякие жертвы для победы над врагом. Тогда только жизнь и настроение людей будет благоприятное, что способствует достижению всяких необходимых для нас целей. Подписуемся солдаты 35-го армейского корпуса: Николай Шумов, Гавриил Горшков, Владимир Галин, Никита Бельский, Владимир Венедиктов и т. д.

№ 49.

В Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

Георгиевского кавалера фельд.
Ильи Емельянова Тарасова,
тридцати девяти лет.

Заявление.

Настоящим сообщаю о полной неорганизованности и неосведомленности о событиях в своих родных местах, Олонецкой губ., Лодейнопольского уезд., Шимозерской вол. д. Сяргозере. До сих пор там нет общественного и волостного комитетов, и люди живут в полной темноте и неведении. Семьи призванных на военную службу пока получают ничтожный паек, ввиду этого находятся в плачевном положении. Я, находясь со дня мобилизации вот уж почти три года в действующей армии и получив из дому такое тяжелое разволновавшее меня известие о порядках в своей деревне. Я довожу об этом до сведения Совета и

прошу принять соответствующие меры для организации населения в наших местах общественных и волостного комитетов.

Георгиевский кавалер фельд. Илья Тарасов. 3-го Финляндского стрелк. полка нестроевой роты.

1 июня 1917 г.

№ 50.

Товарищам солдатам-депутатам.

Товарищи крестьяне земледельцы!

Я вот хочу вам сказать или прочесть несколько слов, так как вы вот собрались на собрание не для того, что, как это было раньше, ловили нашего брата, крестьянина. Нет, товарищи, этого теперь не должно. Мы собрались для обсуждения вопроса, который должен нас оправдать и привести к хорошей жизни и к хорошему расширению нашего хозяйства. Это для нас делают наши же товарищи, которые много лет томились по тюрьмам сырым. Вот за самое это, что они добивались и чего они хотели добиться, да все же, товарищи, для нас. Они хотели поставить всех на ноги и улучшить нашу страну, как скажем свободную Россию. В настоящее время, товарищи, это очень важное для нас. Вы сами, наверно, можете чего-либо понять, что нам надо и что нет. Товарищи, не надо нам это. Еще я вас прошу, что не надо волноваться, не надо верить тем, которые нас приводят к какому-либо беспорядку. Вы сами хорошо знаете, товарищи крестьяне-земледельцы, это нам хорошо известно, кто с таким лозунгом ходит, кто нас развращает. Да все наша буржуазия, наши капиталисты. Нет, товарищи, теперь уж это поздно. Мы только лишь должны сказать: «Земля трудовому народу». Довольно теперь этого. Как это было раньше, каждый из

нас приходил, снимал шапку и говорил: «Иван Степанович, дай, пожалуйста, получше какую десятинку». Нет, товарищи, довольно теперь им работать нашими руками. Пускай они сами протягивают и достают чего им надо. Да еще вот чего я хотел сказать: насчет наших буржуев и маленьких капиталистов, которые сидят где-то спрятавшись, и они не знают, что у нас кончилась эта бойня, или нет, а наоборот, набивают карман. И очень таких много, у которых по два брата, и по три есть, и они ни один не служит. Почему же это такое? Да вот почему, товарищи: они в два кармана, один обыкновенный, а другой особый. Это вам, наверно, известно, что такое особый, а у нас, товарищи, один, да и тот дырявый. Как же мы можем с ним равняться. Очень трудно. Вот нам и приходится всегда ихнюю кашу есть. Они сварят, а потом с нас соберут. Вот нашу это бойню и завели наши капиталисты для своей пользы и хотели загрести чужими руками жар.

Нет, товарищи, мы им должны сказать и побеспокоить: вы — русский вольный гражданин, пожалуйста, надевай нашу одежду и к нашим товарищам солдатам в окопы. Довольно прятаться!

Товарищи, разве мы можем защитить нашу свободную Россию и помочь нашим товарищам? Никогда. Разве это совесть, разве это честь — последнего хозяина взяли из дому? Какой здесь может быть порядок? В пустом дому разве может женщина чего приобрести лишнего? Очень таких мало у нас опытных и сообразительных, если в России у нас 99 неграмотных, а один грамотный. Товарищи, что же мы хотим получить хорошего и какой-либо перемены, а неграмотный — это темный человек. Товарищи, вот нам не давали развиваться, и нас давили: во-первых, государь, во-вторых, евонный помошник — буржуй и капиталисты. А если б были, хотя бы немножко, воспитанные, то им, наверно бы, и обмануть было некого. Вот, товарищи, и мы ничего не могли сделать, потому что не могли найти такого

конца, который, действительно, нам нужен; но мы должны помнить наших тех людей героев, которые погибли где-то далеко от родины, в чужой земле, и тех борцов за свободу, вот которую мы сейчас держим в своих руках и которые нам так позволяют вольно собираться и говорить, кто что может. Но еще прошу, товарищи, слушать со вниманием тех людей, которые за нас стоят и выводят нас с маленькой грязной дороги на большую, на которой свободно можно ходить и не мешать друг другу, да все же нашему брату, когда нам бывает тесно, мы толкаемся и ругаемся и с своим же братом. Товарищи, я еще скажу раз, почему наши капиталисты очень далеко знают друг друга. Да потому, что они всем обеспечены, всего у них хватает, а у наших мужичков крестьян чего самое необходимое, да и то неисправно. Вот это всегда бывает неприятное, и ему, бедному, приходится волей-неволею выходит из терпенья. Товарищи, если бы у нас у каждого было бы все то, что должно быть у крестьянина, никогда бы этого не было и не должно быть. Но, а теперь, товарищи, я вам не могу ничего сказать, потому что я сам темный человек такой, как и вы... Прошу вас мою резолюцию перепечатать в газетах, товарищи солдаты и рабочие *).

Солдат 17-го Сиб. стр. полка

Иван Курочкин.

№ 51.

5 июня 1917 года.

В комитет

товарищам рабочим и солдатским председателям.

Товарищи, за некоторое время я неоднократно заметил в Курской губ., в Рыльском уезде, Костровской волости, дер. Агарковой, избран комитет совершенно из буржуазных лиц,

*) См. примечания.

то эта буржуазия установила цену, чтобы им работали за руб. 50 коп. и на своем продовольствии. Товарищи, буржуазия завладела этой бедной деревушкой, — совершенно на них работает.

Товарищи, я приехал в качестве инвалида, прибыл в эту деревню, заявил, чтобы буржуазный комитет изменить. То председатели буржуазной дистанции меня не признали, так дерзко обратились и сказали, что голоса не имеешь, сознали, что я молодой и не играю буржуазного духу, и кроме того, один председатель, Николай Артамонов, обличил этого инвалида беглецом, что он не играет в барскую дудку, а играет крестьянскую и гражданскую. Товарищи, теперь я вам об'ясню: Курской губ., Рыльского уезда, Костровской волости, д. Агарковой, Андриан Иванов Морченков, что я стоял за народ, за свою братию и — всю же демократию, и секли меня не раз плетьми, а буржуазный класс говорит, что я не имею голосу.

Товарищи, покорнейше прошу всех своих товарищей как с нами, что весь уездный комитет занимает решительно буржуазный класс; бедные люди совершенно ничего с ними не могут сделать; совершенно бедный люд не признают даже гражданство, а держут старый режим, а мы, бедный люд, не можем ничего сделать. Товарищи, покорнейше прошу, пришлите какое-либо распоряжение. Я своим деревенским старикам прочту, чтобы они знали, каких людей куда выбирают, а то они рабочих и солдатских депутатов не признают. Действительно, чтобы их убедить, не раз с ними занимался, но буржуазный класс пересиливает.

Солдат-инвалид изд. Морченков.

№ 52.

В Петроград, в Совет С. и Р. Депутатов.

От имени 29-го Кавказского корпуса.

Продолжая и переживая настоящее тяжелое время, и в течение уже 3 лет продолжается эта кровопролитная бойня,

т.-е. война, и не дождаться нам кончины этой войны. Все время нас приглашают для наступления против врагов, но мы же, солдаты сказанного корпуса, не согласны ни под каким предлогом делать наступление, потому что довольно уже пролито нашей крови, но сейчас мы не желаем, чтобы напрасно лилась наша кровь, а во-вторых, многие из нас остались совершенно больными и остаются еще старики, которые совсем не могут состоять на военной службе. Если же продолжится война еще далее, то наши семейства совсем могут остаться не при чем, и нам же, старым и больным, в то время, когда окончится война, то хотя и не показывайся домой. Но как в настоящее время получена нами свобода, завоеванная свободная власть, которую мы согласны держать и не упустить из своих рук, потому и просим С. С. и Р. Депутатов во что бы то ни стало, на каких-либо условиях, хотя нам придется и тяжело выносить эти утраты, но мы лучше согласны внести, чем нам положить голову.

Но нужно как можно скорее заключить мир, не продолжая время.

Просим внести наше письмо в вашу газету.

1917 года, июня 5 дня.

№ 53.

Письмо из окопа!!!

Я, солдат, пражданин Ф. Д. Д..., 4 сего июня сел читать газету.

Газета под заглавием: «Солдатская Правда», за № 34, вторник, 12-го числа, по старому 30 мая 1917 года.

Я нашел то, что буржуазия в тылу говорит, что такое и почему, что солдаты на позиции стоят грудь против груди, а в воздухе не слышно пороху и солдатской крови. Я скажу, что я гордо и праведно говорю, что если буржуазия хочет

понюхать пороху и солдатской крови, то пускай она не сидит в глубине России за нашими истомленными за 3 года плечами, а мы вышлем своих шпионов, узнаем кто это там говорит, и заберем его сюда, в окопы, то он не только в воздухе услышит порох и кровь, а увидит своими глазами, а если не так, то мы половина остаемся и работаем один за двух, а половина идет и от германской границы до австрийской и турецкой и так далее, перебьем всю буржуазию, всех помещиков, отдадим землю крестьянам, а сами вернемся на фронт добиваться до последней капли крови за красное наше знамя. И крестьяне не станут стараться, чтобы посадить Николая II на престол, так, как теперь делает буржуазия, а будут стараться нас, т.-е. фронт накормить, обуть, одеть, а мы постараемся отстоять, удержать свободу и сделать, чтобы было хорошо для нас и для их, а иначе у нас, видно, не выйдет дело.

Господа, товарищи граждане, прошу, если вы получите мое письмо, оповестить его в газетах, так чтобы буржуазия опамятовалась и делала по-другому, чтобы дать нам помощь окончить войну, а не Николая II поставить на престол.

Солдат рядовой,

Филипп Данилов Данюк.

№ 54.

Июня 10 дня 1917 г.

Уважаемые товарищи и свободные граждане рабочие и солдатские депутаты.

Мы, солдаты всего фронта, заявляем вам письменно и просим исходатайствовать о скорейшем заключении мира. Впрочем, если вы не внемлете нашей просьбе, то фронт будет охраняем частью наших товарищей, а остальные все пойдем в Россию и ни одного не оставим в живых, кто только лишь противоречит заключению скорейшего мира. Свобод-

ные граждане, рабочие и солдатские депутаты, мы все, сидящие в окопах, поняли, для чего хотят продолжать войну, и кто хочет. Это все те, кому не на руку эта свобода. Товарищи рабочие и солдатские депутаты, нам уже надоело за три года сидеть в окопах, но нелегко нашим отцам, матерям, а также и женам с нашими осиротелыми детками, оставшимися без рабочих сил, сидя и голодая. Мы, страдальцы-солдаты, достаточно пережили горя; многие из нас легли грудью на поле брани, да, кажется, достаточно и калек есть. Но для чего продолжать дальше войну. Нам господа офицеры говорят: товарищи солдаты, если хотите защитить свободу, то нужно хоть один удар сделать, и говорят, что тогда и мир будет. Разве воюющие с нами державы отнимают у нас свободу. Нет, у нас хотят отнять свободу буржуи, которым не на руку эта свобода. Они ее, эту войну, и затеяли собственно не для завоевания, а для уничтожения мира. Часть, мол, перебьем, а остальные будут работать на нас под ударами плетей. Если же мы послушаемся их и сделаем один или два толчка, то мы этим не приблизимся к миру, а растревожим врагов, и он нас перебьет. Тогда наши буржуи у восставших отнимут свободу и в ту же минуту найдут способ, как заключить мир, а теперича они нам говорят, что враг не желает никакого мира. А почему же он не наступает. Ладно; нам говорят, что он, враг наш, надеется, что мы не будем наступать, и все силы отодвинул на фронт наших союзников, чтобы расправиться с нашими союзниками, а тогда и с нами. Но это все ложь, потому что мы знаем вполне, что у него еще хуже нет сил продолжать войну дальше.

Товарищи рабочие и солдатские депутаты, просим не отнюдь исполнить нашу просьбу.

Подлинно верно подписал председатель сидящих своих товарищей в окопах.

Председатель, Федор Евдокимов Набоков.

№ 55.

Товарищи, мы сегодня прочитали в «Киевской Мысли» казачий всероссийский с'езд, что возмутило нас. Требуем прекращение с'езда и упразднения Госуд. думы, которая вместе с казаками начинают контрреволюцию. Мы говорим, что внутри враги не страшны — наши жены, дети, отцы и матери, а враги внешние; вот и просим гг. Гучковых, Родзянко, казаков и К° на фронт.

Просим разогнать контрреволюцию.

189-й пех. дивизии Михаил Баскаков.

Действ. армии, 11 июня 1917 г.

№ 56.

Д. армия, сев. фр.

Товарищ Н. С. Чхеидзе.

Обращаюсь к вам, как к социалисту и демократу, и хочу сказать несколько слов о том, что мною было прочтено в газ. «И. П. С. Р. и С. Д.», № 90.

Многих т. революционеров помещены речи, хотя мне кажется и не полностью, но все-таки можно судить, кто из них по какой плоскости идет и какой интерес отстаивает. Ваша речь тоже немного задела меня, о ней я в настоящее время не скажу ни слова, но вот то, что я вынес из тех... речей, которые были сказаны на В. С. Р. и С. Д. Раньше мне казалось, я не был и раньше уверен в их искреннем желании итти навстречу порабощенной и угнетенной массе, а теперь я больше и больше убеждаюсь в том, что все, кто говорит красно и дипломатично, мыслит черно и капиталистично... Большинство товарищей граждан, опираясь на доверие массы, которая доверилась их многосулящему красноречию, когда очутилась в советах и у власти, забыли то,

что они сулили проводить в жизнь от имени 120-миллионного порабощенного и разбитого кровавой трехлетней бойней люда; и, прикрываясь массой, проводят совершенно противоположную политику, — ту политику, которая, конечно, приемлема, но только не большинством, а лишь определенным, господствующим классом, а большинство по-прежнему остается бесправным, как и было четыре месяца тому назад.

Подумайте только, товарищ Н. С. Чхеидзе, что то большинство остается по-прежнему бесправным, которое всю тяжесть этой трехлетней братоубийственной бойни должно нести на своих плечах и приносить себя в жертву богу войны. Я вижу из всех речей, что получается какое-то деление крестьянина на несколько категорий. Получается, что есть рабочие, солдаты, батраки и крестьяне, но мой взгляд был и будет таким, что у нас таких категорий в настоящее время нет, есть только угнетатели и угнетенные, и еще у нас нет солдат, а есть бесправные вооруженные люди, и притом еще совсем темные... Вот этой-то темнотой и этим не солдатом, а вооруженным народом, — потому вооруженным народом, что солдат имеет определенную, выработанную годами дисциплину, а мы ее не имеем, мы сегодня обсуждаем одно, а завтра совсем забываем вчерашнее и разбираем другой вопрос нашей жизни, — пользуются те, кто сумел получить в первые дни революции доверие темной и ошеломленной массы, которую пробудили от вековой спячки революция и усталость трехлетней войны. Но знайте, товарищ Н. С. Чхеидзе, что мы начинаем, хотя и темны, немного кое в чем разбираться, и горе будет тем, кто призывает принести еще миллионы человеческих жертв в пользу капиталистов. Я лично нахожусь в рядах армии с 1914 года, с 28 июля, и за эти чуть ли не три года много-много прошло мимо меня таких, как я. Многие и очень многие больше не увидят своих родных сел и деревень, только потому, что небольшой кучке людей было мало золота и мало крови, но много

и калек и идиотов, которым тоже не особенно хорошо, и вот в настоящее время, находясь всего в нескольких стах шагах от немца, эти люди проходят мимо меня с окровавленными телами и леденят в моих усталых жилах кровь. Ведь я их видел здоровыми и цветущими, а теперь кровавые трупы и бесформенные люди.

И вот, зная и себя, и массу, в которой нахожусь, я боюсь, что в самый критический момент той политики, которой придерживается наше правительство с императором Бьюкененом I *). Эта масса пойдет не туда, куда ее посылают, а обратно, тогда прощай свобода России, которую не успели еще провозгласить республикой, хотя капиталистической, если уже нельзя назвать социально-демократическую. Кажу и прошу дать дорогу к миру без крови.

Пора итти в секрет, но боюсь подписать своего имени. За такие взгляды, каких я придерживаюсь, нас лишают прав и сажают в Петр. П. креп.

Дайте ответ в поим. газ. под литер Г. П.

Письма с 16-го по 30-е июня 1917 г.

№ 57.

Господа солдаты и офиц. депутаты.

Прошу примите своих несколько вопросов во внимание, так как я нахожусь на румынском фронте и получил из дому известие, и вот что же: по распоряжению нашего правительства отбирают у крестьян последний хлеб **), а оставляют лишь на одного едока 50 ф. в месяц, а на скотину ничего не оставляют. Я это протестую, потому что в нашей

*) См. примечания.
**) См. примечания

местности, Орловской губ., Ливинского уезда, Знаменской волости, у нас подножного корма летом вовсе нету, а на скотину не оставляют хлеба, а у нас скотину зиму и лето кормят хлебом, так что не менее 20 ф. муки надо на каждый день на одну голову скота, а на них и одного фунта не оставляют. Обратите особое внимание, чем же я должен кормить свой скот, поэтому я должен лишиться всего скота: или же этою дачей кормить свой скот, а семья должна голодать, или же семью кормить, скот должен издыхать. Довольно того, что мы здесь, на фронте, голодаем, и должна семья и скот голодать, — это я считаю беззаконно поступают. Наш скот и без этого голодал, а в это время мы должны его совсем лишиться. К чему же мы придем домой, чем мы будем обрабатывать землю? Да и сейчас уже не на ком обрабатывать, уже всем лишились. Прошу, г. депутат, сделайте запрос новому правительству дать на одну голову скота не менее 15 п. хлеба, иначе мы должны совсем лишиться скота; второе; так как в деревнях крестьяне, которые не были еще на войне, они желают вести войну до конца победы, действительно им хорошо они с наших жен-солдаток последнюю кровь вытянули за это военное время, берут за работу, что хотят, и им хорошо карманы набивать. Есть в деревнях много молодых людей, как-то: служат в кредитных банках. Эти пооткупились при старом режиме, и они до сих пор сидят, потому что некому их сместить, и во время японской войны браковали совсем слабо, они тоже сидят до сих пор дома спокойно, их надо попросить в ряды войск для защиты родины и свободы, а их места у нас достаточно хватит заместить ранеными и стариками, — могут свободно ихние должности исполнять, а им довольно карманы наживать. Я сам служу, мне уже сороковой год, я был отставлен вовсе от службы, в это время я страдаю плохим зрением и катар желудком и одним ухом не слышу и нахожусь на войне; меня при старом режиме признали здоровым, а их — больными. Это беззаконно и сейчас посту-

пают: нет никакой комиссии, доктора держат старый режим. Прошу вас, господа депутаты, этих означенных лиц зачислить в ряды войск, а их должности заменить ранен. и старики отдохнут, а они постоят за свободу и отечество. Прошу гг. депутатов поместить мои строки в газете.

Находящий на румынском фронте в 1-м парке выборный

Астахов.

Прошу гг. деп. по моим строкам сделать запрос и отнестись врем. правительству.

№ 58.

Письменное сообщение из позиции. Сообщают гренадеры, что в газетках находят много неправильности. Допустим речь Гучкова; там говорится так: перейдя к вопросу о снабжении, Гучков говорит, что надо принудить всех граждан о подвозке снабжения, а если не принудить, то они не хотят подвозить. То наш вопрос обсуждается так, что можно принудить только тех, у кого есть, допустим, помещиков, а не так же, что вот я, гренадер, был дома у своего отца, то нас трое и все на войне. Отец старый, неспособный к труду; была у его одна лошадь, и последнюю забрали без денег и без всякого вида, остается теперь ему, старому, пропасть. А если у вас нехватает снабдить армию, то тогда не нужно воевать, нужно кончать это нехорошее дело — братоубийство. Вы не обманывайте нас, как маленьких детей, что нужно нам завоевать свободу детям да внукам нашим. На что мне тогда свобода, когда меня убьют; я сам еще дитя, мне нужно теперь мир и свобода. Еще один вопрос об этом, что новое правительство запрещает нам на позиции сходиться с немцами: вы, говорит, этим предаете Россию, не то Россию, что и наших союзных держав, Францию и Англию; но это неправильно, как начальство такое же, как и вы, предали Россию, закрутили, запутали, а теперь расправиться трудно.

А мы сходимся с немцами потому, что мы хотим миру, мы думаем, что и они люди такие же, как и мы; нам уже надоело три года сидеть в земле и воде.

Хотя это и правильно, что братание не должно быть на фронте, но ничего не сделаешь, — нам хоть туда или сюда, но как бы скорей мир.

До свидания.

№ 59.

Письмо с фронта.

Приветствие временному правительству и С. Сол., Рабоч. и Кр. Депутат. и во главе стоящий военный министр Керенский. Да здравствует временное правительство, С. С. Р. и К. Д., военн. мин. Керенский всецело доверящие вам мы. Товарищи, вы пишите и предлагаете полкам о наступлении, а деревня нам пишет о хлебе. Товарищи, о чем же нам приходится думать в настоящее время, именно о хлебе и голодающей деревне. Представьте себе, товарищи, видеть эту картину которая достигла небывало-чрезмерной цены, да и эту и свыше бы цену согласны бы заплатить, да нет пылинки в огромном торговом местечке. Так как я думаю, что наша Калужская губерния всему русскому населению известно, что Калужская губерн., какой она имеет промысел, а вот какой: Калужск. губернии все население включительно чернорабочее, наше население не только мужское, да и женское все уходят к помещикам нарф. [1]) кирпичи и землю урабатывать помещикам, — вот поэтому-то Калужская губерния, в особенности Жиздринский уезд. В Жиздринском уезде есть большое торговое местечко Плохино; оно пользовалось включительно из города Болхова, Орловской губерн. и других

---

[1]) Так в оригинале.

хорошо и многоземельных губерний, а у нас в Плохине буржуи братие Меньщиковы еще в 16-м году, 24 декабря прикрыли свою торговлю, а в настоящее время и некому хлеба преставить. В ближайшем городе, в Болхове, Орловск. губ., тоже не оказывается хлеба, а если и купят сколько возов, — 60 коп. пуд провоз. В настоящее время у нас в Плохине, Жиздринск. уезда, неслыханная цена: 9 руб. пуд мука ржаная, а пшеничной совсем давно нет, а других продуктов и спрашивать нечего. Товарищи, обратите на голодающих внимание: хлеба требуется на волостное общество не менее одного вагона в неделю муки. Товарищи, представьте возможности названный предмет на станцию Думеничи или же Сухиничи Моск.-Киевск. жел. дор. А если так, то ни война, ни наступление.

Рядовой ратник И. И. Иваничкин.

25-го Красноярского полка, июня 15 дня 17 года.

№ 60.

Товар. Мы, солдаты . . . полка, решили ни под каким предлогом в наступление не ходить, так как нас все обманывают. Простоим только один месяц и бросаем фронт, идем в Россию воевать с купцами-буржуями. Довольно нашей крови, довольно наших слез, довольно, долго терпели, пришел конец покончить войну и рассчитаться с теми, кто на нашей крови наживал богатство и царствует.

Полк назвать до время не можем.

Сила у нас. Солдаты . . . . . полка.

№ 61.

В Петроград рядовой Е. Чудинов.

Заявление ратника Чудинова

Солдатских и Рабочих Депутатов.

Покорнейше прошу вас принять к сведению мое заявление.

Я, Чудинов, как свободный гражданин, имею право входить в интересы крестьян и прошу вас, чтобы вы постарались

прекратить повышенье цен на все товары, потому что чуть не с каждым днем подымаются и на все цены, начиная с фабрик и заводов и кончая купцами и кулаками, и все стали драть вдесятеро, а, на них глядя, вздорожали все продукты крестьян. Я в этом хорошо уверен, потому что, когда я был в деревне, то на моих глазах все начиналось: как только начал дорожать фабричный товар, то, на них глядя, начали драть и крестьяне, и, на это глядя, стали драть и рабочий народ и просить прибавки. У нас в Тамбовской губернии жилось очень хорошо, но по старым ценам и все были счастливы, только и мучило одно малоземелье, так как у нас больше половины земли было в господ, которые захватили в прежние годы. Затем прошу со слезами вас принять строгие меры и поставить прежнюю на все товары цену, в деревнях тоже всю работу по старой цене. У нас прежде работали пахали землю 6 руб. за десят., теперь 25 руб.; убирали 7 руб., теперь 25 руб.; лапти плели 15 коп. за пару, теперь 1 руб.; молотили 50 коп. за пару, теперь 1 руб. 50 к. *); мололи мельнику 20-ю меру, теперь 7-ю дерут меру и делят хлеб пополам с бедными крестьянами. А особенно трудно солдаткам, потому что за все нужно платить — за пахоту и уборку, за молотьбу и за помол, потому что готовый хлеб делит с нею мельник, и все говорят, и себя оправляют тем, что нет рук. Если некому работать, то и за дорогую цену не будет, и за все должны отдуваться солдатские жены. Неужели за то, что их мужья сидят в окопах, теряя здоровье и каждый час ожидая смерти, и очень довольны тем жалованьем, которое положило новое правительство, 7 руб. 50 коп. А им в тылу армии все мало, этим проклятым богачам, которым и так за войну набили карманы. Прошу вас, новые правители государства, и на вас надеюсь, что вы прекратите этот грабеж и поставите на все прежние цены. Еще прошу обратить внимание на милицию. У нас все ропщут солдаты, зачем это допущено: купец-

*) См. примечания.

кие дети служат милицией и евреи *) и им положено очень хорошее жалованье, там каждый раненый солдат согласится служить за 7 руб. 50 коп., — они и должны там находиться, а этих купчиков — их нужно послать в окопы, и евреев тоже, а то их вовсе нету на фронте. Я много видал: только покажется и потом уезжает вскоре на комиссию и лезет к русскому: я де твой товарищ и тоже гражданин. Прошу обратить на них внимание, и я с ним никогда не буду товарищ. Еще прошу вас выслать постановление, чтоб каких мы изберем в делегаты, чтобы они потребовали из села аттестат, а то мы можем, в чем ошибиться, потому что у каждого адретоль (?) только и видим солдат и больше ничего, и под серою шинелью могут быть волки в овечьей шкуре, лаская нас. Прошу покорно на все обратить внимание и пожалейте бедных крестьян, спасите их от разоренья.

№ 62.

Прошу огласить собранию.

Кончайте войну для спасения России. У солдат худые мысли не против Германии, а против Керенского и всех министров, а особенно сурьезный вопрос Украинского с'езда **).

Д. армия Николай Зимин.

Представители от армий врут нахально, что полное доверие правительству, — нужно заглянуть в окопы, а потом и говорить, что полное доверие правительству.

А штабы армий могут и доверять.

---

*) См. примечания.

**) См. примечания.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ.

РЕПРЕССИИ НА ФРОНТЕ, ПЕРЕЛОМ В ОТНОШЕНИИ СОЛДАТ К ЭСЕРО-МЕНЬШЕВИСТСКИМ СОВЕТАМ И РОСТ БОЛЬШЕВИСТСКИХ НАСТРОЕНИЙ.

(Июль — сентябрь)

Начало этого периода характеризуется пересмотром солдатами своего отношения к Советам. Солдат, безоговорочно признавший авторитет Совета в первые дни революции, начинает теперь критически оценивать каждый шаг его деятельности. Так, один из солдат в письме от 2 июля, описывая бывший в корпусе митинг, говорит следующее: «Голос был: они нам ничего хорошего не сделали, только разработали одно наступление, которым оконфузили всю нашу русскую молодую свободу и революцию. Разве мы вас для этого послали — слушать капиталистов? Мы же на вас положили надежду, чтоб вы врыбытоль (?) благо своей родины, ано (?) нтутнто (?) было вы совсем не глядите, что родина гибнет». И далее солдат рассказывает о жертвах, понесенных фронтом во время наступления, и о голоде в тылу, а затем говорит без обиняков: «Чего вы этих союзников слушаете? Эти ведь союзники глядят нажиться от России». А затем идет рассказ о том, что англичане начинают уже хозяйничать в Сибири (хотят использовать ее богатства) и что не спроста дают нам паровозы американцы, а затем чтобы «с нас век кожу драть».

«Предались буржуазии» «слушают буржуазию» — таково мнение солдат о меньшевиках и эсерах. И солдат о коалиционном правительстве говорит уже с чувством безнадежности и разочарования.

«Нету никакой надеи на новое правительство, потому что нету в его словах праведных». Не ждет уж солдат прекращения войны и наделения землей мирными путями, т.-е. теми путями, уверенность в правильности которых поддерживалась в солдате соответствующей агитацией Советов, т.-е. через созыв конференции социалистов и через созыв учредительного собрания.

«Почему же так обманываете нас на фронте, все одно, как барышню конфеткой; тогда и тогда будет учредительное собрание и конференция вот-вот уже, а потом возьмете и отложите? Разве мы, дураки, не знаем, к чему уже идет наша Россия», — пишет солдат в августе месяце.

Солдат начинает вполне соглашаться с тем, что из всяких разговоров о мирных конференциях социалистов и даже из созыва их никакого толка не будет. В начале сентября он уже пишет:

«О мире заговаривают с социалистами всех стран. Это очень хорошо бы было, если бы во всех странах социалисты имели право, как сейчас у нас.

Мне кажется, что вернее было бы заговорить с правительствами враждебных нам стран, так как и они не меньше жаждут мира» (п. № 85).

Между тем, нетерпение солдата достигает крайних пределов.

«Теперь только надо скорый мир, и вот будет успокоение солдат, и отобрать от помещика всю землю, передать всю крестьянам, и вот что только надо солдатам и скорый мир», — так пишет в это время один из солдат фронта.

Солдат в это время весьма нетерпимо настроен в отношении вр. прав. за его призывы к сельскому населению о подвозе хлеба:

«Крестьяне кладут последние жертвы на алтарь свободы, последних коров отдают, а балтийские помещики их держат по нескольку сот голов и тысяч пудов хлеба»; — пишет солдат в ответ на такой призыв и дает в сущности весьма определенный совет не адресоваться, куда не следует, а «оказать давление на таких граждан», то-есть на помещиков.

Исключительную чуткость проявляет в это время солдат и к попыткам офицерства и генерала Корнилова в частности выявить свою контрреволюционную тактику и политику. Уже после первых приказов Корнилова в июле месяце, когда этот бравый генерал предложил «не колеблясь» применять огонь пулеметов и артиллерии против «изменников»-солдат, солдат Фадесиков писал Совету:

«Такими приказами только растравляют солдатское терпеливое сердце, но мы всецело чувствуем, что горе будет не то[лько] этому командному составу, но и всему народу; поэтому просим всех товарищей предотвратить эту опасную диктатуру, вытекающую из командного состава, дабы не навести пагубу стране» (п. № 74).

В этот период солдат вполне по достоинству и заслугам определяет роль и значение большевистской партии:

«Теперь нам, солдатам, правды не читать» — пишут солдаты по поводу закрытия большевистской «Окопной Правды». И очень настойчиво требуют освобождения арестованных большевиков, недвусмысленно напоминая о том, что судить следовало бы не их, а «Николая Кровавого и его приспешников» (п.п. №№ 44, 48).

Уже 9 августа солдат пишет так: «Наше временное очень встает на большевиков. Но мы, позиционные солдаты, не находим в них вины никакой. Мы раньше были против большевиков, но сейчас, после такой долгой обещанности, как временное правительство обещалось на первых днях свободы дать бедному народу, а потом нет, мы всецело переходим мало-по-малу на сторону большевиков» (п. № 81).

Положительная программа, какую в это время выдвигает и отстаивает солдат, целиком и полностью совпадает с основными требованиями большевиков.

Программа эта такова: «Наше глубокое убеждение: надо взять власть над собою в свои руки, в организованные Советы Солд., Р., К. Депутатов, вести в стране настоящую демократическую республику. Потом сделать решительные предложения мира, опубликовать грабительские тайные договоры, заключенные кровавым Николаем с английской и французской буржуазией, — это у нас первое».

В общем, самым характерным для июльско-сентябрьского периода является рост большевистских симпатий на фронте и разочарование солдат не только в политике временного правительства, но и в политике меньшевиков и эсеров.

Письма с 1-го по 15-е июля 1917 г.

№ 63.

3 июля 1917 года.

Дорогие товарищи!

Посылаю сердечный привет из позиции вам и всей свободной России. Товарищи, крестьяне кладут последние жертвы на алтарь свободы, последних коров отдают, а балтийские помещики их держат по нескольку сот голов и тысяч пуд. хлеба.

Надо оказать давление на таких граждан.

Ряд. 313-го п. Балашовского полка, Ф. Горячев.

№ 64.

Июля 6 дня 1917 года.

Товарищи, долой войну, бейте буржуев! Товарищи, разрешите в скором времени пустить на обработку земли, а то

пропадем, да не смотрите на буржуев. Просим вас, пожалуйста, кончайте войну. Докуда будем кровь проливать?

Из действующей армии.

Долой войну и буржуев!

№ 65.

Товарищи.

Вы пишите, чтобы волной граждане везли хлеб. Товарищи, крестьяне давно уже отправили, что можно, — отправили хлеб, клочки материи и даже последнюю нитку. Прошу опечатать в газете. Г. Е. Б. 23-го Низовского полка.

Буржуям, чтобы они раскрыли котомки и отворили амбары и свезли хлеб и отдали копейку. Дождутся все буржуи — придут солдаты с фронта и поколют.

№ 66.

В Исполнительный Комитет Сов. Р. С. Д. в Петроград.

Действующая армия румынского фронта просит дать ответы на следующие вопросы:

1. Действительно ли мы идем на смерть ради тех идей, которые доныне чужды врагу?

2. Не погибаем ли мы за рынки Антлии, за проливы Милюкова, за колонии Франции?

3. Все ваши благородные проповеди о мире всего мира останутся одним лишь пустым звуком?

4. Когда предполагаете, наши войска вступят в Берлин?

5. Довольно ли в Петрограде казаков, артиллерии, юнкеров?

6. Сколько нужно кровавым богам, министрам-социалистам, на обед в день наших голодных братьев рабочих и наших жен и детей?

7. Когда Керенскому отрежут язык? Хотя свобода слова, но это необходимо нужно, потому что нехватает сыновей у

матерей для полков, которые Керенский расформировывает и расстреливает.

8. Если мало казаков у вас в Петрограде, то у нас есть на кухнях лишние люди, можем вам послать.

Д. армия. Солдат Степан Ефимов.

12/1917.

№ 67.

12 июля 1917 года.

Товарищи!

Скажите, где мои родители могут взять хлеба. Они сами сидят уже 4-й год без хлеба.

Солдат из позиций Львов.

№ 68.

Уведомление.

От нашей вкрайны Юго-Западного края.

Наши вкраинцы прежде жили за старого права у руках богачов-помещиков. Так они вже поступали и з намы беднякамы, что мы вже не могли этого переносить, змущались над нами. Даст бог весну, — идем богачам работать; сперва они назначают нам цену по 25 коп. у то время, когда семенят землю, потом обсеменят землю, начинают полоть свеклу, назначат цену тоже по 25 коп., потом, как собирают хлеб, была какая цена назначена полно рабочему — 45 к., а тым остальным — по 30 коп. и 35 коп. Ну, кто-нибудь попросит у пана-богача: это для нас мала цена, назначите нам, пане, большую немножко цену, хотя по 50 коп. А пан, правда, не отказуется, говорит: дам большую цену, сейчас садится на стол и пишет приставу протокол и сейчас же приказуе своему савули заседлать коня и отвести пакет приставу. А пан пишет у пакети, что [не] таких-то два или три человека просили, чтобы пан назначил большую цену, а пишет приставу, что

такие-то роблят бунт. Сейчас же у то время выселае три или четыре барбоса, и приезжают и спрашивают, которы то бунтуют. Нет, господа стражники, мы не бунтуем, только мы пан просили, чтобы пан нам назначил хотя по 50 коп. Барбосы этого не слушают, только сейчас забирают этих три или четыре человека на зборню, бьют, а он водою отливает. А священники-космачи и еще богачам подсобляли, что мужиков быйти, чтоб они нас боялись и священники держали сторону за богачами. Как же они не имели держать стороны, как у попа сорок или пятьдесят штук скота на обори. Земство забирало у нас бедняков скот: кто имеет одну телушку, рад бы дождаться из ее коровки, то приедет земский начальник з барбосами тай забирают половину даром, — стоит тылушка 150 руб., дадут 70. А хто-то был в земстве? Паны да попы. У попа и у пана не забирали; у бедняка есть одна пара волов, то земство забирает одного вола, а другого оставит, то пан или поп у земства меняет, дает за хорошого вола негожую ему скотину тай меняет. Но сейчас, слава тебе, господи, усе это кончилось, настало тяжелое и смутное время на наших богатых панов, и попов, и жидов *).

Спасибо нашему новому временному исполнительному правительству, что оно нас, бедняков, освободило от богачов.

Конец богу — слава, а нашему новому временному правительству честь и похвалу и многие, многие, многие лета.

Писал запасный солдат, трудился за японской войны, отроду 50 год, Демьян Романов Губелюк.

1917 года июля 14 дня.

№ 69.

Гр. В[оенному] М[инистру] Керенскому.

Я, солдат из окопов, получил газету в окопе и прочел одну статью и, когда прочитал, был очень возмущен, что не мог издержаться, крепко рвал на себе волосы. Я взят на

*) См. примечания.

службу 28 июля 1914 г. и, просидев в окопах 2 года, потерял свое здоровье: теперь ноги мои отказались служить, я ползаю на ж..., и все еще не в честь вам Г. министр, вы так нас стращаете, что невозможно слушать. Вы теперь просите, чтоб мы пошли наступать в пользу капиталистов, помещиков как Англии, Франции и России. Нет, господин министр, вы глубоко ошиблись: теперь мы отказываемся от наступления и не желаем проливать кровь за чуждые нам цели, а если вам нужно наступать, г. министр, то просим вас в окопы к нам и заберите с собой всех буржуев, которые укрываются в тылу и кричат, что нужно наступать.

И просим вас, г. министр, не угрожать нас своим наказанием, — нам все равно; но и вам тоже живым не быть: я первый вам всажу пулю в лоб, — первую вам, а вторую себе. Так и знайте, что вам теперь от нас нет никакого доверия, потому что вы стали изменником всему народу.

Итак, просим вас отказаться от должности. Если вы с добра не уйдете, то мы силой заставим вас бросить ваш трон, — полно вам ездить в автомобиле и в пышных цветах.

Мы, солдаты, всей роты, пожелали вам послать это письмо, принято единогласно.

Письма с 16-го по 31-е июля 1917 г.

№ 70.

18 июля 1917 г.

Голос из окопов.

Товарищи солдаты и граждане, привет вам из окопов.

Товарищи, мы слышим ваш голос из тыла, что вы там выработали против своих товарищей:

1) отпуска прекратили *);

2) комиссию прекратили;

---

*) См. примечания.

3) теперь вы выработали смертную казнь *) против своих товарищей. Вас там улестили буржуи словами, и вы им верите; они вам скажут, и вы тому подписываетесь, а против их вы не идете, как для бедного люда нужно итти. Они выдумали наступление, и вы подписались, и мы не отказались, — нас побили, в ротах осталось по 6 да по 8 чел. Вы писали, что дадим немцу толчок, он тогда подаст нам руку к всему народному миру, но выходит все наоборот. Нет, товарищи, теперь этого не будет, чтобы нас опять вешали на пушечное мясо. Теперь мы вам скажем: немного слов и больше дела; дайте нам отпуск, дайте нам комиссию, отмените смертную казнь. А если же вы не услышите наш голос, то мы будем поступать иначе с вр. правит., также и с вами, мы покажем тому, кто устроил смертную казнь и прекратил отпуска и комиссию, а то нам опять стали надевать темные рамки и вешать замок на губы. Это опять понемногу выходит старый режим. Нет, этого мы не допустим, а вы, товарищи, этого не допускайте, а боритесь с теми людьми, кто это творит, и мы вам пособим, а делайте, т.-е. дайте нам мир поскорее.

Солдат З. (подпись неразборчива).

№ 71.

Дивизия. Сол. ком.

Из Действующей армии 17 года 7 месяца 18 дня. Товарищи, рабочие и солдатские депутаты, в числе нас 18 депутатов юго-западного фронта мы решились обратиться к вам с маленьким вопросом относительно приказов, как у нас теперь согласно приказов разрешено расстреливать друг друга, и также, по сообщению газеты в последних новостях, вы хотите выработать чести отдание и также титулование офицеров, но беспрекословно дисциплина поддержит порядок в ар.,

*) См. примечания.

но только не чести отданием и не титулованием офицеров, но эти приказы могут привести разврат среди армии. Вот мы вам об'ясним, почему они могут развратить армию: каждый солдат, который неотвратительно спасает свободную родину и желает спасать до конца, и он тогда скажет, что временное правительство ведет к той точке зрения и будет управлять, как Николай II, и может он обратно вернуться куцки нам в спину. Но хотя это трудно восстановить, хотя восстановят прежний порядок чести отдания и также телесное наказание, титулование офицеров, но что ж тогда получится? Армия обратит свое оружие на того, кто старается постановить прежний режим. Временное правительство не должно без вашего решения отдавать какие-нибудь приказы, должна власть всенародная, и не должны сажать по суду в крепость, но расстрел должен существовать для предателей нашей свободной родины. Еще, товарищи депутаты, нужно проверить договоры с нашими союзниками и на каких основаниях они сделаны, эти договоры, и какие вопросы о мире. Может, и напрасно и проливаем кровь нашу. Еще, товарищи депутаты, нужно строго стоять на своих постах и не покидать и на минуту, чтобы нам не попасть обратно под горячие куцки. Еще, товарищи, нужно нам организовать армию, чтобы у нас был порядок везде, а то гибель на краю нашей свободной родины. Социалисты должны прибегнуть к своей работе и поднять дух армии, и нужно искать способ скорейше прикончить кровопролитную войну.

Действующая армия.

№ 72.

Июля 22 1917 г.

Товарищи члены Центрального Исполнительного Комитета Совета Р. и С. Д.

Извиняюсь я перед вами в том, что осмеливаюсь вас побеспокоить на малое время своим маленьким письменным сообщением, в котором и ходатайствую перед вами, так как

вы, товарищи, первые победители старого царского правительства и, совместно с их старыми порядками и законами, и всего царского произвола, отчего трудящий народ сколько лет ото всячины страдал. Так вот, товарищи, так как вы завоеватели для народа свободы и желаете ее для всего народа на новых началах построить и закрепить, за что вас, товарищи, как таковых справедливых борцов за правое народное дело, то вас, защитников всего трудящегося класса, от имени всего народа приветствуем и верим мы вашему единственному революционному органу, СР и СД, а также и временному правительству, которое существует в настоящее время для защиты всей нашей родины и для устройства новых порядков во всей России как внутри России, так извне ее, и для устранения всяких недоразумений. Так вот, товарищи, и ходатайствую я перед вашим органом за то, что в провинциальных городах и в деревнях мало еще понимают об совершившейся революции и о новых порядках и правительстве. Так как вы, товарищи, сами прекрасно знаете о том, что в деревнях осталось и понимать некому, так как в настоящее время в деревнях остались только из мужского пола старой да малой, да женщины, — все народ неученый и нигде не бывалый и ничего не знающий, а из молодого мужского пола более развитые и грамотные все забраны на театр военных действий, так что в настоящее время деревенских жителей сорганизовать некому, с фронта на это время солдатам отпуска прекратили, который бы, как таковой приехавший бы в деревню, мог бы мало-мальски крестьян сорганизовать, а также споры между помещиками и крестьянами и всякие недоразумения по поводу земельного вопроса уладил бы помещиков бы с крестьянами примирить, а также сельские комитеты и волостной зем. комитет тоже помог бы сорганизовать, а то в некоторых местах сельских комитетов и не существует, а также и волостных З. К, которые могли бы помочь крестьянам разобраться в земельных вопросах, а также о теперешних порядках и о политике,

но из богатеев и из тех же помещиков, которые имеют огромнейшие богатства и большие имения, и эти богатые люди все ученые найдут слова, деревенскому жителю как голову затуманить ради защиты своих богатств, которым, как таковым, жалко расставаться с своими награбленными сокровищами, и не желательно им, чтобы получили бы равноправие весь трудовой народ наравне с ними, с богатеями, и оставить всю верховную власть в руках всего народа. Но им, этим помещикам, желательно всю власть попрежнему оставить за собой, и все еще продолжают и в настоящее время деревенских крестьян и крестьянок обирать, притесняя деревенских стариков и женщин-солдаток обрабатывать их земли с половины, или же по дорогим ценам, как они сами, помещики, оценят свою землю, например, как луга за одну десятину луга они берут с крестьян по 20 руб. и до 40 руб., а за клевера за одну десятину по 60 руб. и до 120 руб., каких цен и раньше не бывало. А если деревенские крестьяне станут что им говорить, что, мол, господа помещики, так дорого, нужно сколько-либо уступить то-есть сбавить, но они, помещики, на это отвечают: так, мол, постановлено новым правительством и солдатами, и деревенских жителей стращают и запугивают какими-то бывшими царскими опричниками, чеченцами и палачами и говорят крестьянам так: что у нас ничего не отберется, как было наше, так и будет все наше, и что мы вздумаем взять с кого за свое доброе, как, например, за землю, то и возьмем, а вы, мол, крестьяне, если будете осмеливаться самовольничать и распоряжаться нашими землями, то мы потребуем чеченцов вооруженных, то мы тогда вам покажем новые порядки. Так вот, товарищи, какие известия мы, стоявши на позиции, получаем из деревни от родных и жен, да еще к этому пишут, что и скотину на своих полях негде пасти, и скотина деревенская мрет на своих вспаханных полях, а помещики и этого не могут для деревни уступить, нет у них сожаления, — они еще все продолжают с деревенских крестьян кровь пить. Когда они

подавятся, эти толстопузые паразиты? Так вот, товарищи, нам, солдатам, прискорбно бывает тогда, когда получаем из дома такие вести, то мы, товарищи, обращаемся к вам по поводу таковых случаев и просим вас: сделайте вы какое-либо распоряжение по поводу таковых случаев и устраните эти недоразумения между крестьянами и помещиками. Почему нельзя было бы деревенским крестьянам взять у помещиков ту землю обработать и посеять на ней что-либо, если таковая осталась помещиками необработана. А также и пастбища для деревенской скотины; если же есть таковое, не занятое лугами и хлебом, и то только лишь по той арендной цене, какую приходится нашему государству получать налоговое взыскание, чтобы не было только государству убытков, но никак платить помещикам то, что они сами желают взять с деревенских крестьян. Затем, товарищи, на мое это маленькое сообщение прошу вас ответить, если это будет можно. С почтением к вам, верно оставшиеся служить перед родиной для защиты русской страны от погрома вражеского и для закрепления данной нам свободы, а вам, товарищи, за ваше правое дело честь и слава ото всех нас, трудящих[ся].

Солдаты из фронта передней линии. 747-го пех. Плож. полка, 1-й пулеметн. команды рядов. М. А л е ш.

№ 73.

Товарищи рабочие и товарищи солдаты, переживая такой тяжкий момент, как в первые числах июля, сознавая сильное потрясение страны, мы, солдаты, находящиеся на фронте в далеком краю, очень поздно узнаем истинную суть дела и поэтому очень часто попадаем в такую, как говорят, катавасию, что не в силах даже относиться спокойно к таким выходкам нашего начальства, которое, всецело пользуясь шумным моментом, хватает нас за глотку и зажать нам рот, чтобы никто не мог даже поделиться своим взглядом с това-

рицами, кругом окружающими себя, что и видно из нижеприведенного постановления, хотя оно и прикрыто товарищем Керенским, но что-то очень сомнительно. «Временным правительством издано следующие постановление: виновные в публичном призыве к неисполнению законных распоряжений власти заключаются, наказываются заключением в крепость на срок не свыше трех лет или заключением в тюрьме. Виновные в призыве во время войны офицеры и солдаты и прочие воинские чины к неисполнению действующих при военном демократическом строе армии законов и согласных с ними распоряжений военной власти наказываются, как за государственную измену. В согласии с сим постановлением приказываю арестовать всех лиц, ведущих агитацию словом и путем печати с призывом к насилию и свержению временного правительства, дезорганизация армии и анархия в стране, а также лиц, агитирующих против наступления и призывающих к неповиновению приказам начальства. Всех арестованных немедленно предавать суду. В Петрограде производится арест большевиков. Предлагаю немедленно прекратить в действующей армии издание газет «Правда», «Окопная Правда», «Солдатская Правда» и другие аналогичные. 526 подписал Керенский. Приказ этот принять к руководству и исполнению и немедленно прочесть и раз'яснить его во всех ротах, эскадронах, сотнях, батареях и командах. Эрдели. Именем временного правительства, именем Центрального Комитета Совета Рабочих и Солдатских и Крестьянских Депутатов мы требуем беспрекословного проведения этого приказа в жизнь. Комиссар армии ю.-з. фронта Савинков, помощник его Гобечиа, комиссар 11 армии Киремко, помощник его Чикатило. Тарнополь 8 июля № к 4256. Сообщаю к руководству и неуклонному исполнению телефонограмму Гл. Ком. юг.-зап. фронта: самовольный отход частей с позиции я считаю равносильным с изменой и предательством, поэтому категорически требую, чтобы все строевые начальники в таких случаях, не колебаясь применяли против

изменников огонь пулеметов и артиллерии; всю ответственность за жертвы принимаю на себя, бездействие и колебание со стороны начальников буду считать неисполнением их служебного долга и буду таковых немедленно отрешать от командования и предавать суду. Тарн. 8 июля 1917 № 3718 Корнилов. — Эрдели. Верно. Старш. ад'ютант штабс-капит. Шаколи».

Но, товарищи, хотя этот приказ и издан, но, переходя через Корнилова, если не ошибаюсь через того Корнилова, который 22 апреля на улицах Петрограда требовал выставить пушки для наших братьев — разве мы это можем забыть? Да никогда — еще здесь в приказе говорится о запрещении газет и агитации. Мы считаем недопустимым, потому что наши начальники всякое суждение поворачивают на агитацию, и за что мы всецело стоим, как за свободу, считая, что посягательство на свободу слова и печати есть контрреволюция, и мы все восстанем против такого постановления и не допустили никогда. Конечно, не очень хорошо, что нашего голоса мало слышно, но по нашему чувству и сознанию мы надеемся устоять против всяких таких посягательств. Еще говорится в посте об уходе частей из позиции, — мы не верим и не думаем, чтобы так было где-либо, что оставить без уважительных причин; мы прекрасно знаем, что если начальство где ошибается, то всегда оно всецело валит на солдат, — это у нас всегда было и теперь ведется. Если где и отошла часть, то мы уверяем, что не сдобра, и не верим, чтобы самовольно уйти, — все это клевета на солдат, как это было раньше на евреев-рабочих и теперь на пропаганду большевистского течения. Я говорил, что это всецело виною тактика того же командного состава, как насильственного душителя безответственной солдатской жизни. Они, постепенно урезывая права свободы такими приказами, только растравляют солдатское терпеливое сердце, но мы всецело чувствуем, что горе будет не то[лько] этому командному составу, но и всему народу; поэтому просим всех товарищей предотвратить эту

опасную диктатуру, вытекающую из командного состава, дабы не навести пагубу стране.

Еще в постановлении говорится об аресте большевиков,— мы тоже считаем травлей одних солдат на других, так как в армии всюду большевистское течение, кроме не понимающих сущности этого течения. Конечно, может, и ошибаемся, но считаем самым правильным для народа и, как мы — люди мало осведомленные, да к этому нам отовсюду плюют на это течение, как-то: газеты капиталистов и окружающие нас офицеры, то в нас поневоле появляется сомнение по нашим мало рассудительным умам. Я могу сказать одно: когда получили в нашу часть этот приказ, то произошло такое волнение между солдат и офицеров, что это не дай бог, несмотря на то, что после переворота как будто бы немного наладилось, и этим одним приказом спутало все, — то и думаю, что и в других частях то же самое может произойти, и что тогда будет хорошего? Да ничего. То нас и волнует, что такие приказы очень скоро появляются, а как такие, про который было напечатано в газете «Солдат-Гражданин», № 63, то тех совсем нет и еще по отношению замены тыловых частей тоже нет.

Действ. армия, 2-я рота 25-го инженерн. полка Фадеси к о в.

№ 74.

На с'езд.

Последний раз называем товарищей.

Мы думали, что с'езд *) принесет или хотя приблизит нам мир, а выходит другое: аресты анархистов и спор с большевиками об удалении анархистов с дачи Дурново, о существовании Государственной думы, почтение Родзянки **) и т. д.

---

*) См. примечание № 1 к этому письму.

**) Тоже—№ 2.

Помните, гг. министры и все главные руководители: мы партии плохо понимаем, только не далеко то будущее и прошлое, царь вас ссылал в Сибирь и садил в тюрьмы, а мы вас посадим на штыки.

То вы мелете языком, как мотает корова хвостом.

Нам не нужно красивых слов, а нам нужен мир.

Еще просим об'явить в газетах, на каких основаниях временное правительство издало каторжные законы без согласия народа *).

Действующая армия.

№ 75.

В Петроградский Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Господа граждане депутаты!

Газета «Киевская Мысль» пишет: «Латышская Газета» и «Окопная Правда» закрыты *). Теперь нам солдатам правды не читать, значит, буржуи что делают и распоряжаются, то солдат должен и делать. Кто сумел закрыть эти газеты, тот пусть закончит войну, до 20 августа 1917 г. Мы больше верить никому не будем и воевать не будем. Нам, что Керенский родной брат, то и австро-германцы тоже брат; нам закрыли волю и запретили митинги, мы больше не защитники, а особенно не будем слушать и исполнять никаких приказов...

Раненые солдаты с фронта.

Ожидайте кровавую борьбу с буржуями. Мы ждем момент. Будет на фронте жара, а в тылу еще...

Раненые и контуженные много страдали, довольно!

---

*) См. примечание № 1 к этому письму.

Письма с 1-го по 31-е августа 1917 г.

№ 76.

Из действующей армии.

Всероссийский Исполнительный Сол. Раб. Комитет.

Мы солдаты 00 дивиз. сделали постановление: так как последовал приказ смертная казнь, и вот теперь некоторых солдат в Риге расстреляли за измену государства, но теперь, как видимо, у нас есть главные преступники государства, начиная с Николая II и самих и его приспешников, министров, которые в Петропавловской крепости, и всю Государственную Думу надо разогнать, а то мы приедем со всем отрядом и побьем их. Почему закрыли газету «Правду» *).

И, видимо, за то закрыли, арестовали, что она писала справедливо. Буржуазия в окопы, и как они откупились от войны, за какие деньги их комиссия пропускала, за большие деньги, а мужичков из деревни, бедняков, забирали за этих буржуев. Теперь только надо скорый мир, и вот будет успокоение солдат, и отобрать от помещиков землю, передать всю крестьянам, и вот что только надо солдатам и скорый мир.

Да здравствует наш Керенский и Чернов! Держитесь за солдата, — вся сила в солдатах.

Автор письма Докоов 129-й Бессар.

№ 77.

Военный министр А. Ф. [Керенский].

Просим раз'яснить вас, почему у нас арестуют самых главных вождей, которые стараются для рабочего класса, наприм., Ленин, Зиновьев, Калантаева **), Мартов, и они будут предаваться к суду по-уголовному. Г. министр, почему Нико-

*) См. примечания.

**) См. примечания.

лай Кровавый не принадлежит к уголовному суду? Или он числится с капиталистами рука об руку, как в настоящее время разные. В свободной России, может быть, смертной казни нет, никогда не будет и не должно быть. Просим немедленно отпустить всех лиц, которые принадлежат к суду. Г. министр, вы были социалисты, но сейчас идете как капитал. Категорически заявляем, чтобы не было смертной казни, долой это министеров-капиталистов. Просим немедленно отпустить всех арестованных и уничтожить смертной казни.

Привет рабочим и солдатским депутатам и другим министрам.

Да здравствует вся власть Совета Рабочих и Солдат. Депут.! Просим публиковать в газетке голос солдата, заявил с фронта солдат неизвестной. Еще протестуем против и Г. Думы, чтобы не была.

№ 78.

Здравствуй, дорогой братец Гриша.

Посылаю вам свое нижайшее почтенье и с любовью низкий поклон и желаю вам всего наилучшего от господа бога. Уведомляю я вас, дорогой братец: я в настоящее время по милости бога жив и здоров. Сообщаю вам, братец: письмо я ваше получил 4 августа, за которое сердечно вас благодаря, что вы меня не забываете вдали от вас, спасибо вам, что вы пишете мне. Дорогой братец я могу тебе сказать, что наше настроение на фронте опасно. Но пока благодаря бога все тихо и ожидаем чего-то, но нам сильно надоели, мы все в одно [1]). Наше глубокое убежденье: надо взять власть над собою в свои руки, в организованные Советы С. Р. К. депутатов, ввести в стране настоящую демократическую республику. Потом сделать решительные предложения мира, опубликовать грабительские тайные договоры, заключенные Кровавым Николаем с английской французской буржуазией, — это у нас

[1]) Последнее слово зачеркнуто. О. Ч.

первое. Пишу об отечестве. Отечество в опасности, — кричат буржуи и компролируют *) те социалисты, которые им предались. Но почему те социалисты забывают слова Маркса: у рабочего нет отечества. Да, это правда; что нам дано и что нам дает наше отечество? Гибель нам и полное разоренье нашим семействам и больше нечего. Сделайте себе мысленно повер.: усадьба помещика, город закопченный трубами, каторга висельниц за границей, в Америки, в Англии и т. д. и все наше отечество. Отечество есть у генералов, помещиков и т. д., и нам надо отнять у них наше отечество, которое они от нас отняли благодаря царей. Потом сделать решительное предложение мира всем воюющим державам, и тогда пусть кто посмеет отвергнуть нашу протянутую братскую руку, а ежели нам тогда откажут в мире, то все буржуи и кадетские Михайловские корпуса пожалуйте в окопы и общими усилиями тогда поведем наступление.

Но как они хотят, сидя в Петрограде, за нашими шеями воевать и наступать. Нет, спасибо: чаша страданья наша переполнена.

№ 79.

Совету Рабочих и Солдатских депутатов.

Товарищи!

Мы к вам обращаемся с большой просьбой, ваши товарищи солдаты из окопов, в составе 160 человек. Просим вас свергнуть буржуазное временное правительство и взять всю власть в Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Вышеуказанное временное правительство мы не признаем и не будем признавать временное правительство нам полезным, потому что оно ведет Россию к полной разрухе, а не хорошему настроению на политических началах, временное правительство старается вести нас опять к монархии и к прежнему режиму.

---

*) Вероятно, аккомпанируют, т.-е. вторят.

И просим устранить Керенского: он — учинитель железной дисциплины, ему быть не правителем России, а его должность быть свинопасом. Мы не считаем Керенского умным и сознательным человеком, а признаем его хуже Николая II Кровавого: он хотел добиться скорейшего мира наступлением, а вышло наоборот. Он хотел не мира, а вздумал положить тысячи голов за интересы капитала и за бездонные карманы.

А нам бедному народу этого не надо.

Мы требуем удалить временное правительство и Керенского, они прокляты всеми страданиями людьми, и опять буржуазия во главе с Керенским заставляют страдать и погибать люд.

Временное правительство и Керенский изменники и губители свободы. С правительством, а также и с Керенским, надо бороться, и бороться не только словами, а можно и пулей убить да и бросить в овраг собакам на с'едение, а не станут есть, то пусть они, сволочи, гниют, как сдохлая львица, в глубоком овраге. За нашу пролитую кровь в наступлении и за контрреволюцию и по делам подобает проклятия. Долой кадетов, долой революционеров и эсеров! Да здравствуют товарищи большевики из партии социал-демократов! И шлем от всех товарищей из окопов наш большевистский привет и громкое ура, ура, ура.

Товарищи, нас угощают приказы Керенского наступлением, но мы положим все свои силы против наступления. Пущай нас Керенский стращает судом, расстрелом и расформированием полков, ведь нам это не страшно, а скорей устрашится Керенский, — нам недолго: пуля в лоб — и Керенского не будет. Пока не поздно, беги, беги, Керенский, с своего поста. Товарищи большевики, просим вас, присылайте на фронты товарищей делегатов и раз'ясните, как нам нужно поступать и защищать свои интересы. Товарищи большевики, извините, что нескладно написали, мы темны и малограмотны, и это зависит от Николая II.

Товарищи, поместите наше письмо в газете «Правде».

№ 80.

Товарищи солдаты и рабочие!

Мы все, солдаты позиционного района, просим вас, как своих товарищей: об'ясните нам, кто такой большевики и к какой они партии принадлежат, а то мы их не знаем и ихнего мнения. Наше временное правительство очень встает на большевиков. Но мы, позиционные солдаты, не находим в них вины ни какой. Мы раньше были против большевиков, но сейчас после такой долгой обещанности, как временное правительство обещалось на первых днях свободы дать бедному народу, а потом нет.

Мы всецело приходим мало-по-малу на сторону большевиков, но, а чтобы нам именно узнать большевиков, мы обращаемся к вам, товарищи, как своим советникам, об'ясните все это нам. Чтобы об'яснить нам, то мы просим пришлите к нам своих делегатов или об'ясните в газете С. Р. и С. К. Депутатов.

С почтением к вам все позиционные солдаты.

Действующая армия 9 августа 1917 г.

Солдат Серебряков.

№ 81.

В Совет Рабочих и Солдатских Депутатов в Петрограде.

Нас, солдат, посылают на позицию и в бой со всевозможными увещеваниями, что вам то будет, что вам все будет по окончании войны, между тем как видно на деле все это — сущая ложь, так как, находясь в отпуску на родине, в Волынской губ., Житомирского уезда, Левковской волости, с. Писки, я убедился, что все это может получить только тот, кто сейчас сидит дома и покупает за деньги, а именно: в мае месяце сего года была совершена купчая на продажу земли, принадлежащей беглецу попу — земледельцу с. Писок, Павленко—состоятельным крестьянам того же села около 60 дес.

земли по 500 руб. десят., а в настоящее время там же тот же поп снова продает одному состоятельному крестьянину с. Писок. Нам солдатам, страдающим уже четвертый год, это явление очень обидно; нам, конечно, только обещают, а наши семьи дома пропадают без куска хлеба, а живущие дома богачи покупают, а нам купить невозможно, потому—что было у нас, то за три года войны все растрачено, а хозяйство пришло в расстройство, а сами, находясь в действующей армии, тоже обездолены всеми, а потому, как из всего видно, что, кто остался дома и имеет, тот еще приобретает, а кто не имеет — и по возвращении с войны пойдет опять в батраки к тому богатому, который сейчас наживается. Просим обратить на это внимание и воспретить продажу земли *), а иначе у нас никакого желания нет больше напрасно страдать за кого-то. Солдаты, находящиеся в отпуску, и все видящие это пропагандируют в войсках о том, что все то, что нам говорят, этому не правда.

Один из солдат, но я не подписываюсь, из-за то[го], что узнавшие враги мои меня и мое семейство могут погубить, но это сущая правда.

№ 82.

Председателю Исполнительного Комитета Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Товарищ председатель.

Препровождая вам пуришкевичинский **) провокационный листок «без забрала», просим ходатайствовать перед военным министром о прекращении распространения подобных вещей в действующей армии, так как мы находим возбуждение солдат против части демократии крайне вредным для дела революции, и к тому государство наше не настолько богато бумагой, чтобы можно было допустить распростра-

*) См. примечания.

**) См. примечания.

нение провокационных листков черной сотни в миллионах экземплярах.

Действующая армия, 24 августа 1917 г.

Солдаты 2-й батареи 65-го отдельного полевого тяжелого артиллерийского дивизиона: П. Носков, Потилов, Т. Маклецов, Табаков, Гаврилюк, Мишкин, Хромилкин, Вавилин, Панчер, Живец, Шурупов, Недоступ, Лаута, Пойков, Качаловский, Толкачев, Быков, Чернышев, Беруин, Зайцев, Счастливцев, Добычин, Куделин, Левдиков, П. Хортеонов, Емельянов, Макушин, Симаков, Барабанов.

№ 83.

Многуважаемые товарищи!

Нахожусь я в настоящее время в окопах и от скуки решился написать вам свои мнения относительно переживаемого нами времени. Сменился я с наблюдателей уже с полчаса, а в секреты итти, как стемнеет; темнеет еще часа через три. Но до каких же пор мы будем сидеть в этих окопах, выставлять караулы, секреты и т. п.? Когда же, наконец, всему этому положен будет конец? Неужели с каждым днем, неделею, месяцем, проведенным войною России есть какой-нибудь барыш; неужели германцам, австрийцам и туркам не надоело еще с нами воевать? Я думаю, что они — люди такие ж, как и мы, да и средств у них не больше, как у нас; война, по моему мнению, не кончается еще потому, что мало еще набиты карманы у тех людей, которые сидят далеко от войны и только пользуются ею; взять, например, хоть наших прямых начальников, начиная с командира полка и кончая главнокомандующим. Да разве им надоела война, когда они ее и не видят и не слышат, а только получают большую сумму денег, едят, пьют хорошо, помещаются в чистых уютных квартирах,

спят в перинах, домой денег тоже посылают немало; но этого им еще недостаточно: есть такие, как у нас, например, батальонный ком. подпол. Соловьев, или шт.-кап. Малафиев, что это еще не начальники, а только начальнички, и то говорили: эх, кончайся скорее, война, подполковника-то успею заслужить, а полковника не успею. Вот дожидайся, пока она кончится. А высшее командование — терпит ли оно от войны какое-нибудь горе или тяжести? Да им хоть еще 5 лет воюй, то им только нажива, а не горе от войны. Посидеть бы всем этим генералам, сформировать бы с них хоть роту да и поставить их на нашем участке, где мы сейчас стоим, да и постояли бы они, как наша 51-я дивизия стоит, без смены, — я думаю сейчас бы начались переговоры о мире, а то и понятия не знают, как живется солдату в окопах. Они ни одного раза не ночевали в окопах в хорошую летнюю пору, а во время дождя осенью или зимою если бы они спробовали, — а мы терпим уже четвертый год. Да когда ж будет этому конец? Я не из дезертиров и не из большевиков, а из сознательных честных солдат, призывался я в 15 году, в мае месяце, три недели обучался в запасном батальоне, а потом приехали мы на позицию под Волковыск; там был на германском фронте до июля мес. 16 года, а потом нас перевезли в Румынию, где пришлось ее всю ногами смерять, и до сих пор мы находимся в этой Румынии, дожидаясь конца войны,—пора бы, по моему мнению, ее кончать. Я солдат неразвитой, может быть, я в этом и ошибаюсь, но мои мнения таковы.

Солдат действующей армии 243-го Холмог. полка Ф. Кочерин.

№ 84.

Исполн. Ком. С. и Раб. Депутатов. Г. Петроград.

Товарищи!

Чего мы ожидаем?.. Не то, что каждый день месяца, а каждый день ведет Россию к гибели. Николая уже нет, следовательно, мы вольные граждане, но свобода наша взята в

десять раз сильнейшим врагом, чем Николай. Николай думал о себе, о дворянах, отчасти и о крестьянах, Алиса [1]) о немцах, но нынешне правительство — только о себе. Вспомните, товарищи, из кого оно собрано, и кто его собрал и чьи они представители были в Думе. Правда, были отдельные личности, которые первое время стояли за интерес народа, и они приобрели сильное доверие всего народа; враги же народа воспользовались этим и перетянули их на свою сторону; последние же в силу необходимости это сделали, так как ничтожное число, и им угрожали смертию. Теперь, прикрывшись маской защитников революции, продолжают воевать до победоносного конца. Знайте, товарищи, что при этом правительстве побед над внешним врагом ожидать нельзя, так как больше половины солдат не уверены в правительстве, так как это правительство затеяло войну ради своих интересов и желает ее продолжать хотя и десять лет, лишь бы народ за ним шел. Помните, товарищи, что не очень далеко и с своем жалованье вы уедете. Сейчас в некоторых местностях до 15 руб. пуд., но что будет до пасхи? А также и с нашими семействами. Что дала Дума за эти десять лет? Одну войну. Вам самим хорошо известно, почему не захотели опубликовать договоров с союзниками, а о мире заговаривают с социалистами всех стран. Это очень хорошо бы было, если бы во всех странах социалисты имели право, как сейчас у нас.

Мне кажется, что вернее было бы заговорить с правительствами враждебных нам стран, так как и они не меньше жаждут мира. Нам мир какой бы он ни был в настоящее время. Лучше всего помнить то, что хомута на нас не наденут, а если мы сохраним у себя свободу, то при свободе нам долги ничего значить не будут, с нашими богатствами, которыми обладает Россия, все можно покорить [покрыть?]. Неужели у нас не найдется сил, чтобы опрокинуть и разогнать Думу, которая сосет кровь сколько время с бедного народа,

---

[1]) Александра Федоровна, жена Николая Романова.

и собрать из своей среды достойных людей, которые защищали бы интересы всего народа? Вы видите, как им не хотится собирать учредительное собрания: все оттягивают. А они думают сохранить правление Россией за собой, и не мудрено. Если еще продлится война до пасхи, то кто останется жив, не убьют и не умрет с голоду, то не очень рад будет не только ста десятинам земли, но и одной, во-первых, что ее нечем будет обработать, а во-вторых, ее отнимать надо будет [1]).

Но междуусобная война неизбежна. Войска говорят, что не отдадут оружия до тех пор, пока не расправятся с внутренними врагами.

Итак, товарищи, поскорее, пока есть время, каждый час дорог.

У.-о. 75 п. Севастоп. полка Димитрий Ярошенко.

№ 85.

В Исполнительный комитет Рабочих и Солдатских Депутатов в Петрограде, от товарищей с фронта.

Прошение.

Товарищи, вы нас забыли, что мы есть в окопах, ваши братья, отцы и сыновья. Мы испытываем последние происходящие ужасы войны, и не видите, какие происходят ужасы в России по случаю голода и дороговизны на все. До чего же дальше доведете, если вы не примете самых решительных и крайних мер к скорейшему заключению мира? И теперь настала самая крайняя пора, и есть выработанный в Берне *), как и вам известно, план на самых выгодных условиях для всех держав. Товарищи, вы забыли о нас и думать, вам там живется хорошо и сыты, а что происходит с голодом раздирание душ наших жен и детей. Я пишу вам и вообще все мы, товарищи, и просим убедительно, что если не состоится мир

[1]) Автор вероятно, подразумевает, что отнимать землю надо будет у помещиков.

*) См. примечания.

на чем бы то ни стало к осени, мне наверное кажется, что все уйдут домой с оружием в руках, ибо провокаторство работало, еще усиленней работает, чтобы открыть фронт, и к зиме все будут согласны, так как малодушные уже давно согласны да и крепким надоело. Есть пять раз ранен, иные в орденах. Ему тоже видеть, какое течение жизни будет после войны свободной России, наболела у всех болячка поголовно, кроме тех, кому живется хорошо и кто мечтает о старом режиме.

№ 86.

Г-ну председателю Думы В. Правит.

Г-да граждане. Прошу выслушать мою речь в том, что мы подлинные воины, как все казаки, солдаты и флотилия; докуда мы будем воевать и терпеть, голод и холод нашим женам, так и родителям на Амуре так, что скоро есть нечего. Дома остаются на каждый день хлеба 2 ф., и работников на семью старый да малый, а в настоящее время в России тоже забастовки не из-за нужды денег, а из-за голодовки; у нас тоже нонче год неурожайный. Потому — повсеместно родился пополам с травой, как по Манджурии не знаю, а в Амур. и Прим. обл. плохой урожай весь, кроме овса, из 30 десятин 15, 16, а если провоюем еще с год, то, пожалуй, не только чушек, не будет даже и коров, кони. Газета говорит, так у нас в Благовещенске, что России дала заем Америка Сев. Соед. Штатов 275 миллионов, и конца мира не заключать до тех пор, покуда все деньги не провоюют. Но сейчас Россия еще пока жива, потому она в руках союзников и надеется впредь победить врага и одолеть силою какую хитру чвань. Пока всему нашему войску доблестное христолюбивое ура *).

Социал-революционер, казак 2-й запасной сотни. А. К. В. Астафьев, Мануил.

1917 г. 7 с нт.

---

*) См. примечания.

№ 87.

Письмо от солдата 17-го пех. зап. пол., Виленской губ., Д. уезда, Владимира Лавриновича.

Товарищи, извещаю вам в том, что много помещики и капиталисты посылают вам известия, что граждане от них разграбили без никакого разрешения. Товарищи, это все неправильно, это все пишут ложно; товарищи, мы от помещиков разобрали сенокосы по разрешениям из волостного комитета, но не все, много им оставили. Товарищи, у помещиков очень много есть земли, но она сейчас у них вся стоит не засеяна; из комитета разрешения нет, чтобы граждане засеяли. Товарищи, у нас сейчас хлеба мало, где есть, то платят 10 руб. пуд черного хлеба; у помещиков вся земля в руках стоит не засеяна. Товарищи, а чем будем дальше жить на будущий год, если земли стоят не засеяны. Армии в год нужно 20 миллионов пудов хлеба, а сейчас-то всего 6 или совсем 4 пуда. Товарищи, войну нужно продолжать — многие говорят, а с чем мы будем продолжать, если хлеба мало. Товарищи, нужно какое распоряжение, чтобы земля вся была засеяна. Товарищи, много у нас есть, что держат за старый режим; что с ними делать, — мы не знаем. Просим вас известить, товарищи, у нас слышно, что Рига забрана, газеты многие получают, а некоторые солдаты приезжают из Риги, то говорят, что совершенно неправильно: не забрана. Товарищи, все, что пишут помещики, неправильно: их никто не трогает, не пустошат ни сада, ни леса и ни двора, ничего. Просим вас известить, что, как делать, что делать с помещиками, что землю не засевают. Товарищи, мой адрес: Виленской губернии, Дисненского уезда, почтовое отделение Иоды, дер. Волковщина, Владимир Лавринович. Прошу дать ответ, тогда буду писать подробно.

В. Лавринович-Антонов.

1917 года.

№ 88.

1917 г. IX 11 дня.

Просим передать вр. пр.

Мы, солдаты, искалеченные за время войны рукам и ногам, не имеющим полной физической силы, стоящие на фронте 4-й под под натиском противника, стойко боролись из-под палки за интересы капиталистов. Вот, наконец, был услышан и наш голос пролетариата в окопах 29 февраля. Как было радостно и весело, что теперь скорей пойдет конец войны и скорей узнаем, за что воюем, и что нам надо и скорей достигнуть всеобщего мира. Прошло со дня революции 6 месяцев, а мы результата никакого не получили, т.-е. не добились конца войны. Мы все видим и знаем, за кого нас считали при старом режиме; оказывается, и сейчас гонят и держат солдат и предпочитают хуже скотины. Это благодаря все нашему коалиционному правительству, которое нисколько не изменило войну, а по тем же планам, грабительским целям царя Николашки ведет войну. Мы, солдаты, считаясь со всеми пролетариями, сидящими в окопах, что ждали, ждали мы столь желанного всем мира и дождаться, наконец, не можем. Ни у кого нехватает больше силы воздержаться и хочет написать вам в письме, но если к октябрю, окончательно к ноябрю не будет заключен мир, тогда все социалистические партии и именно вр. правит. и Совет, — вы уже не считайте, что у вас есть упор на армию, потому что мы не в силах будем защищать нашу революцию, и мы будем вынуждены сделать натиск с пр. [1]) террор на весь командный состав, именно на генералов, которые возбуждают контр-революцию, и будет суд у нас повторяться после вашего, так как мы не находим его справедливым. Как, например, ведете суд Сухомлинова *), или будет Корнилова **), раз они нашли

---

[1]) Так в оригинале. *Ред.*

*) См. примечания.

**) См. примечания.

нужным ввести для нас смертную казнь, должны они первые, все Сухомлиновы, Корниловы, Калегины [1]), подвергнуться казни, полевому суду. Так же и всем будет остальным, называющих себя социалистами и состоят во главе власти, а пользы для нас ничего не произвели, а нас же по старым следам Николая II заставляете принести мир на штыках к Берлину. Этого чтобы у вас не было больше, а бросьте все грабительские цели, а дайте нам к октябрю, окончательно к ноябрю общий... мир.

№ 89.

1917 г. 11 с нтября.

Пущено письмо из действующей армии.

Дорогие товарищи, солдаты и граждане!

Мы вам доверяем, как своему родному брату, стоим за вас и защищаем вас. Вы вот пишете, дорогие товарищи, в газетах про Сухомлинова и про Корнилова, что какие-то там свидетели их оправдывают, как вы, дорогие товарищи, долго их судите. Сухомлинова уже, кажись, 6 месяцев судите, также и Корнилова, и видать, что они виноваты, и дальше их некуда винить: они нас предавали, кровь нашу проливали, вы им делайте такой суд в 24 часа, как они нам делали при старом режиме. А вы, дорогие товарищи, их еще допускаете судиться. Им суд: отрубил голову — и нехай их черви едят, — хватит такой сволочи! А вы и с ими путляетесь! Не путляйтесь, дорогие товарищи. Кто вас там избавит, кого вы верите, дорогие товарищи?

Вы их расстреляйте, больше нечего с ими делать. Кабы наш брат так сделал, давно б нашли дырку, а то кто-то за его заступается.

---

[1]) Вероятно, Каледины.

№ 90.

Привет вам, товарищи!

Товарищи, обратите внимание на мое письменное сообщение. В Курской губернии, Тимском уезде, Погоженской волости, в селе Больших Бутырках, есть один помещик-буржуй, имя его Петр Александрович Букряев, какими-то правами он пользовается. Держит при себе брата моего, который не был еще в действующей армии, и он нафаляется [1]): что и не буду, и говорит, что скоро возьмем вас и временное правительство в работу. Товарищи, обратите внимание и примите меры; имя его Иван Абалонков. Еще есть в том же селе Афанасий Федотович Злобин, палечник, который 15 году при моем присутствии отбил себе палец на правой руке. Еще есть несколько уклоняются от военного положения: 1. Иван Коршаков. 2. Андрей Скворцов. 3. Симеон Скворцов. 4. Сергей Козлов. Товарищи, обратите внимание. Привет вам, товарищи, я сам с полка Заамурского, Пограничного пехотного полка непобедимого.

1 сентября.

№ 91.

Г. Петроград. В Совет Рабочих и Солдатских Д-тов.

Г. граждане, мы, страдальцы в окопах три года, обращаемся к вам с покорнейшей просьбой, как до своего правящего органа. Настаивайте на временное правительство заключать мир. Потому что вам уже известно, что война усем надоела. А нам, страдальцам три зимы в окопах, тем более надоела, и если наша просьба не будет удовлетворена, то сейчас фронт открывают полками да дивизиями, ну, зимою откроем увесь фронт. Мы, страдальцы три года на фронте, знаемо, что и на нашу долю выпало несчастье. Ну, войну нам навязал Николай II и Гришка Распутин и другие министры, а сейчас навя-

[1]) Очевидно: похваляется. *Ред.*

зуют буржуи, которым война полезна. Ну, народ увесь войны не хочет, и обращаемся к вам с покорнейшей просьбой заключить мир [в] самом непродолжительном времени, чтобы вас в тяжелую минуту не поставить в тупик, как Николая II.

Солдат, сидевший в окопах три года, не три дня,

Колинаров.

Прошу прочитать на собрании, т.-е. на заседании, вам уже все факты показанные, что народ не хочет воевать.

№ 92.

Петроградскому Исполнительному Комитету с просьбою.

Мы, солдаты 2-й Заамурской дивизии 6-го Заамурского полка обращаемся с просьбою к вашему Исполнительному Комитету. Мы просим и требуем скорейшего мира: довольно крови. Вот уже четыре кошмарных года, как страдаем в сырых окопах. Льются потоки крови. Довольно крови! Долой войну, да здравствует мир, да здравствует Совет, Совет Солдатских, Рабочих Депутатов! Еще раз требуем скорейшего мира. Довольно носить тайные договоры подмышками. Но если это требование наше останется без последствия, то мы дальше терпеть не можем, довольно нас обманывать и продавать. Если наши требования в скорости не будут приняты, то мы, часть доблестных войск, оборачиваем свои острые штыки и идем на тово, кто желает вести войну до победного конца.

Товарищи, об'единяйтесь и хлопочите как ни можно скорейшего мира, чтобы у нас не получилось что другое.

Фронт весь ждет с нетерпением миру, и он точит свои мечи и пойдет часть на того, кто желает продолжать войну, а терпеть больше мы не можем.

Солдаты 2-й дивизии 6-го Заамурского полка, 1917 года 12 сентября.

№ 93.

Товарищи, несколько слов!

Товарищи, наше новое правительство предписывает деревне производить выборы в волостное земство *) и подготовиться к выборам в учредительное собрание.

Товарищи, обратите ваше внимание на деревню! Кого деревня может выбрать в волостное земство, если в деревне остались одни женщины да малолетние дети, а еще те буржуи, которые избегали военной службы.

Товарищи, вот на этих буржуях основывает свои выборы. Товарищи, разве эти буржуи могут спасти нашу молодую революцию, когда они стараются погубить нашу революцию, а с нею и всю Россию.

Товарищи, если вы желаете спасти нашу свободу, а с нею же и всю Россию, то распустите солдат хотя до 35-летнего возраста, — тогда можно будет сохранить нашу свободу и спасти Россию от гибели! Эти солдаты будут бороться с деревенскими буржуями, чтобы их не допускать ни в волостное земство ни в учредительное собрание...

Товарищи, только этим путем роспуска старых солдат вы можете спасти Россию.

Товарищи, деревня расстроилась, деревню забрали в свои руки буржуазия; бороться с буржуазией некому, без народу деревня слабеет. Если вы, товарищи, не обратите внимания на деревню, не распустите солдат до 35-летнего возраста, то все пропадает, буржуазия всех побьет в деревне. Товарищи, я пробыл в деревне 2 месяца и все это рассмотрел.

Солдат 116-го Новояр. полка Ефим Козырев.

№ 94.

В Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

Просим усердно добиться того, чтобы все сделки с землею, сделанные после 1 сего марта считались

*) См. примечания.

недействительными *). Если нельзя теперь же, то обязательно на учредительном собрании.

А чтобы знать, что заказное это письмо Советом получено, то в «хронике» «Современного» или «Русского Слова» поместите, что подобная просьба получена.

№ 95.

Товарищи солдатских и рабочих депутатов, так как мы слышим на позиции, что хочет Корнилов установить старый строй. Если до этого вы допустите, то просим не обижаться, потому что позиция будет оставлена всей русской армией и пойдет контреволюция не то, что в России, а и [на] позиции. Кончай войну, пропала Россия, а если воротят старый строй, то солдатам все равно, что в Германии, что и в России. Подаем голос из окопов: давай мир!

Писал Иван Петрович Малинов 135-го Керченского полка.

№ 96.

1917 г. 16 сентября.

Пишет товарищ солдат 45-го саперного баталиона, 3-я рота, Тимофей Истомин, отпущенный по болезни на 3 месяца.

Товарищи солдаты, возьмите во внимание, что у нас проживает старое начальство, земский начальник **), — приходил слушать разбор дела его на суде.

Товарищи солдаты, судит по старому закону, прошу убрать его в действующую армию.

Адрес земского начальника: проживает г. Красноуфимск, Пермской губернии, 720 участка.

---

*) См. примечания.

**) См. примечания.

Мой адрес: г. Красноуфимск, Пермской губернии, Потащенской волости, село Тюлыгаша.

Товарищи солдаты, приходилось быть мне на разборе дела с ним, как судить наших отцов.

Товарищи, уберите, пожалуйста, что [бы] не было у нас земских начальников.

Место ему на позиции судить.

№ 97.

Здравствуйте дорожайшие наши товарищи.

Это письмо с 3-й стр. россииск. дивизии, 9-го полка, пулеметной команды.

Товарищи!

Неужели вы еще думаете зиму воевать, товарищи?.. Нам уже нечем чая вскипятить, мы уже неводки, мы уже больше терпеть не можем, мы 3-й дивизии уже совсем обессилили. Товарищи солдаты и крестьяне, довольно нам уже всемирную кровь проливать. Товарищи, мы, солдаты с большой просьбой к вам: делайте нам какой-нибудь мир. Мы же просим вас, что нам уже больше нельзя переносить голод и холод, мы уже совсем от румынской мамалыги пропадаем. Товарищи солдаты и крестьяне, мы больше не в силах переносить эту проклятую бойню. Просим вас, товарищи, чтобы до зимы вы заключили мир, а если до зимы миру не будет, то все равно все мы разойдемся по домам: мы уже больше терпеть не можем. Товарищи, вспомните, кто с вас был зиму в сырых окопах. Какая там жизнь, вам всем хорошо известно. Больше писать нечего, вы сами все хорошо знаете, что солдаты все только до октября сидят на фронте.

1917 года 16 сентября.

Ответ посылайте в 9-й стр. Ростовск. полк, пулеметную команду.

№ 98 [1]).

Имя и фамилия: В. П. Сусликов.
Полк: 20-го полка.
Г. Гюстгов в-Мекленбурге, Германия.

Здравствуйте, добродетели наши. Мы видим из газет ваше трудное положение, и мы очень рады, что вы уничтожили царизм, и дай бог вам утвердиться твердо. Еще просим: старайтесь на заключение мира. Долой войну и долой то правительство, которое желает войну! Да здравствует новая Россия!

№ 99.

Центр. Исп. Комитет.

Прошу тов. председателя ЦИК-та прочесть это письмо на демократическом совещании.

Товарищи!

Вы собрались на Демократическое Совещание *), все социалисты разных партий, и вот уже несколько дней у вас идут прения. Следовательно, кому нужно передать власть и какой нужен предпарламент — коалиционный или демократический. Мы, солдаты, сидим в окопах вот уже четвертый год этой ужасной нечеловеческой бойни под гул орудий и шипенье снарядов, ждем от вас счастливого будущего. Следовательно, что вот-вот начнутся мирные переговоры, и обрадуете этим весь русский народ. Но вместо этого вы собираетесь на всевозможные совещания и собрания и ведете свою партийную борьбу: одна партия пригоняет препинанья на другую, и к тому же все предпринимаете, как создать боеспособную армию и вести дисциплину.

---

[1]) Письмо русского солдата, находящегося в плену в Германии.
*) См. примечания.

Товарищи!

Я рядовой солдат, просидевший в окопах 18 месяцев, испытавший то, чего в аду ни один грешник не испытывает, и много тт. солдат, которые страдают здесь в окопах 4 года, и уже из них земля взяла все силы и соки человечества. А вы там сидите, отроду не слыхавшие разрывы снарядов, но только чтобы просидеть в окопах 4 года, и совсем забыли нас, страдающих за всех, и спорите там от нечего делать. Поэтому я скажу вам сущую правду, не затушевывая ее, а как она есть в натуральном виде, что армия в настоящий момент ни к чему не способна и быть способной не может. Потому что ее до этого довели ее повелители и начальники, которые ее продавали целиком, и их за это оправдали, а бедных защитников солдат, жертвующих собой ради спасения страны и революции предают смертной казни за то, что он с голодухи порыл без разрешенья картошки. Поэтому армия ни в кого и ни во что верить не может и убедить ее в это никто не в силах, и каждый день продолжение войны она проклинает и того, кто это затягивает. Она ждет мира, какой бы он ни был, ибо каждый солдат понимает, что продолжением войны мы больше того не завоюем, что имеем сейчас, а почему — вы это должны знать еще лучше нашего. Вот наше желание: замиритесь скорей и не доводите нас до того, чтобы мы вас заставили это сделать. Армия может быть боеспособной, когда она лет 20 будет воспитана свободой и когда погибнут ее предатели и совсем переведутся помощники б. ц. Николая II и те, кто хочет власти.

Ряд. солдат Д. Ар...

№ 100.

Мы, солдаты, 2-й батареи 38-го мортирного артиллер. дивизиона, в числе 30 человек, приветствуем Петроградский и Московский Советы Раб. Солд. и Кр. Депутатов за принятую

ими резолюцию 6—9, чтобы вся власть перешла в руки солд. и кр. и рабочих депутатов *).

А также чувствительно благодарим товарищей, истинных социалистов большевиков и интернационалистов, ибо вы одни со всех политических партий остались верными долгу народа и стоите на-страже свободы.

А все остальные партии — изменники, так как позиции все сдали буржуазии. Приветствуем от имени своего вожаков народа, товарища Ленина, Зиновьева, Троцкого и других. Да здравствуют истинные друзья и борцы народа! За вами пойдет беднейший пролетариат. Долой капитализм и всех жрецов!

Приветствие передал А. Савенко.

Д. армия 18-го сентября 1917 года.

---

*) См. примечания.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ И СОЧУВСТВЕННЫЕ ОТКЛИКИ НА НЕГО НА ФРОНТЕ, ОРГАНИЗУЮЩЕЕ И РУКОВОДЯЩЕЕ ВЛИЯНИЕ СОЛДАТ НА ДЕРЕВНЮ ПРИ ОКОНЧАТЕЛЬНОМ ПЕРЕХОДЕ ЗЕМЛИ В РУКИ КРЕСТЬЯНСТВА.

(Октябрь — декабрь).

Писем, имеющих отношение к данному периоду, сохранилось немного. Это вполне понятно: было не до писем в то время, когда судьбы революции решались не пером, а штыком. Однако и это небольшое количество писем представляет определенный интерес. Всего нами приводится 14 писем; 5 из них относится к дооктябрьским дням; 9 — к послеоктябрьскому периоду.

Письма дооктябрьского периода характеризуют те же моменты в настроении солдат, которые были отмечены нами и в предшествующем периоде, особенно в конце его, в сентябре месяце. Солдат настойчиво и властно требует мира и земли.

«Тому, который, исстрадавши [сь] сидит в окопах 3 года 4-й, только сулят свободу, земли и равенство... не сулить, а надо дать свободу и землю и равенство...» — пишет солдат в начале октября месяца.

Потоки отчаяния и безнадежности начинают звучать в письмах. Так или иначе, но солдат видит, что все его надежды

на революцию оказываются тщетными. Война унесла здоровье и силы и разорила хозяйство. Те, кто был богат и силен, разбогатели еще больше от войны. Приходит он домой, — дома нищета, голод и прежнее бесправие и приниженность перед богатеем. Вот что, например, писал 4 октября солдат Миронков, получивший отпуск для поправления здоровья:

«Деревня раздвоилась на деревенских буржуев и голытьбу. Все те, кто имеет побольше земли да какими-нибудь секретными ст. ст. увернулся от войны, в полном смысле слова богач. Те же, кому пришлось испить горькую чашу этой войны, оставивши семейство в ведении самого бога, оказались в кабале деревенских буржуев.

...Нести тяжелый физический труд я по своей слабости здоровья не могу, да и работы нет».

И с горечью говорит и спрашивает солдат:

«Представьте себе на минуту положение человека, потерявшего здоровье на войне за освобождение оставшихся дома эксплоататоров, эксплоатирующих его же семейство, и в результате вынужденного, низко поклонившись, просить себе пропитание. Каково-то на сердце?» (п. № 116).

Те же «буржуи» заправляют и всеми местными делами. Где же выход? — спрашивает солдат, приводя все эти факты.

И выход, конечно, намечался сам собою, выход, уже указанный большевистской партией, — передача всей власти Советам.

И фронт решительно требует этого.

«Мы требуем передачи всей государственной власти Петропр. Совету Рабочих и Солдатских Депутатов», — так от имени солдат румынского фронта писал 19 октября Совету Республики солдат И. Сидоров (п. № 118).

Рост большевистских настроений на фронте находит свое отражение и в росте большевистских организаций. Нами приводится одно из писем, относящееся к румынскому

фронту. Из этого письма мы видим, что корпусная ячейка одного из корпусов 4-й армии насчитывала в октябре месяце около 400 членов. Работа проводилась исключительно силами солдат.

Словом, и в отношении настроения и в отношении обеспечения массы большевистским руководством фронт был уже готов к принятию боя за власть Советов.

Естественно, что самый октябрьский переворот и первые декреты о мире и земле были приняты фронтом с величайшим восторгом.

В одном из писем солдаты пишут вскоре после переворота (18 ноября).

«На фронте ваше приказание, т.-е. решительные шаги к миру, исполняются с восторгом, и всецело доверяют большевикам, во главе тт. Ленина, Троцкого, Зиновьева, Колонтай, Крыленко и проч. и проч., и надеются что эти вожди русской революции только они могут спасти измученную Россию и довести до учред. собр. и дать народу долгожданное и обещанное» (п. № 120).

В отношении подавления всех врагов революции солдат тверд и беспощаден.

Он требует быстрого и окончательного разрешения вопроса об участи Николая Романова и его «проклятой солдатами» свиты, он требует решительных мер в отношении эсеров, засевших в Совете Крестьянских Депутатов.

«Нельзя ли сейчас же Совет Крестьянских Депутатов пропустить сквозь решето?» — спрашивает он (п. № 120).

Все прочие меры и распоряжения Советской власти солдат принимает с готовностью и с живейшим одобрением.

В письме т. Ленину он пишет так:

«Товарищ Ленин, мне попала случайно газета «Солдатская Правда», № 73, и в этой газете помещен проект декларации тт. солдатам на фронте, и нас это очень обрадовало, такая декларация. Только ее проводите поскорее в жизнь и сообщите нам...

Здесь сказано о продовольствии, о потайных складах, о реквизиции теплых вещей от богачей, — все это нам на руку солдатам» (п. № 123). Только об одном просит он: «Все свои меры употребите на заключение скорейшего мира». Всяким слухам о том, что большевики тоже будут вести «войну до победы он верит, однако категорически заявляет о том, что в таком случае солдаты побегут в тыл, т.-е., как выразился в свое время т. Ленин, «проголосуют ногами»...

Поскольку солдат получил некоторую уверенность в скором заключении мира, он свой взор обращает в тыл, деревню...

Оттуда, из деревни он бомбардирует Совет просьбами выслать ему «инструкцию насчет земельного распоряжения», чтобы он, солдат, «мог руководить этими всеми делами». Он весь пропитан сочувствием «к своей партии большевиков», он весь полон желания «внушить» понимание ее программы остальному крестьянству.

Так крестьянин-солдат в течение нескольких месяцев революции превращается из темного забитого существа в мощную фигуру строителя нового государства.

№ 101.

Товарищи солдатские и рабочие депутаты, хлопочите скорее мир, потому что остается последнее терпенье солдат, потому что уже четвертый год войны, человек выходит из терпенья, измучен, истерзан холодом и вдобавок из дома пишут, что помирают не евши, так что разговор солдат решился на одном: что бы ни стало, но зиму на позиции не стоять. Кончайте войну скорее и скорее.

№ 102.

Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

Письмо это с фронта. Усердно мы просим вас, пожалуйста, как можно старайтесь скорей заключить мир во что бы то

ни стало. А заключайте мир скорей, тогда мы можем спасти свою революцию. Если не заключите мира в этом текущем году, тогда на фронт не пеняйте. Сейчас солдаты все ждут мира, как птичка лета. Сообщаю вам, что солдаты никак не хотят сидеть еще зиму в окопах. Одно кричат: дай мир, иначе бросаем фронт и идем в Россию колоть буржуазию, которая хочет воевать до победного конца. Дай мир, дай мир! Иначе ничего не надо нам. Отцы и дети мрут с голоду, давайте скорей мир, а то уходим с фронта.

Сентября 19 сего года.

№ 103.

Мы солдаты румынского фронта, приветствуем Н. Ленина и Зиновьева и рады, что они явились в Петроград в такое тяжелое для России время.

Просим вас, товарищи Ленин и Зиновьев, кладите свои последние силы за мир, а если погибнет жизнь ваша от палачей, то память ваша, как Иисуса Христа, не погибнет никогда. Просим ваши газетки «Правду», «Солдатскую Правду», а то у нас все разбойницкие газеты посылают о боеспособности армии да о смертной казни.

Далее в письме приводится копия германской прокламации: «Товарищи русские солдаты. Мы вам протягиваем братскую руку. И предлагаем вам из двух одно: покончить эту братоубийственную бойню, или воевать без конца.

Вы своим наступлением нанесли нам большие потери в людях».

259-й Ольгопольский полк. Семен Краснов.

19. IX. 17 г.

№ 104.

Товарищи! Как ужасно было слушать всю клевету, напускаемую на нас, страдальцев безответных. Жутко было на

душе, когда возьмешь газету и везде встречаешь: армия бегит, армия дезорганизована. Находясь три года на позиции, не выбывая из окопов, я негодовал как ко всем организациям, так и ко всем гражданам земли русской; я писал и кричал: образумьтесь, граждане! Ведь нас продают, как и при Николае; хищники Руси великой — генералы, но никто не слыхал мой крик, который переходил в плач, и с разбитой душой приходилось ждать, когда эта вся грязь, бросаемая на нас, не заслуживших такого позора от родины, будет поворочена тем предателям, которые уже успели заклеймить себя клеймом измены. Пусть проклятия с нас им удесятерятся, пусть же каждый гражданин, заблуждавшийся, опомнится и искупит свои грехи перед нами. Пусть станет он с оружием в руках для защиты революции и свято исполнит свой долг. Тем только он искупит свой грех перед армией и родиной. Не последняя же авантюра, а первая. Во избежание всего я говорю откровенно; ваше дело товарищи — перебрать весь командный состав, а важнее всего в нашем гвардейском 1-м корпусе. Накануне дней авантюры Корнилова у нас носились слухи, что будем ехать под Ригу, то в Финляндию, но в конце стало известно, что командный состав на корпус не располагает, и только поедем тогда, когда не поедет 40-й корпус. Почему и можно судить, что весь командный состав всецело был согласен с Корниловым, а если это так, то и все они, как один человек, достойны того, что и Корнилов. Товарищи! Вы все призываете к полному повиновению командующего состава, а это-то губит нас затем, что уже комитеты не могут так правильно действовать; а вы все располагаете на комитеты и сами же их лишаете всего права. Не забывайте еще того, что многие комитеты совершенно не имеют понятия, для чего они существуют; это уже доказывает то, что при выборах попадают те лица, которых должен комитет контролировать. А раз на комитеты мы довериться точно не можем, то и должны сделать так, чтобы у нас не только стенки были революционные, а столбы, на которых

держатся стенки, должны быть революционными. И тогда только мы добьемся своей цели. Товарищи! Кто был из вас в действующей армии, тот не будет мне противоречить, что присылаемые прапорщики вполне могут быть заменены опытными солдатами, которые пробыли изрядное время в окопах. Этим я хочу доказать, что у нас то делается, что и делалось раньше. Почему все мы считаемся с опытом, а здесь видно ясно, что военный опыт заключается только в дружной работе, но не в золотом погоне. Каждый офицер учится, пока получит золотой погон, а потом его занятие переходит в обычный манер — спать, чистить ногти и пить шампанское. В роте и в полку ведется дело все солдатами, а командный состав живет только для подписи, значит, вполне определенно, что твердый духом солдат вполне соответствует этой должности, лишь бы в штабах только были столбы революции; а если они только окажутся не соответствующие, то при таком порядке их скорее можно открыть. Товарищи, вы всецело должны смотреть на командующих всех родов, а у вас сейчас уже назначенный популярист-кадет на такой пост, как военный министр, а во-вторых, командующим северным фронтом, и это старые с.... Почему не назначить прапорщика, опытного и известного своей идеей? В это время в чем разница: если честный прапорщик и умный, то он больше принесет пользы, чем через старость обезумевший генерал, который одно делал — пил и ногти чистил. Еф. Фна.

Гвард. Семеновского полка.

№ 105.

В Совет Солдатских и Рабочих Депутатов.

Ответ вам на вашу газету за № 173.

О беспорядках в гор. Орле.

Что там за беспорядки? Да мы верно знаем, какие беспорядки: не хотят итти на войну, верно это, — да вот у вас это

и беспорядки, а вы и давай усмирять их, посылая войска на них, и выгнать их на фронт: да фронт скоро оборотится на вас.

Да кого же пролетарии защищать, ваших буржуев? Вот так свобода и вам воля, а гонят на войну. От лица всей артиллерии заявляем, что нам нужно только мир, а не войну, и в скором будущем вся армия бросит воевать.

Не повинуются начальству, — да что мне повиноваться, когда я не хочу воевать? Мне своя жизнь дороже этой буржуазной войны, а вам мы видим, что недорога Россия, и Керенский такой же стал буржуй.

Вам оказывается нужна только власть, а не воля; смотрите и вас в скором времени, как и старое ненавистное правительство, как не дадите скоро мира.

Артиллеристы, бывшие в русско-японской войне.

1917—22/VIII.

№ 106.

Письмо с фронта.

Товарищи рабочие, крестьянские и солдатские депутаты!

От товарищей солдат с просьбой к вам поддержите нас, большевиков-солдат. На нас слагают такое бремя, которое нам не под силу, они сложили с себя ответственность и возложили на нас, они готовы были проиграть, чтобы нас сделать такими рабами, как и были. Товарищи, когда же это кончится, эта кровавая бойня? Мы уже не в силе стоять против такой механической и машинной бойни, мы уже потеряли свое здоровье, испортили нашу кровь, во сне снится, что летит снаряд или аэроплан, — вскакиваешь и кричишь. Вот, товарищи, эту кровавую войну называют театром. Кто ее называет, того бы к нам в окопы, пусть бы он сначала посмотрел и узнал, какой этот театр. Товарищи, поддержите нас, а мы за вас готовы мы отдать телом. Долой войну! Мы все воедино сольемся друг к другу. Буржуи кричат: война до

победы, — товарищи, какая же победа, когда все отдают? Они хотят, как Польшу, разорить, а потом разделить, тогда поздно будет нам, товарищи. Еще беда: голод настал. Товарищи, просим вас, чтобы вы узнали, какого мнения фронт, что ему нужна, война или мир. Нам нужен мир, товарищи, просим вас, чтобы вы потребовали наше мнение с фронту так, чтобы каждый солдат написал письмо к вам, — тогда вы узнаете, что мы желаем и жаждем миру, но не войны. У нас на фронте устроили полковые и корпусные комитеты, а кто там? Офицера, но не солдаты. Какое есть важное дело. они едут к вам в Петроград и голос держут, какой им нужен, обманывают нас в глазах. Товарищи, у нас у каждого накопилось столько злобы к ним. Все терпим до время. Товарищи, требуйте от нас письменное мнение, мы вам опишем все, что нам надо и вам тоже. Закройте буржуйские газеты, как они наши закрыли.

№ 107.

Прошение

к петроградским солдатским воинским депутатам.

Прошу я вас, господа депутаты, что вы там делаете, почему вы там, почему вы там порядков не производите, что вы спите, — видите: Россия гибнет.

Совсем Россия пропадает. Почему вы буржуазию не выколете ее? Я вам пишу правильно: если вы прикажете буржуазию переколоть, тогда Россия возвеселится, а иначе ничего не выйдет, как этого не сделаете. А если не хотите, так прикажите мне, так я распоряжусь со всеми. Или пришлите, чтобы я приехал к вам, так я вам посоветую, что сделать. Прошу, защищайте родину.

Адрес мой: г. Житомир, 495-я пешая Рязанская дружина, 2-я рота, 2-й взвод, получить Филиппу Федоровичу Джигуну.

№ 108.

Письмо товарищам в Совет солдатским депутатам от товарищей солдат 3-й армии. Товарищи, не смотрите на Керенского, — он доведет нас до такой пропасти, что мы все разом погибнем. Товарищи солдаты, старайтесь скорейшему времени миру. Мы не в силах держать фронт, товарищи солдаты, вы подумайте сами, что у нас дома семьи умирают с голоду, у нас дома родители, жены и дети — не щеняты. Нам нечего слушать буржуазию, а долой войну, да здравствует учредительное собрание и да здравствуют товарищи большевики! Товарищи, мы здесь на фронте платим за 10 штук папирос 1 рубль, а за табак осымушку — три рубля (3 руб.), а хлеба нам вовсе не дают, а получаем одни сухарные крошки и гнилые или заплеснелые, а суп такой нам варят, что и вас, товарищи, уверяем, что ни одна собака не будет есть, а это все портит гнилая и горькая вобла. Затем покамест писать нечего, затем до свиданья, товарищи большевики. Мы остаемся горе горевать и тухлую воблу доедать.

23 сентября дня 1917 года.

№ 109.

1917 года сентября 23 дня.

Здравствуйте, дорогие товарищи при совете солдатских комитетов. Мы к вам относимся, как защитники с фронта; до сих пор мы не видим от вас никаких порядков, вас забили ваши головы буржуазия, и вы всецело только слушаете их. Если будут такие порядки, то мы будем наступать не на германца, а на Петроград. Скорей давай мир, а то так и знайте, что герои ваши откроют огонь по вашим петроградским позициям. Вам всем хорошо тамо в тылу кричать, чтобы наступали, но кто это, кто кричит, чтобы наступали, то просим милости к нам, и мы посмотрим, как такие храбрецы будут наступать. Товарищи, смотрите вы только и спасете свободу, если заключите в скором времени мир, а то все ваше пропадет. Долой буржуазию, да здравствуют

большевики! Долой все временное правительство! Не надо нам таких изменников и предателей России, долой войну! Свободный гражданин не может проливать больше кровь. Товарищи, смотрите, этим вы только спасете свободу, если что будет скоро мир. Пока до свиданья.

Дорогие товарищи, давайте скорее мир, а то скоро будем сами мы наступать на Петроград.

Тов. председатель Комитета Иван Кочетов.

4-й кавалерийской дивизии, 1-й эскадрон, 4-й гусарский полк.

№ 110.

Товарищи!

Умоляю вас действуйте энергичнее, особенно насчет смертной казни. Ведь это оружие в руках командного состава. Покамест существует смертная казнь, до тех пор немыслима свобода. Ведь Корнилов знал отлично, что значит смертная казнь на фронте, да еще в руках командного состава. Меня удивляет одно, что все это отлично понимают, а в то же время ничего не предпринимают. Постановление — постановлением, а нужны реальные воздействия. Смертная казнь отдаляет день давно желанного мира. Кроме того, угроза смертной казнью служит заслоном многих темных делишек многих темных дельцов.

Впрочем, товарищи, вы все это, должно быть, знаете.

Кавказская армия, 6-й куб. пласт. батальон вольноопр. учит. С. Богданов.

23 сентября 1917 года.

№ 111.

В редакцию Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Путь избавления от финансового кризиса. Можно ли избавиться от финансового кризиса выпуском новых бумажных денег?

Нет, товарищи, это для каждого вполне ясно и понятно, что этим путем финансовый кризис в стране не уменьшится, а, наоборот, более увеличится, и впоследствии все эти вновь выпущенные красивые бумажки отзовутся на наших же плечах.

Не лучше ли, пока не поздно, обратить золото, серебро и драгоценные камни на нужды войны и свободы, которых в данное время полно в каждой церкви и монастыре.

Ведь это не будет называться святотатством, если мы поснимаем золотые и серебряные ризы с камнями с икон, заменим золотые и серебряные кресты, сосуды и вообще всю церковную утварь другими, из металла более дешевого.

Религия наша от этого нисколько не изменится и не должна измениться, раз религиозный человек твердо верил святым угодникам в золотых и серебряных ризах, то он, без сомнения, будет верить тому же святому угоднику, изображенному на чистой доске, без драгоценных украшений.

Хотя, на первый взгляд, для каждого православного человека эта картина покажется и печальной, но для кого дорога родина и свобода, тот ничуть не задумается над этим.

Товарищи, может быть, для некоторых это и неприятно, но это самый кратчайший путь к избавлению от финансового кризиса.

Солдат В. Миронов.

1917 года 24 сентября Д. армия.

№ 112.

Печальные письма.

Живя здесь на фронте и до боли расстраивается сердце, когда пишут из дома неприятные письма.

Пишут так:

Дорогой наш сын, как мы будем жить дальше? За все лето не было ни одного дождя, в поле все пожгло солнцем. Хлеба своего совсем не уродилось, и не знаем, чем будем

засевать землю. Для себя теперь хлеб покупаем, платим по 10 руб. (десять рублей) за пуд, да и то нету где достать, потому что вокруг неурожай, а из другой местности ни под каким видом не доставляют и купить нету где. Чем будем питаться и как дальше, — не знаю.

Мы ожидаем смертельный голод, если нам не будут представлять хлеба из другой местности.

Симбирской губернии, Карсунский уезд, Аргашской волости.

№ 113.

Резолюция.

Товарищи, наступил четвертый год этой братоубийственной кровавой бойни. И народ русский давно уже мечтает, чтобы скорей возвратиться в свои родные очаги к своим семьям, но, наконец, не предвидится скорого выхода. А именно все через того, что мы туго-натуго связаны нашими союзниками, которые в настоящее время стремятся к захватам и завоеваниям. Но такое положение для нас, русских граждан, невыносимо и подобно отраве, а именно войти в положение в наши заброшенные запустелые деревни без всяких опор и поддержек жизненному существованию, которым грозит не в дальнем продолжительном времени голодная смерть. Неужели мы, русские граждане, и в настоящее время будем смотреть так слепо, как и было нам в царствование Николая Кровавого. Товарищи, довольно, время уже настало нам проснуться и протереть свои полуослепленные и заомраченные глаза. И должны мы потребовать от Центрального Исполн. К-та и от нашего временного правительства раз'яснения о предложении наших союзников условий долгожданного мира, и должны мы вынести свое предложение мира, и если наши союзники, Англия и Франция, стремятся к захватам и завоеваниям, то мы вообще идем против этого. Товарищи, проснемся от долгого сна и воскликнем все в один голос: долой войну! давай

мир! Такой мир самоопределения всех народов. Прошу редактора этой газеты поместить в вашей газете. Не откажите, пожалуйста.

№ 114.

26 сентября. Долой войну, да здравствует мир!

Письмо из газеты «Новая Жизнь» за двадцатое число сентября за сокрытые двери заседания нового правительства просим господ большевиков обратить внимание на господина Керенского — вместе с Корниловым на один крючок; просим немедленно передать управление в руки народа в Совете Крестьянских и Солдатских Депутатов. Долой временное правительство, да здравствует народное управление! Товарищи рабочие и солдаты, оружие берегите, пойдемте [на] Петроград буржуи, коалиционное управление колоть, бить и вешать. Из терпенья вышла окопная мука солдата. Да здравствуют товарищи солдаты, да здравствует рабочий народ, да здравствует народное управление! Соединяйтесь, всех стран пролетарии!

Письмо раненых солдат N арм.

Василий Ерофеевич Булгаков.

Письма с 1-го по 18-е октября 1917 г.

№ 115.

Письмо от солдата-фрон.

Товарищи солдаты и раб[очие]. Нам в газетах все пишут, что свобода и родина в опасности,— от кого это зависит? Мы слышим, что это все на наших братьев ложится пятно, которые, 4-й год пошел, сидят в гнилых окопах, терпят голод и холод, а также и нашим семьям приходится нести холод и

голод в своих деревнях, а как в городах, так там и приходится и руки наложить на своих детей, а также и на себя от такого положения. На Юге хлеб берут 3 руб., а на Север везут, продают тот пуд за 25 руб. И вот эти кулаки и кричат, что родина и свобода наша на краю гибели, надо войну продолжать. А в окопы итти не хотят, потому что они за продолжение войны набивают свои карманы и живут себе припеваючи, у его всего хватает. И пойдет погулять, над его головой ни снаряд не гудит и пуля не визжит, — чего ему не жить и не кричать продолжать войну. А тому, который исстрадавши сидит в окопах 3 года 4-й, только сулят свободу, землю и равенство. Но как нам видно уже хорошо, что прошло 7 месяцев после перевороту, и нет ему ни свободы, ни земли, ни равенства, — что хотят, то командный состав и делает. Схотят продать дивизию — продают, схотят продать корпус или армию — продают, и с такими предателями носится наше временное правительство, как курица с яйцом. Такому предателю крючок на горло и на столб его повесить, а других, подобных ему, подвесть к нему и заставить их, чтобы они сами себе зацепливали эти крючки за свое тело, чтобы они скорее вздумали за тот народ, который страдал десятки тысяч лет, и тогда они скорее передадут свои богатства тому в руки, чьим горбом они их себе нажили.

Товарищи солдаты и рабочие. Я уверен, что мы, если будем так к ним относиться хладнокровно, то мы еще не получим долгое время свободу и землю и равенство, и что этим отношением ведут они всю Россию до погибели. Ведь нет ничего такого на свете, чтобы нельзя с ними ничего сделать. Надо сперва нам притти с фронта в руках с оружием и выколоть всех своих внутренних врагов, а внешний нам тогда не страшен будет. Нам враг внешний страшен через наших внутренних врагов, капиталистов. Так вот, тов. солдаты и раб., не сулить, а надо дать свободу и землю и равенство, так как мы вам пока верим, чтобы нам не оставлять фронт и не итти после вас дело делать.

№ 116.

Центр. Исполн. Комитет Совета Солдатских и Рабочих Депутатов.

Товарищи! Я очень рад, что у нас не старое время, и для того, чтобы поведать «власть имущим» свое горе, не надо писать «Его высокоблагородию г-ну и т. п.», и очень осторожно, а то еще «его высокоблагородие» рассерчает да и накажет.

В настоящее же время, чувствуя себя свободным гражданином, я так же свободно, с раскрытой душой обращаюсь к вам, товарищи, из далекого, темного уголка деревни, и не думаю, чтобы мой голос был вопиющим в пустыне.

Я — солдат, три года с лишним пробывши на фронте, потерявши самое драгоценное — здоровье, и тогда только уволенный в отпуск для поправления.

Приехавши домой, мне с первых же дней стало ясно, что о поправлении здоровья не приходится и мечтать, а надо подумать как бы не умерет с голоду. Семейство же мое, состоящее из отца (старика), жены и несовершеннолетних брата и сестры (другой брат на фронте), живши еще в деревне, перебивалось с сухарей на воду, с воды на сухари, а когда в 1914 году нашу деревню (Корабоновичи, Сватошицкой волости, Горецкого уезда, Могилевской губ.) рассадили на хутора, и моему отцу преподнесли такой хуторочек, где может только родиться, и то после навоза, олений мох «ягель». Болото. Кругом вода. Тундра настоящая. Разница только в климате. И вот на этот курорт приехал я для поправления здоровья. Воздуха достаточно. Воды с избытком, а остальное — подай, господи! Очутившись в таком положении, я стал искать выхода. Но где он? Нести тяжелый физический труд я по своей слабости здоровья не могу, да и работы нет. Причитающиеся суточные деньги тоже никто не выдает. Товарищи! Неужели это мне в награду за мою трехлетнюю беспорочную военную службу, да еще и лишившись здоровья, назначена голодуха.

Товарищи! Обратите на это внимание и примите соответствующие меры к обеспечению в таких случаях солдат. Товарищи! Ради революции и закрепления завоеванной нами свободы я согласен на какие угодно жертвы. Но позвольте, для кого эти жертвы? Я не буду распространяться и укажу только на деревню. Пробывши всего один месяц дома и присматриваясь к окружающему, заглядывая в гущу деревни, рисуется мрачная картина. Деревня раздвоилась на деревенских буржуев и голытьбу. Все те, кто имеет побольше земли да какими-нибудь секретными ст. ст. [1]) увернулся от войны, в полном смысле слово богач. Те же, кому пришлось испить горькую чашу этой войны, оставивши семейство в ведении самого бога, оказались в кабале дерев[енских] буржуев. Товарищи! Представьте себе на минуту положение человека, потерявшего здоровье на войне за освобождение оставшихся дома эксплоататоров, эксплоатирующих его же семейство, и в результате вынужденного, низко поклонившись, просить себе пропитание. Каково-то на сердце? Те же буржуи захватили также и нынешнюю местную власть. Не буду говорить о всех крестьянах и их организациях, но скажу относительно своей Сватошицкой волости. В ней, кажется, еще ведется старый порядочек, только под новым флагом, и вместо бывшего волостного правления при 2—3 правителях множество комитетов под разными названиями и несколько десятков человек вершителей судеб волости. Все друг дружке наподбор. С промадными окладами жалованья (отчего стонет население) и почти все (за малым исключением) представители буржуев. Преобладают они потому, что о всех сходах, собраниях об'является только богатейшим, а потому известная кучка богатеев, без ведома большинства, выбирает, решает, назначает и т. д. Сами почти все неграмотные, а для того, чтобы вести дело, нанимают представителей настоящих буржуев и, работая за одно, платят чрезмерно большие оклады жало-

[1]) Так в оригинале.

ванья, в то время когда люди, нуждающиеся в куске хлеба, знающие канцелярское дело, охотно бы работали и за половину того, что получает хорошо обеспеченный человек, быть может, даже монархист, в организации крестьянства, а ты, бедный человече, борец за свободу, проваливай дальше. Вот почему в настоящее время, даже в деревне, так сильно развивается анархизм. Голод не забава, повернешь нехотя вправо. Настроение среди крестьян самое разнообразное: одни с тревогой ожидают скорейшего окончания войны, установления порядка и наделения землей; другие недовольны новыми порядками и ожидают на престоле царя, говоря: без пастуха все стадо разбежится; третьи, не имея ничего определенного, томятся ожиданием чего-то. Впрочем, по вопросу о войне и земле заинтересованы все, хотя многие не верят, что будут наделять землей, говоря: никто нам земли не даст, как было так и будет. Мало придают также значения учредительному собранию, потому что никто ничего не об'ясняет. Местные комитеты в этом отношении безграмотны, да и вообще они бездеятельны.

О себе лично прошу ваших указаний, как поступить в данном случае. Выхода нет. Средств не имею.

Товарищи! Ваш вывод из всего вышеизложенного покорнейше прошу об'явить мне по адресу: м-ко Дубровна, Могилевской губ., до востребования, Ивану Л. Миронкову.

Жду ваших указаний и раз'яснений по затронутым вопросам.

Иван Миронков.

4 октября 1917 года.

Хутор Коробановичи, Сватошицкой волости, Горецкого уезда, Могилевской губернии.

№ 117.

Привет! от солдат из «окопов».
Товарищу Троцкому!

Уважаемый председатель Сов. Раб. и Сол. Депут. Я, солдат, пишу это письмо вам от имени более ста голосов своих товарищей. Услыша о назначении вашем на столь ответственный пост *) перед родиной, мы просим вас убедительно, чтобы вы, произнося свои для нас у в а ю щ и е [1]) речи на каком-либо собрании, высказали тем лицам, которые, не имея понятия о жизни солдата, гонят его на бой кровавый. Пусть те люди заглянут в тот ящик, откуда солдат черпает ложкой во время обеда, тогда и говорят в разрез вам.

Следует 100 подписей солдат N Сибирского стр. полка.

№ 118.

В Совет Российской Республики

Фронт. К-сия.

Мы, солдаты румынского фронта, требуем немедленного мира, не считаясь, на каких бы он ни был условиях. Мы требуем передачи всей государственной власти Петрогр. Совету Рабочих и Солдатских Депутатов.

Мы требуем немедленного удаления из российского государства палачей Керенского и всю его братию.

Довольно крови рабочих людей!

Солдат И. С и д о р о в.

Мир хижинам!
Война дворцам!
Смерть капитализму!
Долой палачей!
19/x—1917.
Просим огласить собранию.

---

*) См. примечания.
[1]) Так в оригинале.

№ 119 *).

Вторая часть на ответное письмо за № 1224.

Репрессии в армии, вызванные событиями 3—5 июля, отчасти коснулись и нас. Запрещены митинги и собрания, а товарищей Ростовцева и Козлова искусственно удалили из штаба дивизии за большевистскую пропаганду среди солдатских масс. Однако затишье продолжалось недолго. Газеты «Рабочий и Солдат», «Пролетарий и Рабочий», в конце «Рабочий Путь» не переставали получаться, хотя менее часто, 4—6 раз в месяц; коммуна вошла в организацию об'единенной партии при штабе корпуса в количестве 37 человек. Здесь должны оговориться об организации всего 24-го корпуса, состоящего до августа в составе 9-й армии, где с.-д. организация, довольно сильная, исключительно оборонческая, всего членов состояло до 1 200 человек, 24-й корпус около 600 человек из большевиков; вождей с репутацией солидного работника не было ни одного. С переходом корпуса в состав 4-й армии, корпусная ячейка насчитывала в своих рядах до 800 человек, и в сентябре произошел раскол ее на две части; отколовшиеся большевики образовали 2 фракции: одна при корпусе, а вторая при штабе дивизии, ядром которых была коммуна. Как первая, так и вторая фракция большевиков насчитывает в своих рядах до 400 членов. Работают исключительно солдаты собственными силами. Предстоит делегировать членов партии в Центральный Комитет. Что же касается выборов в учредительное собрание, то фронтовой с'езд постановил войти в блок фр. большевиков и интернационалистов — 2 кандидата и от меньшевиков 2 кандидата. В числе кандидатов на третьем месте наш тов. Мостовенко.

С почтением к вам Веремеев.

20 октября 1917 года.

---

*) См. примечания.

№ 120.

Товарищ Л. Каменев!!!

Мы из окопов обращаемся к вам: нельзя ли как поскорее посталкать с должностей тех, кто мешает ходу ваших действий, например: чиновников из почтовых учреждений, которые задерживают большевистские газеты, идущие на фронт, и все ваши телеграммы получаются с опозданием, даже и вовсе не сообщаются *); например: мы узнали из газеты «Рабочий и Солдат» от 13 ноября, в которой было напечатано, что Народн. К-ры распорядились в Петрограде реквизировать в согласии с матросами, солдатами и красногвардейцами и в скором времени будет доставлено на фронт, об'явлена беспощадная борьба мародерам, казнокрадам и т. д., и дальше из-за необ'явления и распространения вашего распоряжения виновные будут подвергаться строгой каре, т.-е. штабы и армейские полковые организации. Но это в окопы не дошло совсем, где-то есть еще в штабах, управлениях и организациях враги всем вашим распоряжениям, которые не допускают в окопы ваши распоряжения. На фронте ваше приказание, т.-е. решительные шаги к миру, исполняются с восторгом и всецело доверяют большевикам, во главе т. Ленина, Троцкого, Зиновьева, Колонтай, Крыленко и пр., и надеются, что эти вожди русской революции, только они могут спасти измученную Россию и довести до учр. собр. и дать народу долгожданное и обещанное.

Затем просим вас, нельзя ли сейчас же Совет Кр. Депутатов пропустить сквозь решето, т.-е. как вы поступали с теми, которые не пожелали исполнять ваше распоряжение, например Татищев и друг. Совет Кр. Деп. пишет про большевиков явную ложь и тем малосознательных вводит в заблуждение. Кроме того, в Совете Кр. Деп. выступают с речью армейские делегаты, которые говорят именем солдат армии,

*) См. примечания.

а в сущности эти делегаты уполномочены не для этой цели, чтобы обвинить большевиков, а для того, чтобы до учр. собр. земля перешла в руки крестьян.

Можно ли себе вообразить, что все солдаты фронта на стороне большевиков, а в 49-м корпусе нет ни одного солдата большевика, что явная ложь и клевета на большевиков именем солдат корпуса, даже армией.

Мы солдаты из окопов, просим тт. большевиков, т.-е. народных избавителей от грозящей гибели, и верим и надеемся, что вы распорядитесь перетрясти все организации, с'езды, совещания и все соглашательские партии, в чем мы, по первому вашему зову, поможем в ваших действиях.

Со всех сторон сыплются на вас угрозы и клевета, но весь фронт, как один, желают с оружием в руках поддержать ваши намеренные шаги. Все окопники довольны и ликуют вашему распоряжению с г. Духониным *). Если так, то так, а не хочешь, то пожалуй, г. Духонин, в Петропавловскую гостиницу к служителям Кольки Романова.

Товарищи Народные Комиссары! Требуем доставления Николая Романова и его проклятую солдатами свиту в Кронштадтскую крепость в распоряжение матросов для перекрещение в кронштадтской гавани, которые ему дадут имя:

Полезай, да не вылезая!!!
Как Распутин-негодяй!!!

Просим перепечатать в ваших уважаемых газетах.
Солдаты из окопов 1-й армии. 3 подписи.
18 ноября 1917 г. Д. армия.

№ 121.

Товарищи!!

Рабочие, свободные граждане. Тяжело приходится переживать нам эту страшную эпоху в настоящие дни, потому

*) См. примечания.

что наша свободная демократическая Россия стоит на краю гибели. Наши товарищи солдаты гибнут без пощады и не зная за что.

Товарищи!! Старайтесь на каком-нибудь основании заключить мир, потому что вы сами видите, что у нас становится недостаток на все, и приходится нашим товарищам солдатам сидеть в окопах босым, голодным и раздетым, а враг на это не унывает, а все делает напор.

Четвертый год мы сидим в окопах, страдаем голодом и холодом, и не знаем, за что нас томят и никакой пользы нет абсолютно. Что же будет, если мы еще будем сидеть год? Наши жены и старые отцы с большим трудом добывают себе кусок хлеба, и последний у них забирают и отправлют на фронт, а они остаются голодными без куска хлеба. Хотя им выдают паек, но что с того, теперь все дорого, ни к чему нельзя приступить[ся].

И вот по поводу этого все солдаты категорически заявляют, что нельзя воевать, а надо каким-нибудь условием заключить мир.

Да здравствует наша свободная федеративно-демократическая Россия!

Да здравствует учредительное собрание!

Да здравствует армия и флот!

Да здравствует мир, ура!!!

Письмо от 17-го корпуса.

Рядовой солдат Оставчук.

№ 122 *).

Вопросы.

1) Когда будут уволены солдаты старых годов, какие годы будут подлежать увольнению, и будут ли заменены больные, слабые и находящиеся с первых дней мобилизации на фронте?

---

*) См. примечания.

2) От кого исходит приказ об опросе офицеров о согласии остаться на службе после войны?

3) Как обстоит дело с перемирием, и как относятся союзники?

4) Как обстоит дело с доставкой в армию хлеба и фуража?

5) Правда ли в Кронштадте прибыло 2 миллиона хлеба?

6) Кому вносить деньги за дрова с помещичьих лесов, а также скота, продуктов, купленных для нужд армии?

7) Есть ли функции для армейских комитетов?

8) Можно ли посылать делегатов в деревню из окопов для освещения текущего момента и на каких положениях?

9) Как производить украинизацию, и можно ли передавать оружие и инвентарь живой и мертвый в их собственность?

10) Отношение украинской расы к Народным Комиссарам.

Совещание фронтовых делегатов 21/XI—17 года.

2 подписи: Баранов, Кунавин.

Просим напечатать в 20 экземпляров.

№ 123.

Письмо товар. Ленину с фронта.

Товарищ Ленин, мне попала случайно газета «Солдатская Правда» № 73, и в этой газете помещен проект декларации тт. солдатам на фронте, и нас это очень обрадовала такая декларация. Только ее проводите поскорее в жизнь и сообщите нам и позаботьтесь о доставке газет на фронт в большом количестве экземпляров, а то мы совершенно не получаем никаких сведений из Петрограда. Здесь сказано о продовольствии, о потайных складах, о реквизиции теплых вещей от богачей, — все это нам на руку, солдатам. Только теперь стремитесь к миру, чтобы в январе мы могли замириться. Все свои меры употребите на заключение скорейшего мира, а то

здесь ходят слухи такие, что война до победы, якобы слышно, что были французские послы и говорили, чтобы не опубликовывать тайных договоров и никакого не должно быть перемирия. Этому хотя мы не верим, но даем вам срок, если вы не кончите войну, то солдаты не хотят сидеть в окопах. Все побегут в тыл, а если союзники не хотят кончать войну, тогда пусть они воюют, а мы не будем. Масленков.

Адрес: 738-го Григориопольского полка, 8-я рота. Масленков.

№ 124.

26 ноября 1917 года.

Комиссару Иностранных Дел, Господину Троцкому.

Господин Комиссар!

Благодаря свободе, каждый гражданин может высказывать свое мнение, взгляд и настроение.

Решил я вам написать свой взгляд и мнение, видит вас, Г-н Комиссар, Крыленко, Ленина и др., весь народ мира вашу большую деятельность, ваше сильное старание о перемирии и заключении мира, которого с жадностью ежеминутно ожидает весь народ всего света. Вы, М. Г. Г-н Комиссар, и другие ваши сотрудники сознаете раны наболевших в сердцах солдат в армиях, престарелых оставшихся родителей, любезных жен и детей. Сознали вы, господа, первые, что напрасно безумно проливают братья наши кровь невинно, за интерес буржуазии и капиталистов уже 4-й год. Признаю от чистого своего сердца принести вам, М. Г. Г-н Комиссар, и всем вашим сотрудникам великосердечную благодарность за ваше сознание, деятельность и самоотвержение для блага народа всего света.

Правда, господа благодетели! Довольно урагану нестись по всему почти земному шару и поражать юных цветущих лет, а также и престарелых, оставивших в домах дорогих любезных родителей, жен и детей.

Довольно оплакивать отцу, матери своих любезных сыновей, женам своих любезных и дор. мужей, детям своих дорогих и любезных отцов. Довольно кровопролитной бойни! Ведь каждому жизнь дорога, а кто хочет еще кровь лить, того в окопы, кто еще стоит за войну, тот пусть льет свою кровь, кто еще стоит за убийство войны, тот пусть сам гибнет.

Долой войну, долой зимнюю кампанию, да здравствует мир! произносит эти радостные слова каждый с восторгом души, кому война надоела и жаждет мира (Как лань желает к потокам воды. Пс. 41, 2).

Вы, господа благодетели, сами этому навстречу пошли и с[ам]отверженно лично (25/26/X) действовали, рисковали своей жизнью. Но вам, господа, народ и солдаты доверяли и всюду поддерживали вас в вашей стоятельности, конечно, кто разобрался, что такое большевики.

Вас, м. г. и милостивые благодетели, если вы добьетесь жаждущего мира всему миру, кому война надоела, вас, кажется мне, от лица до подножия ног расцеловали бы и не пожалели бы последнего на себе для вас, лишь бы иго рабства избавиться этой кровопролитной войны. Надеемся и впредь, что вы все силы прикладете ин г е р е ч н е е [1]) для заключения мира. На века останутся ваши имена, что вы благо народу сделете, т.-е. заключите мир.

Извиняюсь за мою несложную диктовку: насколько дано мне, настолько и поделился своим мнением.

Глубокосердечно прошу вас, М. Г. Г-н Комиссар Троцкий, и г. Крыленко и Ленин и всех ваших сотрудников, прикладывайте все меры, все силы к заключению мира, которого вся страна жаждет ежеминутно, которая ваши имена запишет в летописях.

С искренним почтением

В.Ф.О.К. (н е р а з б о р ч и в о). г. Псков.

---

1) Вероятно, энергичнее.

№ 125 *).

Привет Петроградскому Смольному Институту.

Товарищи, просьба к вам ваш Петроградский Земельный Смольной Институт, то я, товарищи, пребегаю к вам со своею просьбою ввиду того, чтобы вы мне выслали свою инструкцию на счет земельного распоряжения, как должны произойти волостные земельные комитеты, потому что у нас народ томится, он на словах никак не верит, и притом у нас буржуазный класс крестьян сбивает с пути.

Товарищи, сообщите мне свой точный адрес, чтобы я мог обратиться к вам за разными справками, чтобы я мог руководить этими всеми делами. Но раз'яснить народу мне разу не по чем, так что если можно это все у вас достать, то, пожалуйста, сообщите письменно. Если что можно прислать, то не оставьте моей просьбы, а то знаете, товарищи, у нас есть такие люди, которые сочувствуют партии капиталистов, но мне хочется их убрать.

Но я, товарищи, сочувствую своей партии большевиков, вот я и обратился, товарищи, к вам, чтобы я мог относиться к вам письменно.

Затем до свиданья.

Как получите мое письмо, пожалуйста, дайте ответ.

Адрес мой: Калужская губ., станция Говардова, на Кондровскую фабрику, село Борятино, Ивану Спиридоновичу Анохину.

Я безземельный крестьянин, приехал с позиции в отпуск, но никто внимания на нас, бедных воинов, не обращает.

№ 126.

Солдатское письмо.

Я, солдат 2-го полка артиллерии сухопутного фронта морской крепости И. П. В., 6-й роты, В. Д. Груздев, проживал

*) См. примечания.

свой срок отпуска дома в Костромской губ., Ветлужском у., Подгородной волости, и присмотрелся на своих крестьян и на наших капиталистов и помещиков, но у нас крестьяне и рабочие передались в руки капиталистов и помещиков, и, по-видимому, этого у них крестьян все комитеты находятся под строгим контролем буржуазии, и крестьяне, обманутые буржуазией, и не признают большевистскую программу, говорят, что большевики это есть хищники крестьян и рабочих и что они подкуплены буржуазией и немецкой сворой; по науке буржуазии, кадетов они не верят ни одному большевику. При голосовании и при выборах в учредительное собрание они все почти подавали свои голоса за кадетов и за социалистов за правых. А у социалистов-революционеров я был на собрании, и они всецело борются против революции и крестьян и рабочих, а я советовал крестьянам и рабочим и приглашал их вступить в партию большевиков, ибо они есть спасение революции и крестьян и рабочих от капиталистов и помещиков, и только они дадут крестьянину землю и уничтожат капиталистов и помещиков. А они меня за приглашение к нашей партии чуть не убили. Вы, говорят, разбойники и хищники. Но я тогда ушел, но было жаль мне таких крестьян, что они так преданы буржуазии; а еще у нас был винный склад, и наши капиталисты и помещики развезли по домам, а сколько осталось, то они соблазнили крестьян и рабочих, и вышла очень большая разруха и убийство, а после этого я пришел в склад для того, чтобы узнать в чем дело и кто прав и кто виноват, но по науке наших капиталистов пришли рабочие и вместе с грабителями забрали и меня и увели в комиссариат для того, чтобы меня обвинить в грабеже. И я прошу вас, господин председатель, что пришлите нашим неразумным крестьянам солдат для наставления их на общественный путь, а наша волость — Подгородная, Костромской г., Ветлужского уезда — живет все по-старому под властью капиталистов, и я прошу серечно прислать солдат. В Димитриев, Г р у з д е в деревни (н е р а з б о р ч и в о).

№ 127.

Привет товарищу редактору газеты «Голос Правды».

Товарищ, с получением от вас газеты прошу вашего мне совета. Я — солдат, взятый на позицию 1915 года 5 апреля, и находился и до сего времени на фронте, а в настоящее время отпущен в кратковременный отпуск и уездил, то-есть являлся к воинскому начальнику, просил об отсрочке моего отпуска. Он не дает, говорит, чтобы я ехал бы на фронт в свою часть, но на это я ему заявил, что я не поеду, а пусть тот с'ездит, кто не бывал, а с меня бы достаточно того, что я был. Так вот, товарищ редактор, считайте меня, как хотите, и еще могу вам сказать то, что нельзя ли мне остаться дома для распропагандирования в деревнях программы Российской Соц.-Демокр. парт. большевиков.

У нас в деревню литература большевистского духа не проникает, так что крестьяне совершенно не различают партий, а их, я думаю, нужно внушить.

Мне лет отроду 37, призыва 1902 года.

1917 года, 13 декабря. Дмитрий Глебов.

Адрес: п/отд. Ояш, Томской губ., дер. Камешок.
Деньги вам посланы в сумме пяти руб. (5 р.).

№ 128.

Докладная записка старш. ун.-офицера Василия Яков. Антонова. Тамбовской губ., Савватимской волости, почтов. отдел. Савватимское, дер. Узково. 1917 года октября 20-го дня, № 221.

Совет Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов. Я, солдат-гражданин, приехал с фронта, доношу вам до сведения, что волостной продовольственный комитет, что он нечего не работает, всякие у них беспорядки, ни в каких делах не разбираются, так как страна находится в критическом

положении, ожидается необходимо крайний голод, так как необходимо нужно на хлеб монополия, а то страна дойдет до плохого, до кровопролития, так как у одних крестьян хлеб есть, у других нету, у которых мало земли и нету рабочих рук. Поэтому голодный люд будет просить хлеба, а те крестьяне не будут давать, тогда между этого будет борьба. Покорнейше прошу я вас до этого не допустить страну. И прошу, вышлите для устройства порядка этой страны своих опытных делегатов, так как эта страна не культурная, ничего не могут сорганизоваться, помещичья земля еще находится у их в руках. Комитет ничем не руководствует. У помещиков в настоящее время находятся военнопленные, землю помещики крестьянам не дают, а комитет волостной землю на учет не берет, поэтому нету никакого у нас порядку. Которые крестьяне имеют хлеб, они продают тем крестьянам, у которых хлеба совершенно ничего нету, мошенскую целию ночью по цене за 1 пуд ржи 25 руб. и до 30 руб.

ПРИМЕЧАНИЯ.

К письму № 1. Письмо характеризует самый первый период революции, когда солдат еще недостаточно был осведомлен о революционных событиях, первые сведения о которых доходили в армию в передаче командного состава. Для письма характерно указание на существование совета офицерских и солдатских делегатов. Такие советы в начале были довольно распространены на фронте. Руководящую роль в них играло обычно офицерство, что можно проследить и в данном случае в заострении требования вести войну до победы и в противопоставлении революционного тыла, занявшегося, якобы, сплошным празднованием, — фронту, «всеми силами старавшемуся преодолеть врага».

К письму № 2. Приказом Петроградского Совета Р. и С. Д. № 1 от 1 марта солдатам было предписано немедленно произвести выборы комитетов и делегатов в С. Р. и С. Д., а также отменено было вставание во фронт, обязательное отдавание чести вне службы, титулование офицеров и воспрещено было обращение к солдату на «ты». На почве выполнения приказа № 1 на фронте и в провинции между солдатами и офицерами возникало очень много недоразумений, так как солдаты, пытаясь следовать приказу, принятому ими, как приказу новой власти, встречали явное противодействие со стороны офицерства. Петроградский Совет, опасаясь нападок офицерства, поспешил издать приказ № 2, в котором было дано «раз'яснение», что приказ № 1 имеет отношение только к войскам петроградского гарнизона и был издан только для их руководства. Однако солдаты фронта и провинции настолько живо ре-

агировали на провозглашение новых порядков в армии, что отмена прав, провозглашенных приказом № 1, оказалась невозможной, и военное министерство вынуждено было издать ряд распоряжений, закрепивших в армии новые порядки.

К письму № 3. Такая информация в действительности давалась в первых официальных приказах по армии со стороны командного состава. В некоторых наиболее отдаленных частях армии солдаты долго не имели иных сведений, кроме вышеуказанных.

К письму № 6. Поход против офицерства солдат начинает сначала под видом борьбы с «немцем», но сущность борьбы нисколько не меняется от этого.

К письму № 9. Речь, повидимому, идет о приказе ген. Алексеева (бывшего тогда нач. штаба верх. главнокомандующего) от 3 марта. В этом приказе ген. Алексеев, обозвав делегации, направляемые в армию Советом, «чисто революционными разнузданными шайками», требовал захвата подобных «самозванных» делегаций, немедленного назначения полевых судов для суда над ними и немедленного проведения в жизнь приговоров последних. Этот приказ получил широкую огласку в советской прессе, и генералу вскоре пришлось уйти со своего поста «из-за несоответствия моменту».

К письму № 12. Ввиду роста дезертирства и большого числа «палечников» (солдат, ранивших самих себя в пальцы рук), на-ряду с применением смертной казни, в царской армии во время войны стали применяться розги.

К письму № 16. См. примечание к письму № 2.

К письму № 17. Временное правительство было очень милостивым в отношении вернейших слуг царского режима. Оно не только сохраняло содержание за членами Гос. думы и Гос. совета, но целиком придерживалось старого порядка назначения пенсий чиновникам и высшим начальствующим лицам, в том числе виднейшим работникам различных министерств царского режима. Точно так же оно отказалось от пересмотра кадра пенсионеров, получающих пенсии по назначению со времен царизма. Естественно, что солдат не мог не обращать внимания на заметки, то и дело появляющиеся в прессе, то о сохранении содержания, то о назначении тысячных пенсий многим царским сановникам и генералам.

К письму № 19. См. примечание к письму № 2.

К письму № 20. 8-часовой рабочий день был введен в Петрограде путем соглашения Совета Р. и С. Д. с петроградским

обществом фабрикантов и заводчиков, от 10/23 марта. Однако, несмотря на это, в буржуазной прессе была немедленно поднята кампания против 8-часового рабочего дня под лозунгом необходимости усиленной работы во имя содействия победы на фронте. Автор письма стоит целиком на точке зрения буржуазной прессы, что об'ясняется еще слабым проникновением на фронт революционной печати, а также недостаточной сознательностью самого солдата.

К письму № 22 (об отпусках). Вскоре в отпуска были отпущены солдаты свыше 40 годов; однако полностью этот приказ был выполнен в тыловых частях; на фронте было отпущено только около 15% всего числа сорокалетних. Затем отпуска, в связи с подготовляемым наступлением, были отменены.

К письму № 27. [1]) См. примечание к письму № 22. [2]) Видимо, следует читать: «надо обратить внимание новому правительству».

К письму № 30. Отпуска были прекращены Керенским приказом от 19 мая (2 июня) в связи с предполагаемым наступлением.

К письму № 33. Титулование и вставание во фронт было отменено приказом военного министерства Гучкова от 5/18 марта.

К письму № 34. Закон о запрещении земельных сделок был принят временным правительством только 12 июня.

К письму № 36. Письмо, видимо, адресовано было офицеру-делегату фронта, находившемуся в это время в Петрограде.

К письму № 40. Лозунг заключение мира без аннексий и контрибуций поддерживался С. Р. и С. Д. Партия большевиков беспощадно разоблачала лживость фразеологии эсеров и меньшевиков, выдвинувших, якобы, новые цели войны и новые пути к достижению всеобщего демократического мира, тогда как переход власти к буржуазии ни в какой мере не изменил характера этой войны для России. Решительный отказ от аннексий партия связывала с немедленным опубликованием и отменой тайных договоров и немедленным предоставлением всем народностям права свободным голосованием решать вопрос как о своей независимости, так о вхождении в состав того или иного государства. Поскольку этого не было на деле, партия в присоединении правительства к заявлениям от отказе от аннексий видела только пустые и несбыточные посулы, служащие к обману масс. Требования заключения демократического мира пар-

тия связывала с требованием перехода всей государственной власти в руки рабочего класса.

К письму № 41. Речь идет о созыве конференции социалистов в Стокгольме. Инициатива созыва этой конференции исходила от скандинавских социалистических партий. С. Р. и С. Д. откликнулся на этот призыв и постановил принять меры к созыву конференции на 28 июня. Так как оборонческие социалистические партии Франции и Англии, в конце концов, отказались от участия в конференции по мотивам социал-патриотического характера, то конференция, естественно, не могла состояться. Большевики с самого начала отказались от участия в конференции, видя в ней лишь средство отвлечения массы от прямой непосредственной борьбы за мир, т.-е. борьбы за переход власти в руки Советов. Однако солдат, измученный долгой войной, возлагал кое-какие надежды даже и на эту конференцию.

К письму № 45. Настоящее письмо приводится нами в силу того интереса, какой представляет оно в первой своей части. Здесь дается довольно яркая характеристика порядкам, сложившимся в деревне в начале революции, а также взаимоотношениям крестьянства с помещиками. Во второй части письма выявляются явно кулацкие настроения. Автор, с одной стороны, не против того, чтобы несколько «пощупать» помещика, т.-е. воспользоваться его землей и порастрясти его хлебные запасы; но в то же самое время он весьма против того, чтобы это было сделано руками тех молодых солдат, которых, якобы, «уговаривают помещицкие защитники». Солдаты-бедняки, как правило, были будирующим элементом в деревне не только против помещиков, но и против кулачества. Поэтому-то в письме содержится двоякая просьба: «взять наших сыновей на защиту свободной нашей земли русской» — это с одной стороны, и тут же рядом просьба приехать тем солдатам, которые «здешние жители» и которые знают «всех наших помещиков». Первая просьба относится, несомненно, к солдатам из крестьян-бедняков, вторая — к сынкам кулачества.

К письму № 47. Здесь чувствуется влияние большевистской прессы, которая уже в мае месяце писала о том, что и сам Керенский и буржуазия начинают подумывать о Наполеоне и вообще о диктаторе.

К письму № 50. В письме очень наглядно выступает настроение эсерствующего солдата-крестьянина. Автор за захват помещичьей земли, но против того, чтобы были «беспорядки»

и чтобы крестьянство «волновалось». Он против войны, однако никаких практических предложений о способах окончания ее опять-таки не предлагает.

К письму № 56. Бьюкенен — английский посол. Называя его императором Бьюкенсеном, автор, несомненно, подразумевает полную зависимость внешней и военной политики России от желаний Англии и проч. союзных держав.

К письму № 57. Обязательная сдача хлеба была введена согласно постановлению временного правительства от 15/III — 7/IV 1917 г.

К письму № 61. [1]) Многие солдатки были вынуждены нанимать работника для работы в поле, но наем вызывался разными причинами: нанимали безлошадные хозяйства, нуждающиеся в рабочем скоте и рабочей силе, нанимали и те, которые, имея много скота и земли, нуждались только в работнике. Здесь скорее всего идет речь о кулацком хозяйстве, которое, видимо, и ранее нанимало работника; недаром же автор письма требует установления «прежней» цены, выгоды которой, видимо, хорошо известны ему.

[2]) Озлобленный войной солдат, не находя удовлетворения своему естественному стремлению к миру, собенно искренно возмущался тем, что в тылу много «окопавшихся». Поскольку солдат был еще недостаточно сознателен, он не мог отрешиться от той точки зрения, которую всячески прививало и навязывало ему ранее царское правительство, т. е. чтобы не обвинить, в первую очередь, еврея. Однако, несмотря на самую отвратительную антисемитскую агитацию, какая велась и поддерживалась обычно в массах во времена царизма, антисемитские настроения отразились в солдатских письмах после революции в самых малых размерах. Наоборот, в письмах мы находим вполне разумное и сознательное отношение к еврейству и антисемитизму. Примером этого может служить письмо № 73.

К письму № 62. Солдаты отдавали большую дань великорусскому шовинизму; решительные требования украинцев об автономии и т. п. производили на солдат гнетущее впечатление.

К письму № 63. Все перечисленные письма представляют собою надписи солдат на воззвании ВЦИК, в котором содержался призыв к крестьянству о подвозе хлеба для армии. Воззвание это в большом количестве было направлено в армию, при чем солдатам, как гласила приписка в конце воззвания, рекомендовалось направлять его своим родным в деревню. Од-

нако на том месте, где полагалось писать свой деревенский адрес, солдаты вскоре стали писать адрес Петроградского С. Р. и С. Д. и направлять воззвания вместо деревни обратно в Петроград со своими приписками, вроде приводимых нами. Особенно много таких своеобразных писем было в июле месяце.

То же примечание относится к письмам №№ 64, 65, 67.

К письму № 66. Письмо является откликом на провал наступления на фронте и на июльские события в Петрограде. Пункты 1—4 характерны для первого момента, пункты 5, 6 и 8 — для второго, а пункт 7 имеет отношение к обоим указанным моментам. В словах, полных иронии в отношении Совета и Керенского, солдат высказывает явное сочувствие июльскому выступлению и нежеланию солдат «погибать за рынки Англии, за проливы Милюкова» и т. д.

К письму № 68. Антисемитизм по привычке, без каких-либо оснований. Письмо типично для отсталой части крестьянства, проникнутого и еще некоторым доверием и уважением к правительству, которое якобы полностью «бедняков освободило от богачов», чего, конечно, не было на самом деле.

К письму № 70. [1]) См. примеч. к письму № 30.

[2]) Смертная казнь на фронте была введена по требованию ген. Корнилова постановлением временного правительства от 12/25 июля.

К письму № 74. [1]) Речь, повидимому, идет о с'езде Советов, состоявшемся в июне месяце.

[2]) На с'езде Советов в июне месяце некоторыми делегатами очень остро был поставлен вопрос о Гос. думе и ее дальнейшем существовании. Однако, по предложению министров-социалистов, с'езд все же не вынес категорического решения об ее роспуске, ограничился только «приглашением» вр. пр. осуществить этот роспуск.

[3]) Речь идет о законе о смертной казни и пр. законах, изданных вр. пр. после провала наступления на фронте и событий 3—5 июля в Петрограде.

К письму № 75. «Окопная правда» и др. большевистские газеты были закрыты по постановлению вр. пр. от 12/25 июля.

К письму № 77. Каменев, Троцкий и Коллонтай были арестованы вскоре после событий 3—5 июля. Зиновьев и Ленин аресту не подверглись только потому, что по настоянию партии, своевременно скрылись из Петрограда и жили нелегально.

К письму № 81. См. примечание к письму № 34.

К письму № 82. Листовка Пуришкевича была направлена против деятельности Советов Р. и С. Д. и носила на себе печать антисемитизма и вообще разжигания национальной розни.

К письму № 85. Автор, повидимому, говорит о предполагавшемся созыве конференции всех союзных держав.

К письму № 86. Казачество в этом периоде подверглось некоторому влиянию общего разложения армии. Наиболее революционно было настроено рядовое казачество фронта, неоднократно заявлявшее свое несогласие с целым рядом решений Всерос. совета казачьих войск, где вершителем дел являлась казачья командная верхушка.

К письму № 88. [1]) Суд над ген. Сухомлиновым состоялся 10/23 авг. — 12/2 сент.; Сухомлинов был присужден к бессрочной каторге, его жена оправдана.

[2]) Корнилов был арестован 1 сентября за поднятие вооруженного мятежа против вр. правительства. Однако вскоре после его ареста на страницах буржуазной печати началась кампания за смягчение обвинения, пред'являемого ему, при чем кампания эта поддерживалась соответствующими заявлениями самих членов чрезв. след. комиссии.

К письму № 93. [1]) Постановление о введении волостного земства было вынесено вр. пр. 21/V—3/VI; выборы в земства начались в августе—сентябре 1917 г.

[2]) Выборы в учредительное собрание были назначены первоначально на 17 сентября, затем на 12 ноября.

К письму № 94. Закон о запрещении земельных сделок и о непризнании действительными всех сделок, заключенных после 1 марта, был принят временным правительством 12/25 июля. Повидимому, солдат не был осведомлен о нем.

К письму № 97. Земские начальники и прочие слуги царского режима при явном попустительстве многих комиссаров временного правительства очень часто устраивались на посты судей, начальников милиции и пр. Особенно это явление было заметным в первые месяцы революции (постановление вр. пр. об упразднении должностей земских начальников и непременных членов губ. по крестьянским делам присутствий — состоялось только 30/VI—13/VII 1917 г.).

К письму № 99. Демократическое совещание было созвано правительством Керенского и состоялось 14—22 сентября (27/IX—5/X). Советская делегация здесь представляла меньшинство среди общего числа делегатов разного рода «демократических» организаций.

К письму № 100. К этому времени большевики имели большинство в Петроградском и Московском Советах и кое-где в провинции.

К письму № 117. Председателем Исп. Ком. Петроградского Совета Р. и С. Д. Троцкий был избран 25/IX—8/X.

К письму № 118. Совет Российской Республики был образован на демократическом совещании, состоявшемся с 14 по 22 сентября (27/IX—5/X). По замыслу правительства Совет Республики (предпарламент), будучи пополнен представителями цензовых элементов, должен был играть роль широкого представительного органа вплоть до созыва учр. собрания. Большевики покинули предпарламент после оглашения соответствующей декларации.

К письму № 119. Письмо относится к румынскому фронту и представляет собою доклад о состоянии партийной большевистской организации в одном из корпусов этого фронта. Доклад этот был, несомненно, адресован ЦК партии большевиков и совершенно случайно оказался в делах ВЦИК. Мы приводим это письмо, так как оно очень характерно для понимания того процесса большевизации, какой происходил в то время в армии.

К письму № 120. [1]) Письмо относится к периоду ожесточенного саботажа со стороны чиновников и служащих различных ведомств и учреждений и активного противодействия советской власти со стороны эсеров, засевших в Совете Крестьянских Депутатов.

[2]) Ген. Духонин, бывший ранее начальником штаба верховного главнокомандующего при главнокомандующем Керенском, а после переворота принявший на себя обязанности последнего, выказал явное нежелание выполнить распоряжение Совета Народных Комиссаров о принятии немедленных шагов к заключению мира. За это Духонин 9/22 ноября был смещен с поста верх. главнокомандующего, впоследствии Духонин был убит матросами.

К письму № 122. Письмо представляет собою запрос делегатов, участвовавших в Петрограде на фронтовом совещании, которое составилось из солдат, прибывавших из армии в целях осведомления о перевороте и специально командированных на совещание.

К письму № 125. Письмо характеризует состояние и настроение деревни в первые дни после октябрьских событий. Деревня, где местами большим влиянием пользовалось кулаче-

ство, несомненно, крайне нуждалась в раз'яснении происшедших событий и в преодолении кулацкого засилья. Отпускные солдаты явились главной организующей силой деревенской бедноты. По их инициативе и при их активном участии крестьянство приступало на местах ко взятию на учет имений, их живого и мертвого инвентаря и к наделению последним беднейших крестьян. (Это примечание относится и к письмам №№ 126, 127, 128.)

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие Истпарта	3
Предисловие М. Н. Покровского	5
Раздел первый. Доверие к совету Р. и С. Д. и борьба с офицерством	15—53
Раздел второй. Вопрос о войне и мире на фронте и первые признаки недоверия солдат к совету	54—88
Раздел третий. Репрессии на фронте, перелом в отношении солдат к эсеро-меньшевистским советам и рост большевистских настроений	89—127
Раздел четвертый. Октябрьский переворот и сочувственные отклики на него на фронте, организующее и руководящее влияние солдат на деревню при окончательном переходе земли в руки крестьянства	128—157
Примечания	158—166

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

КАК СРАЖАЛАСЬ РЕВОЛЮЦИЯ

Ленин В. И., Армия и революция (Ленинская биб-ка), стр. 187, ц. 35 к.

Анишев А., Очерки истории гражданской войны 1917—1920 гг. (Военно-политическая академия им. тов. Толмачева РККА и РККФ), стр. 288 + 4 карты, ц. 1 р.

Антонов-Овсеенко В. А., Записки о гражданской войне, в трех томах.
Том первый, с 6 схемами и 17 фотографиями (Высший военный редакционный совет), стр. 300 + 6 схем на отдельн. листах, ц. 1 р. 90 к.
Том второй (печ.).

Какурин Н., Стратегический очерк гражданской войны с 23 схемами. Приложение: Атлас схем к труду Н. Какурина „Стратегический очерк гражданской войны", 23 схемы, ц. в перепл. 1 р. 75 к.

Пионтковский С., Гражданская война в России (1918—1921 гг.), хрестоматия, изд. Коммунист. ун-та им. Я. М. Свердлова, стр. 708, ц. 3 р.

Малаховский В., Из истории Красной гвардии. Красногвардейцы Выборгского района. 1917 год. Очерк с приложением документов и иллюстраций. Предисловие и редакция Ц. С. Зеликсон-Бобровской, (Ленинградский истпарт), стр. 63, ц. 30 к.

Подшивалов И., Гражданская война на Урале, 1917 — 1918 гг. Опыт военно-исторического исследования, с 16 фотографиями и схемами в тексте и приложениями, (ГВИЗ. Военно-научное общество), стр. 221 + 3 карты, ц. 1 р. 50 к.

Таль Б. История Красной армии, краткий общедоступный очерк, изд. 3-е, дополненное.

1 руб.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ИСТПАРТ

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ

Ярославский Ем., ВКП(б) в 1917 году.
Горин П., Пролетариат в 1917 году.
Смидович С., Работницы и крестьянки в Октябрьской революции.
Дубровский С., Крестьянство в 1917 году.
Шестаков А., Большевики и крестьянство в революции 1917 г.
Панкратова М., Фабзавкомы в 1917 году.
Эйдеман Р. и Меликов В., Армия в 1917 году.
Шохин А., Рабоче-крестьянская молодежь в Октябре.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ

Сталин И., На рубеже 10-летия Октября.
Ворошилов К., Красная армия и Красная гвардия.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Труды семинариев Института красной профессуры, под ред. М. Н. Покровского в двух томах (печ.).

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ
В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСИЗДАТА РСФСР
Москва, Ильинка, Богоявленский пер., 4.
Тел. 1-91-49, 3-71-37, 5-04-56.
Ленинград, „ДОМ КНИГИ", Просп. 25 Октября, д. № 28.
Тел. 5-34-18.
И ВО ВСЕ ОТДЕЛЕНИЯ И МАГАЗИНЫ ГОСИЗДАТА РСФСР

★

МОСКВА, ЦЕНТР, ГОСИЗДАТ, „КНИГА-ПОЧТОЙ",
высылает немедленно по получении заказа
КНИГИ ВСЕХ ИЗДАТЕЛЬСТВ, имеющиеся на книжном рынке.
Книги высылаются почтовыми посылками или бандеролью наложенным платежом. При высылке вперед всей стоимости заказа (до 1 руб. можно почтовыми марками) пересылка бесплатно.
ИСПОЛНЕНИЕ ЗАКАЗОВ БЫСТРОЕ И АККУРАТНОЕ.
Требуйте бесплатные каталоги „Октябрь" (Десять лет борьбы и строительства), содержащий основную литературу для подготовленного читателя и „10 лет Октября" — для массовика, рабочего и крестьянина.

КОПИРОВАНИЕ

6-13